

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (28) сентябрь 2015

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально. ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафатович, д-р юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАЛЫХ Ольга Евгеньевна, д-р экон. наук, профессор (Башкирский институт социальных технологий)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугра Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НИЗАМУТДИНОВА Роксана Ильдаровна, канд. техн. наук (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук, доцент кафедры философии и политологии (Башкирский государственный университет)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

VESTNIK BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

Founder:

Educational Institution of Trade Unions of higher education, "Academy of Labour and Social Relations"

ISSN 2078-9025

№ 3 (28) September 2015

«REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS»

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months. ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Science, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BEZZUBKO Larisa Vladimirovna, Doctor of Public Administration, Professor (Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture, Ukraine)

VALEEV Haidar Arslanovich, Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences, (Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan)

GAIDUK Vadim Vitalyevich, Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences (Bashkir State University)

ZULKARNAY Ildar Uzbekovich, Doctor of Economics, Professor (Ufa State University of Economics and Service)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KERIMOV Aleksandr Dzhangirovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Science, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MALYKH Olga Yevgenyevna, Doctor of Economics, Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State University of Economics and Service)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Science, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Science (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

SMETANINA Olga Nikolaevna, Doctor of Technical Science (Ufa State Aviation Technical University)

SAMIRKHANOV Amirkhan Mirkadamovich, Chairperson of the Federation of Trade Unions in the Republic Bashkortostan

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (the Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SHAYAKHMETOV Ulfat Shaykhizamanovich, Doctor of Technical Science, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members Of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich, Candidate of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

NIZAMUTDINOVA Roksana Ildarovna, Candidate of Technical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

SULEYMANOV Artur Ramilevich, Candidate of Political Science (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KHOROSHAVZEVA Olga Petrovna, Candidate of Culturological Sciences, (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Our address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА	7
Манойло А.В. Итоги уфимских саммитов БРИКС и ШОС: если Запад не пересмотрит свою политику, он рискует стать «задним двором» БРИКС	7
Гайдук В.В. Постсоветское пространство в современной архитектуре национальной безопасности: вызовы и перспективы	12
Халанский И.В. Политика КНР в постсоветском сегменте Центральной Азии: решение пограничного вопроса	16
РЕГИОН КАК СРЕДА МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	21
Нигматуллина Т.А. Молодежная политика в зарубежных государствах: трудоустройство и образование	21
Терновая Л.О. Глобальные проявления международного молодежного движения и его региональные особенности	28
Головко Ю.М. Роль высшего профессионального образования в рекрутменте молодежных лидеров. Опыт европейских государств	36
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС	41
Сулейманова Ш.С. Основы регулирования межнациональных отношений	41
Высоцкий А.В. Роль этнических конфликтов на постсоветском пространстве	46
Сулейманов А.Р. Управленческий потенциал в системе реализации государственной национальной политики России: правовой анализ и мониторинг	53

Аминов И.Р.

Роль органов местного самоуправления в урегулировании этнополитических конфликтов
в Республике Башкортостан: политико-правовой анализ 59

Ангели С.С.

Эндоэтнонимы и проблема самосознания народа 63

**МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНОВ И ТЕРРИТОРИЙ 66****Усманова Д.Р.**

Современное состояние миграционной ситуации
в Российской Федерации 66

Богатырева М.Р., Малых Д.Д.

Регулирование миграционной политики 70

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 75****Бреслер М.Г.**

Социально-философский анализ позиционирования процесса
воссоединения Крыма 75

Бутчанин А.М.

Процедура вхождения Крымского полуострова в состав России:
этнополитические особенности 79

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ИДЕОЛОГИЯ 88**Нугуманов Д.С.**

Специфика формирования и политического участия региональных политических элит
в современной России 88

Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Абдрафикова Л.В.

Анархизм и конвенционализм (Часть I) 92

CONTENTS 101**АВТОРАМ 111**

CONTENTS

REGIONAL SPACE AND POLITICAL GLOBAL ORGANIZATION	7
Manoylo A.V. The results of SCO and BRICS summits in Ufa: If the West fails to re-examine its policy, it risks becoming the "back yard" of BRICS	7
Gaiduk V.V. The former Soviet Union in the present-day concept of national security: challenges and perspectives	12
Halansky I.V. China's policy in the former soviet countries of Central Asia: adjustments of frontiers	16
REGION AS A MEDIUM FOR YOUTH SOCIALIZATION	21
Nigmatullina T.A. Youth policy in foreign countries: employment and education	21
Ternovaya L.O. Global emergence of the international youth movement and its regional peculiarities	28
Golovko Y.M. The role of the higher professional education in youth leaders recruitment. European countries experience	36
NATIONALITIES POLICY AND ETHNOPOLITICAL CONSENSUS	41
Suleimanova Sh.S. Regulation of inter-ethnic relations	41
Vysotsky A.V. The role of ethnic conflicts in former soviet space	46
Suleymanov A.R. Management potential within the system of national policy implementation in RUSSIA: legal analysis and monitoring	53

Aminov I.R.

The role of the local government in regulating of ethno-political conflicts
in the Republic of Bashkortostan: political and legal review. 59

Angeli S.S.

Endonyms and national identity problems. 63

**MIGRATION AS THE FACTOR OF THE REGIONS
AND TERRITORIES DEVELOPMENT 66**

Usmanova D.R.

The current state of the migration in the Russian Federation. 66

Bogatyreva M.R., Malykh D.D.

Migration policy regulation. 70

**TERRITORIAL IDENTITY OF RUSSIA
IN THE GLOBALIZED WORLD 75**

Bresler M.G.

Social and philosophical analysis of the Crimea's reunification process 75

Butchanin A.M.

The procedure of Crimea's reunification with Russia: ethno-political peculiarities 79

REGIONAL ELITES AND IDEOLOGY 88

Nugumanov D.S.

Peculiarities regional political elites formation
and political participation in present-day Russia 88

Suleymanov T.F., Kashapov U.A., Abdrafikova L.V.

Anarchism and conventionalism (Part I). 92

CONTENTS 101

FOR AUTHORS 111

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА

УДК 32(470.57)

МАНОЙЛО Андрей Викторович,
доктор политических наук, профессор
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: 9315891@gmail.com

ИТОГИ УФИМСКИХ САММИТОВ БРИКС И ШОС: ЕСЛИ ЗАПАД НЕ ПЕРЕСМОТРИТ СВОЮ ПОЛИТИКУ, ОН РИСКУЕТ СТАТЬ «ЗАДНИМ ДВОРОМ» БРИКС

В настоящей статье подводятся и анализируются итоги саммитов БРИКС и ШОС в г. Уфа, проходивших 8–9 июля 2015 года. Отмечается, что саммиты способствовали окончательному оформлению БРИКС в роли международной организации и расширению ареала влияния ШОС в Западной и Южной Азии. Содержание основополагающих документов, принятых на саммитах БРИКС — Уфимской декларации, Плана действий и Стратегии экономического партнерства до 2025 года позволяет утверждать, что БРИКС действительно стала новым инструментом формирования новой глобальной политической реальности, архитектуры многополярного мира. Расширение ШОС за счет принятия новых членов — Индии и Пакистана — существенным образом меняет ее региональный статус на международный и делает эту организацию глобальным актором мировой политики. Предложение Президента Российской Федерации В.В. Путина инициировать процесс интеграции БРИКС и ЕАЭС позволяет утверждать, что вскоре БРИКС, опираясь на ресурсы ЕАЭС, станет ведущей мировой силой, а Запад со своей политикой конфронтации может сам оказаться на периферии восходящих экономик стран БРИКС и их союзников, став «задним двором» БРИКС.

Ключевые слова: саммит, международная арена, интеграция, союзник, конфронтация, глава государства, международная безопасность, экономическое партнерство.

9 июля 2015 г. в Уфе завершились саммиты БРИКС и ШОС. В столицу Башкирии приехали главы 15 государств, играющих ключевую роль в Евразии, Африке, Латинской Америке. Президент Российской Федерации В.В. Путин, подводя итоги встреч на высшем уровне, заявил, что проведение саммитов БРИКС и ШОС стало кульминацией российского председательства в этих двух авторитетных международных структурах. Действительно, масштаб возросшего влияния БРИКС и ШОС на мировую политику таков, что сегодня эти две организации становятся одним из ключевых фак-

торов глобального управления, рычаги которого находятся в руках незападных (не ориентированных на Вашингтон) политических элит, выступающих по отношению к Западу с собственных, альтернативных, позиций. Степень этого возросшего влияния нашла свое отражение в глобальных документах, подписанных лидерами БРИКС в Уфе, которые определяют те глобальные тектонические сдвиги в мировой политике, которые произойдут в ближайшие годы в результате превращения БРИКС в международную организацию, сравнимую с ООН (но не дублирующую ее функции), и пре-

вращения ШОС за счет расширения состава ее участников из региональной организации в глобальную. В любом случае, можно с уверенностью сказать, что мир после уфимских саммитов БРИКС и ШОС, также как и после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, прежним уже не будет: уфимские основополагающие документы продолжают линию, направленную на использование ШОС и БРИКС в качестве инструментов формирования новой многополярной мировой системы, которую с полным основанием в будущем поколения назовут «Крымской».

Главные итоги саммитов БРИК и ШОС таковы.

Во-первых, в Уфе главами России, Китая, Индии, Бразилии и Южноафриканской республики подписаны три основополагающих документа, закладывающих правовой фундамент новой международной организации, которой БРИКС — пока еще неформальное объединение пяти стран — станет в самом ближайшем будущем:

- Уфимская декларация;
- План действий стран БРИКС;
- Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2025 года.

Они содержат конкретные договоренности о совместных действиях по скорейшему преобразованию форума БРИКС в международную организацию, с собственной международной программой и политической повесткой, с полным набором международных институтов, способных эффективно регулировать международные отношения в интересах справедливости и формирования многополярного мира, используя для этого совокупные ресурсы, влияние и авторитет стран БРИКС. Все это должно привести в самом ближайшем будущем к укреплению международного статуса БРИКС и превращения его в крупнейшего, наравне с Организацией объединенных наций, регулятора международных отношений, гаранта международной безопасности и стабильности.

Саммит БРИКС в Уфе стал отправной точкой для начала функционирования двух таких финансовых институтов — Нового банка (теперь так называется Банк развития БРИКС) и Пула условных валютных резервов с со-

вокупным капиталом в 200 млрд долларов (в июле 2014 г. в бразильском Форталезе были намечены лишь базовые принципы создания этих трансконтинентальных структур). Это — реальные международные финансовые институты, способные составить реальную конкуренцию и альтернативу Международному валютному фонду — организации, находящейся под контролем и внешним управлением Вашингтона. Наличие таких институтов у БРИКС прямо свидетельствует о том, что БРИКС де факто уже стала полноценной международной организацией. Это результат, который еще в начале 2000 годов было абсолютно невозможно предсказать и спрогнозировать: в 2000 БРИКС существовал только на бумаге и в головах придумавших эту аббревиатуру аналитиков Голдман Сакс. Сегодня это — реальная международная организация, представляющая собой не противоположность западному миру, а альтернативу, привлекательную тем, что в основу объединения и сотрудничества стран, входящих в БРИКС, положен принцип справедливости, законного права каждой страны занимать достойное место в мировой политике и влиять на мировые политические процессы. И саммит в Уфе еще раз это подчеркнул. Главы государств, входящих в БРИКС, еще раз подчеркнули, что БРИКС создана не для блокового противостояния с Западом, не для оказания давления на МВФ и другие международные институты, в которых правила игры диктует Вашингтон, а для формирования нового многополярного мира, основанного на разделяемых большинством стран современного мира основополагающих принципах справедливости и равноправия — мира, альтернативного американоцентричной однополярности, распадающейся у нас на глазах. БРИКС становится фактором глобального управления.

Главы стран БРИКС договорились, что до конца 2015 г. будет разработана специальная дорожная карта по практической реализации основных позиций, изложенных в Уфимской декларации, Плана действий и Стратегии экономического партнерства стран БРИКС до 2015 года. В дорожную карту войдет перечень совместных крупных проектов в сфере инфраструктуры (это — приоритетное направление

в совместной деятельности стран БРИКС, расположенных на трех континентах и контролирующих важнейшие трансконтинентальные транспортные артерии и маршруты), промышленности, сельского хозяйства, торговли, науки и культуры. Завершена ратификация плана создания Банка резервных топливных запасов БРИКС — структуры, предназначенной для формирования внутри БРИКС собственного нефтегазового рынка, направленного на поддержку развития национальных экономик этих стран, обеспечение бесперебойности питания этих экономик энергетическими ресурсами, то есть структуры, призванной обезопасить страны БРИКС от мировых энергетических кризисов.

В качестве меры обеспечения открытости внешней политики, реализуемой странами-участниками БРИКС от имени и в интересах всего объединения, в Уфе принято решение о создании официального сайта БРИКС — для того, чтобы Запад видел реальные намерения стран-участниц и наконец-то перестал гундеть по поводу того, что в Уфе сплетается паутина нового антизападного мирового заговора. Обеспечивать информационную политику сайта БРИКС станет новая структура — виртуальный секретариат [2–3]. Эту инициативу можно только поприветствовать: давно пора. Теперь уже никто не сможет сказать в отношении БРИКС заезженную фразу: «Чего нет в Фейсбуке — того нет в природе».

Очень важным — стратегическим — моментом на саммите БРИКС и ШОС стало заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина о том, что БРИКС должен (в перспективе) интегрироваться с Евразийским союзом [1]. Возможно, это означает, что Евразийский союз, ведущую роль в котором играет Россия, в будущем войдет в БРИКС в качестве коллективного члена. Но возможны и другие формы интеграции. Если это произойдет, то ресурс БРИКС возрастет многократно, так как в этом случае ассоциированными членами БРИКС станут государства, входящие в ЕАЭС, или страны, присоединившиеся к нему, которых может быть неограниченное количество. При этом важно понимать, что интеграция БРИКС с ЕАЭС автоматически будет означать интеграцию БРИКС с ШОС, поскольку целый ряд стран одновре-

менно состоят и в ЕАЭС, и в ШОС. В результате три международных структуры, обладающие колоссальным совокупным потенциалом, объединят свои ресурсы, что не пройдет бесследно для Запада.

Саммит ШОС был посвящен двум важнейшим вопросам: это — противодействие новым угрозам и вызовам международной безопасности (речь шла о коллективном противодействии экспансии террористической организации «Исламское государство») и прием в состав ШОС новых членов.

Впервые за пятнадцатилетний период существования ШОС в эту организацию вступили новые члены: подписаны документы о начале процедуры приема Индии и Пакистана. Президент Российской Федерации В.В. Путин в связи с этим событием заявил, что таким образом существенно «расширятся возможности ШОС по противодействию современным вызовам и угрозам, существенно повысятся политический и экономический потенциал организации». Это действительно так: основной целью ШОС является недопущение вмешательства внерегиональных игроков во внутренние дела региона, и с приемом Индии и Пакистана в ШОС «замороженный» индо-пакистанский конфликт и его урегулирование станет внутренним делом этой организации, что закроет США и НАТО возможность вмешиваться во внутренние дела этих стран (особенно это касается Пакистана) под предлогом участия в международной миротворческой деятельности. В этом, кстати, кроется одна из основных причин, почему в ШОС стремится войти Афганистан: эта страна уже имеет опыт участия США и НАТО в урегулировании внутреннего конфликта, и знает, что случается с странами, которые приглашают Вашингтон разобраться в своих внутренних делах. Кстати, в рамках ШОС состоялось детальное обсуждение положения дел в Афганистане, в ходе которого констатирована активизация боевиков «Исламского государства», представляющая угрозу всему региону.

В ШОС также желает войти Иран. Вопрос о его приеме в члены организации был отложен, вероятно, в связи с некоторыми задержками в подписании всеобъемлющего соглашения по урегулированию иранской ядерной

проблемы. Именно после подписания этого соглашения, намеченного первоначально на 30 июня, США и Запад должны начать процесс поэтапного снятия санкций. Очевидно, что после того, как Иран станет свободным от санкций, он будет прият в ШОС, и эта организация станет основным механизмом урегулирования конфликта Ирана с Западом. С чем действительно будет трудно смириться Соединенным Штатам, которые своей инициативой и подписанным в Лозанне рамочным соглашением фактически открыли Ирану путь в ШОС.

В рамках саммита ШОС были выработаны коллективные меры противодействия международному терроризму и исламизму, борьбы с ИГ. При этом рассматривались комплексные меры как военного, так и информационно-идеологического характера. Согласно источникам, речь шла как об укреплении обороноспособности стран, расположенных на первой линии нападения исламистов (различными методами — от создания опорных военных баз до комплексного перевооружения национальных армий, поставки в кредит новейших систем вооружения и военной техники, обучение личного состава), так и о идеологической борьбе, направленной на противодействие пропаганде исламистов в СМИ, блогосфере и социальных сетях.

Лидеры стран-членов ШОС одобрили Программу сотрудничества в борьбе с терроризмом и сепаратизмом на 2016–2018 годы. Президент Российской Федерации В.В. Путин на пресс-конференции по итогам международных саммитов заявил, в этом направлении необходимо сделать следующие шаги и незамедлительно начать разработку конвенции ШОС по борьбе с экстремизмом». Глава государства отметил, что «одним из главных источников финансирования радикальных террористических группировок являются доходы от наркоторговли, поэтому члены ШОС наметили планы по противодействию наркоугрозе». Эти планы отражены в специальном заявлении саммита. На противодействие наркотрафику нацелено также принятое соглашение о сотрудничестве по пограничным вопросам.

Обсуждали и проблему противодействия цветным революциям: определенные вбросы

на эту тему появились в СМИ незадолго до начала работы саммитов ШОС и БРИКС. В целом, речь шла о создании системы коллективной безопасности в условиях цветных революций, гибридных войн и управляемого хаоса; формировании системы раннего предупреждения (мониторинга) цветных революций, распознавания их на ранних стадиях по специальной системе признаков, о контроперациях, направленных на разрыв технологической цепочки цветных революций, и о многом другом. Предполагается, что такая система должна стать межгосударственной и принадлежать в равной мере России и Китаю, с долевым участием государств ЦА, Индии и Пакистана, а в будущем — Сирии, Ирана, Афганистана, Ирака и др.

Запад в целом воспринял приближение событий в Уфе настороженно: в заголовках западных газет преобладало мнение, что лидеры стран БРИКС и ШОС собрались для того, чтобы превратить эти объединения в военно-политические блоки, единственная цель которых — противостоять Западу, Евросоюзу, США и НАТО. Отчасти, в этом есть рука западной политической пропаганды, которая попыталась использовать этот инфоповод для того, чтобы еще раз напугать европейскую и американскую политическую общественность и обновить ее враждебное отношение к России. Но в целом это также указывает на то, что представители западной цивилизации и культуры сквозь призму своих «евроценностей» не очень хорошо понимают истинные мотивы стран, собравшихся на этих саммитах. Им невдомек, что ШОС и БРИКС никогда не создавались для блокового противостояния и никогда участвовать в такого рода кампаниях не будут. Их миссия — строить новый многополярный мир, в котором Запад найдет себе достойную нишу, если очень этого захочет. Или он сам окажется в изоляции. Об этом говорит карта мира (каким он будет в 2025 году), нарисованная известным американским политическим аналитиком Йеном Бреммером: на карте мира он оставил лишь те страны, в основном относящиеся к англо-саксонской цивилизации, которые поддержали санкции против России. Остальные страны, включая всю Африку, Россию, Индию, Китай, на карте отсутствуют — на рисун-

ке видно, что на месте этих стран плещется мировой океан. Вместе с тем, на том же рисунке отчетливо видно то, что ускользнуло от внимания американского аналитика: стран, безоговорочно поддерживающих внешнюю политику США — меньшинство, их всего-то около 40, то есть меньше трети от общего количества стран в мире. На карте эти страны кажутся очень разрозненными и одинокими: на ядро мира

они никак не тянут, зато на реальную периферию — определено. Сравнивая темпы, с которыми набирает мощь БРИКС, ШОС и ЕАЭС, можно с уверенностью утверждать, что, если западные страны не пересмотрят свое отношение к России и Китаю, то будущее у них может оказаться весьма печальным: те страны, которые поддерживают антироссийские санкции, станут «задним двором» БРИКС.

Литература

[1] Евразийский вектор, вклад в безопасность и «дорожная карта» инвестпроектов БРИКС // ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/politika/2107931> (дата обращения 12.07.2015).

УДК 32

ГАЙДУК Вадим Витальевич,

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии
Башкирского государственного университета
e-mail: vgrb@mail.ru

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тема обеспечения безопасности постсоветского пространства, надежной защиты территорий независимых государств, конституционного строя, своевременной нейтрализации внутренних и внешних угроз — актуальнейшая проблема современности и объект повышенного политического интереса современных исследований. В данной статье исследуется предотвращение этнополитических угроз на постсоветском пространстве, которые выступают некими лабораториями для проведения политических опытов и экспериментов над «живыми материями» государственности.

Ключевые слова: *постсоветское пространство, политическая регионалистика, этнополитика, политические конфликты, национальные отношения, федеративные отношения, национальная безопасность, цветные революции, этнополитические угрозы.*

От архитектуры до хаоса — один шаг. В сентябре 2015 г. российские политологи определяли место нашей страны в структуре международной безопасности. На нижегородском семинаре: «Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы» уже в первых выступлениях прозвучала констатация: архитектуры-то, собственно, нет. Человечеству до сих пор не удалось создать устойчивую систему международной безопасности.

К моему глубокому сожалению, некоторые постсоветские государства становятся площадками, государственными лабораториями для проведения внешних опытов и экспериментов. «Цветные революции», свержение легитимных глав государств, примат узконаправленных интересов отдельных стран (которые считают себя «богами») над международным правом демонстрируют некую «провальность» основного концепта безопасности постсоветского пространства [4].

Должен сразу отметить, что, разумеется, прямой военной угрозы постсоветскому пространству, конечно, сегодня нет. Гарантия тому,

прежде всего, стратегический баланс сил в мире. Но в то же время современная политическая проекция в постсоветском измерении становится инструментом конструирования социально-политической нестабильности в регионе. Тот баланс сил, установившейся после распада СССР, сегодня претерпел кардинальные изменения [3].

Советский Союз нельзя было разрушить ни военным путем, ни экономическим, поэтому он был разрушен изнутри.

Очевидно, что распад Советского Союза — это конфликт всей международной системы того времени. А природа конфликта многомерна. Он имманентен как социальной, так и политической сфере человеческого бытия, он вообще имманентен бытию в той или иной форме. Конфликт — объективен, имеет свою логику развития, часто выходит из-под контроля. Конфликт — иррационален. Его иррациональность часто заключена в самой человеческой природе — любой конфликт эмоционально окрашен, что часто задает тон его эскалации и именно поэтому использование беспристрастных «третьих лиц» для урегулирования конфлик-

ных ситуаций, как на бытовом, так и глобальном уровнях приобрело широкое распространение. Однако конфликт может быть и рациональным, и именно поэтому он управляем [2]. Но легко ли управлять конфликтом? Доводить его до нужных фаз и состояния?

Очевидно, что конфликт в реалиях современности «подогревается» языком ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неудобные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые «цветные революции», а если называть вещи своими именами — просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне [1].

Конечно, упор делается на проблемы внутри стран. Проблем всегда достаточно, особенно в нестабильных государствах, в несостоявшихся государствах, государствах со сложным режимом. Конечно, проблемы всегда есть, только непонятно, зачем использовать эти проблемы для полной дестабилизации и развала этих стран, что мы часто видим в последнее время в различных регионах многополярного мира.

Часто ставка делается на радикальные, националистические, а то и просто на неонацистские, фундаменталистские силы, так, как это происходило, к сожалению, во многих странах постсоветского пространства, и то, что происходит сейчас на Украине, практически то же самое — то, что мы сейчас видим.

Современная Украина, по нашему мнению, яркий пример лаборатории этнополитических экспериментов и угроз, опыт которой в перспективе может тиражироваться и в других странах постсоветского мира. Но нужен ли такой опыт этим странам?

Я уже не говорю о том, что люди на Украине пришли к власти вооруженным антиконституционным путем. Да, после переворота провели выборы, но странным образом почему-то во главе государства опять оказались те, кто финансировал либо осуществлял этот переворот. А часть населения страны, которая не согласна с таким развитием событий, также силой пытаются подавить без всякой попытки провести хоть какие-то переговоры. Что это, если не эксперимент над жителями Украины? И по-

лучил ли украинский народ ценности согласия и мира?

Складывается впечатление, что украинские власти попросту забыли об этих самых ценностях. Ценности согласия и мира — это не подарок наших предков на все времена. Такие традиции необходимо постоянно поддерживать. Кроме того, жизнь идет вперед, появляются новые вызовы, новые риски и новые угрозы. Это требует от государства и общества самого пристального внимания и достаточно кропотливой ежедневной работы. И если само государство этого не понимает, «втаптыкает в грязь» свою историю и память, то будущего у него нет.

Природа межнационального конфликта вытекает из характера наций как государственно-политических, гражданско-правовых, социально-экономических, а также социокультурных общностей людей, поскольку нация (национальное) включает в себя этнический (социокультурный) компонент, пронизывающий, окрашивающий, в том числе политические и другие стороны нации.

Конфликтное поле межнационального противоречия, равно как и этнического формируется в процессе многосторонних взаимоотношений наций друг с другом и этносами в полинациональном и полиэтническом пространстве. Сами конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этих социальных организмов. Различие здесь состоит в том, что интересы этноса формируются как интересы замкнутой групповой организации людей и мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная выступает в качестве другой, «чужой» по отношению к своей; для нации же имеет место представление и выражение интересов более широкой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приобретающей) свою социально-экономическую и гражданско-политическую основу.

Существует много способов для завершения межнационального и межэтнического конфликта: устранение объекта конфликта; замена одного объекта другим; разделение объекта конфликта между сторонами; устранение одной из сторон конфликта; изменение позиций одной или обеих сторон; изменение характе-

ристик объекта; получение новых сведений об объекте или наложение на него дополнительных условий; недопущение непосредственного или опосредованного взаимодействия участников (например, введение в зону соприкосновения конфликтующих сторон миротворческого контингента); приход участников конфликта к единому решению или обращение их к «арбитру» при условии подчинения любому его решению. В основном они направлены на изменение самой конфликтной ситуации путем либо воздействия на участников конфликта, либо изменения характеристики объекта конфликта и др.

Межнациональный и межэтнический конфликты в своей динамике могут проходить различные уровни (стадии) противостояния, как в сторону эскалации противоборства, так и в сторону снижения накала борьбы. При этом важно, чтобы выбранный вариант соответствовал сложившейся ситуации и отвечал интересам и целям субъектов взаимодействия. Необходимо также помнить, что взаимодействие предполагает долговременную систему отношений. Поэтому не надо стремиться к демонстративной победе. Тактический выигрыш может обернуться стратегическим проигрышем, а демонстративная победа может даже оппонента превратить в потенциального и реального врага.

Курс новой политики в таком случае придерживается направленности в сторону гармонизации межнациональных и межэтнических отношений, укрепления единства Российской Федерации и снижения уровня социальной напряженности на этнической почве. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», основным принципом государственной национальной политики Российской Федерации является: государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти, который в свою очередь предполагает: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также

других обстоятельств; предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Во многих случаях межнациональные и межэтнические конфликты вместо решения доходят либо до полиции и суда, либо подавляются, замалчиваются, что увеличивает риск сильных вспышек ненависти и демонстрации силы. Для того чтобы обычное недопонимание между людьми не переросло в экстремизм, желательно уже на первом этапе такого проявления искать способы мирного урегулирования и предотвращения конфликтов.

Зачастую лидерам и активистам национально-культурных объединений не хватает знаний в вопросах национальных и этнических отношений, предотвращения и разрешения конфликтов.

Если брать в пример конфликт, который основывается на этнокультурных и национальных стереотипах и предрассудках, то тут медиация попытается примерить людей на основе формального договора, который сможет удовлетворить обе стороны, но уже после того, как все домыслы, не имеющие под собой оснований, будут развеяны и приведены к обычным реалиям жизни общества.

В том случае, если дело касается сферы труда, и начинают затрагивать интересы мигрантов или лиц, не относящихся к «титальной нации», работодателю стоит обратить на это внимание и прибегнуть к помощи специалистов по межнациональной и межэтнической медиации, поскольку, обычная ксенофобия между сослуживцами должна подавляться уже на стадии недопонимания. Конфликты, которые приводят в дальнейшем к штрафам, административным наказаниям и приводам в полицию не упрощают работодателю жизнь. В лучшем случае разбирательство станет замалчиваться, в худшем, стороны просто останутся при своем мнении и дело может дойти до столкновений и выйти за рамки рабочего процесса.

Таким образом, можно констатировать, что необходимость поиска новых подходов для

разработки методов диагностики этнополитических конфликтов, исследования и мониторинга проявлений экстремизма в обществе — актуальна, как никогда. В современных условиях развития общества, для решения проблем в сфере сохранения межнационального и межэтнического мира на территории Российской Федерации, требуется совершенствование социально-политических методов и коммуникационных технологий.

Если вернуться к рассмотрению современного постсоветского этнополитического конфликта, то здесь все очевидно и можно разложить по полочкам.

Самое главное, чтобы в нем участвовали не заинтересованные группы. США никак нельзя отнести к объективным медиаторам. Они скорее выступают в лучшем случае «раздражителями» конфликта, в худшем — его косвенными зачинщиками. Постсоветский конфликт должен решаться только постсоветскими государствами, которые имеют на это политико-правовой и моральный долг.

Что может быть предметом урегулирования постсоветского конфликта?

Безусловно, конфликт должен рассматриваться с позиций «не навреди». Основная цель его урегулирования — это обеспечение безопасности постсоветского региона.

Литература

[1] Бакушев В.В., Гайдук В.В. Украинский кризис: уроки для России и партнеров // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2014. № 3–4 (8–9). — С. 80–90.

[2] Гусева М.О. Конфликт личности на почве национальных переживаний // Этносоциум и межнациональная культура. — 2010. — № 3 (27). — С. 125–133.

[3] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14). — С. 87–102.

[4] Мурзагалеев Б.Р., Сулейманов А.Р. Социально-политические технологии противодействия «цветным революциям» в молодежной среде. — Уфа: Диалог. — 2015. — 84 с.

Хаотизация международных отношений возникла не сегодня. Вспомним хотя бы, что Советскому Союзу никто не давал мандата на ввод войск в Будапешт и Прагу, а американцам — на войну во Вьетнаме. Системы обустройства мира, оформленные после Второй мировой войны, работали недолго.

При этом главный принцип, на котором всегда держалась национальная безопасность, — это равновесие, баланс сил. Плюс соблюдение международного права, которое сегодня сплошь и рядом нарушается. Мир живет по праву сильного. Без санкции ООН бомбили Сербию, свергли Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи. Сегодня уместно говорить о хаотизации международных отношений. В ближайшее время может произойти очередное перераспределение центров силы. Из-за бесконтрольного наплыва беженцев может ослабнуть Европа. При этом неуклонно растет мощь Китая и Индии.

Россия стремится к созданию новых коалиций, как это делают Соединенные Штаты, как это делает Китай. Слабое государство концентрируется на проблемах внутренней безопасности, сильное — на внешних, глобальных. Важно только сразу определиться, в какой роли есть намерение выступать: в роли архитектора новых конструкций или в роли подмастерья.

УДК 327.8

ХАЛАНСКИЙ Игорь Викторович,кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологииКиргизско-Российского Славянского университета, г. Бишкек
e-mail: igor_halanskii@mail.ru

ПОЛИТИКА КНР В ПОСТСОВЕТСКОМ СЕГМЕНТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РЕШЕНИЕ ПОГРАНИЧНОГО ВОПРОСА

Статья посвящена политике КНР направленной на делимитацию границы с постсоветскими государствами Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, КНР, ШОС, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, граница, делимитация.

Сразу после распада СССР, в начале 1992 г., Китай одним из первых объявил о признании новых государств Центральной Азии (ЦА) и установил с ними дипломатические отношения в следующей последовательности: с Узбекистаном — 02.01.1992 г., с Казахстаном — 03.01.1992 г., с Таджикистаном — 04.01.1992 г., с Кыргызстаном — 05.01.1992 г., с Туркменистаном — 06.01.1992 г.

С самого начала Пекин взял курс на скорейшее решение проблемных вопросов, затрагивающих интересы безопасности Китая, сделав ставку на развитие сотрудничества с Россией, которая имела огромный исторический опыт присутствия в ЦА.

В формировании межгосударственных отношений КНР руководствуется пятью принципами мирного сосуществования, которые выдвинул в декабре 1953 г. Премьер Госсовета Китая Чжоу Эньлай в беседе с делегацией Индии: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Принципы мирного сосуществования вошли в Конституцию КНР 1982 году. Они стали основополагающими установками, которыми руководствуется КНР, устанавливая и развивая отношения со всеми странами мира [1].

Основой региональной политики КНР является концепция Дэн Сяопина «закрывать про-

шное, открыть будущее», а также наказы из 24 иероглифов: «хладнокровно наблюдать, сдержанно реагировать, твердо проводить курс, скрывать возможности и выигрывать время, никогда не пытаться лидировать, всегда быть способным добиваться некоторых результатов» [2].

Современной Концепцией, отражающей основы региональной политики КНР, являются принципы мирного сосуществования, которые Китай придерживается в отношениях с государствами ЦА. «Первый принцип «дружить с соседями» означает заявления о стремлении к формированию дружественных отношений со всеми соседними государствами. Второй принцип «дать соседям чувство успокоения» подразумевает, что находящиеся рядом государства должны чувствовать себя спокойно и безопасно. Третий принцип «помогать соседям богатеть» заключается в том, что Китай в процессе собственного быстрого экономического роста должен помогать соседним государствам, чтобы они так же могли извлечь выгоду из этого. Применительно к более слабым государствам региона эти принципы особенно уместны» [5].

На основе концепции была проведена нормализация отношений КНР с Россией, а также осуществлено признание независимости и установление дипломатических отношений со всеми странами ЦА. В первую очередь, Китай незамедлительно выступил с инициативой

возобновления переговоров по погранично-территориальным проблемам, начатым еще в период существования Советского Союза. Для китайского руководства было очевидным, что фундаментальные основы безопасности, целостности и неприкосновенности территории КНР будут обеспечены только тогда, когда будут окончательно определены, четко обозначены и юридически закреплены государственные границы Китая.

Контуры границы Китая с Российской Империей общей протяженностью почти в 7500 км формировались несколько веков и в основном были определены лишь к концу XIX века. Так пограничный конфликт Российской державы с Цинским Китаем в XVII веке завершился подписанием Нерчинского договора 12 августа 1689 г., который установил порядок разрешения возможных пограничных столкновений между двумя странами и способствовал развитию мирных взаимоотношений. По Айгунскому договору, подписанному 16 мая 1858 г., левый берег Амура от впадения в него реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения реки Уссури в Амур и до моря оставался в общем владении с Китаем. В 1858 году был подписан Тяньцзиньский договор, в 1860 г. — дополнительный Пекинский, которые подтвердили и уточнили Айгунский договор.

Однако китайские власти неоднократно выражали несогласие с линией прохождения границы и предъявляли территориальные претензии сначала к Царской России, затем — Советскому Союзу. Спорными считались участки на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Средней Азии и Казахстане. Лишь в середине 80-х гг. XX века политические перемены, происходившие в Советском Союзе и Китае, привели сначала к смягчению позиций Москвы и Пекина, а затем и достижению соглашения по участкам границы на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Однако принятие окончательного решения по западным (среднеазиатским и казахстанским) участкам советско-китайской границы, на которую приходилось около 3200 км, было прервано распадом СССР.

Наличие неделимитированных участков границы, спорных территорий и отсутствие соответствующей договорно-правовой базы

между Китаем и новыми государствами ЦА вызвали у Пекина обоснованное беспокойство данной ситуацией, так как она могла привести к возникновению пограничных конфликтов [9].

Одновременно Китай хотел воспользоваться «благоприятной» обстановкой, возникшей после распада СССР, для достижения максимальной выгоды для себя при решении погранично-территориальных споров. Китай издавна придерживался концепции, согласно которой земли, хоть раз входившие в состав Великоханьского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, считались неотъемлемой частью его территории. Если в процессе исторического развития данные земли приобретали самостоятельность или входили в состав других государств, они рассматривались как «временно утраченные» территории. В Пекине полагали, что Царская Россия по «неравноправным» договорам «оторгла» значительные китайские земли, и Советский Союз еще присвоил себе ряд земель общей площадью около 33 тыс. кв. км.

Уже в первой половине 1992 г. Китай инициирует двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния практически выпал из переговорного процесса) по линии прохождения границы и спорным территориям. Параллельно Пекин согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. В сентябре 1992 г. в Минске была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4 + 1»). В ходе переговоров были подтверждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. В последующем Китай зафиксировал с каждой из стран это положение в двусторонних соглашениях.

Первым из государств ЦА, с которым Пекину удалось в целом урегулировать погранично-территориальные проблемы, был Казахстан, имеющий с Китаем наиболее протяженную границу — около 1740 км. 26 апреля 1994 г. между КНР и Казахстаном был заключен договор «О казахстано-китайской государственной границе», который опре-

делил линию прохождения границы на всем ее протяжении, за исключением двух участков — в районе реки Сары-Чельды (бывшая Алматинская область) и перевалов Чаган-Обо и Баймурза (бывшая Семипалатинская область). Спор шел о 944 кв. км казахстанской территории. Лишь в сентябре 1997 г. было подписано дополнительное соглашение о границе, а 10 марта 1999 г. парламент Казахстана его ратифицировал. Тем самым был завершен процесс делимитации. В соответствии с соглашением, 407 кв. км спорной территории отошли Китаю, а 537 кв. км — остались у Казахстана. При этом Казахстан беспрекословно выполнил требование Пекина по ликвидации инженерно-фортификационных сооружений на границе, возведенных при СССР в качестве оборонительной системы против возможной агрессии со стороны Китая.

Двусторонние консультации между Пекином и Бишкеком по пограничным вопросам начались в 1992 году. До 1996 года Китаю и Кыргызстану частично удалось согласовать линию границы протяженностью более 1000 км. Наиболее сложными в ходе переговоров оказалось обсуждение спорных участков в районе перевала Бедель (водозбор реки Узенгю-Кууш) и пика Хан-Тенгри. 4 июля 1996 г. Кыргызстан и Китай подписали соглашение «О кыргызско-китайской государственной границе», а 17 марта 1998 г. парламент Кыргызстана его ратифицировал. Спорные участки вошли в соглашение с особым статусом, по которому Пекин и Бишкек договорились продолжить переговоры. Дополнительное соглашение «О кыргызско-китайской государственной границе» было подписано руководством двух стран 26 августа 1999 г. в Бишкеке. На основании данного соглашения, касающегося отдельных участков границы, было достигнуто следующее: от спорного Бедельского участка площадью 2840 кв. км Китаю отошло около 900 кв. км; от участка, прилегающего к пику Хан-Тенгри — 161 кв. км из 450 кв. км; участок Боз-Амир-Ходжент площадью 20 га отдан полностью. Таким образом, Кыргызстан хоть и не значительно, но уступил ряд территорий Китаю. Территориальные уступки Китаю были использованы оппозиционными политическими силами Кыргызстана

против Президента А. Акаева. После смены власти в марте 2005 г. [6] новое руководство не раз выражало желание пересмотреть подписанное экс-президентом страны А. Акаевым территориальное соглашение с Китаем. В Пекине к подобной перспективе относились с большой долей осторожности, говоря о том, что достигнутые ранее на государственном уровне договоренности не могут быть пересмотрены в случае смены руководства страны. Кроме того, Китай был готов пересмотреть условия действующих между двумя странами договоренностей в экономической и социальной сферах, в случае если бы Бишкек принял какие-либо недружественные по отношению к Пекину действия. Поэтому, в ходе государственного визита в Китай 9–10 июня 2006 г. Президент Кыргызстана Курманбек Бакиев и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, в которой говорилось, что все пограничные споры между Кыргызстаном и Китаем решены окончательно и никакого пересмотра ранее подписанных документов в этой области не будет.

Наиболее длительным по времени для Пекина оказалось решение погранично-территориальных проблем с Таджикистаном, где Китай претендовал на значительную часть Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Из-за гражданской войны в Таджикистане Пекин долго не мог окончательно урегулировать с Душанбе вопрос о прохождении общей границы протяженностью 519 км. Лишь в 1999 г. между двумя странами было подписано соглашение «О таджикско-китайской государственной границе», согласно которому Таджикистан сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак, но уступал Китаю около 200 кв. км другого участка близ реки Маркансу. В мае 2002 г. было подписано дополнительное соглашение «О демаркации границы и урегулировании территориальных споров», согласно которому Таджикистан согласился передать Китаю одну тысячу кв. км спорных территорий в ГБАО. А уже в мае 2004 года, в соответствии с подписанным правительствами Китая и Таджикистана соглашением, открылся первый контрольно-пропускной пункт на китайско-таджикистанской границе — КПП «Карасу» [7].

Распад СССР сформировал вблизи западных границ КНР новую геополитическую ситуацию, которая достаточно неоднозначно была воспринята в Пекине. С одной стороны, крах Советского Союза открывал перед Китаем новые возможности в плане расширения своего присутствия в Центральной Азии. С другой стороны, в Пекине, безусловно, понимали, что формирование обстановки в данном сегменте постсоветского пространства будет сопровождаться болезненными процессами, которые в совокупности с унаследованными проблемами советско-китайского периода могут крайне негативным образом сказаться на безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и КНР в целом.

И по сей день Китай рассматривает ситуацию в ЦА не только в качестве новых для себя перспектив, но и как комплекс потенциальных угроз собственной безопасности. Динамика происходящих в ЦА и вокруг нее процессов обуславливает постоянную корректировку Пекином критериев оценки возникающих в регионе угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них.

Рассматривая развитие ситуации в ЦА и вокруг нее в контексте потенциальных угроз безопасности КНР, следует условно выделить три ключевых фактора: распад СССР; нестабильность в Афганистане; усиление присутствия США. Распад Советского Союза и образование новых независимых государств коренным образом изменило расстановку сил в Центральноазиатском регионе и вокруг него, что само по себе являлось дестабилизирующим фактором для Китая, непосредственно граничащего с тремя центральноазиатскими странами — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Негативное для Пекина развитие событий могло быть вызвано как проблемами, унаследованными от периода советско-китайских отношений, так и появлением новых угроз, обусловленных изменением геополитической ситуации в ЦА. В этих условиях для Китая было важно, прежде всего, не допустить возникновения на своих западных границах очагов напряженности и обострения ситуации в СУАР. Поэтому наибольшую озабоченность у Пекина вызывали первостепенные потенциальные угрозы: неурегулированность погранично-тер-

риториальных вопросов; высокий уровень военного присутствия в приграничных районах; рост проявлений уйгурского сепаратизма.

Вопрос снижения уровня военного присутствия в приграничных районах решался параллельно с погранично-территориальными проблемами в рамках рабочей группы формата «4 + 1». Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан уже в рамках «Шанхайской пятетки» договорились об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах, и о необходимости информировать друг друга о действиях войск в пределах 100 км от границы.

«В целом достигнутые договоренности позитивно стимулировали, во-первых, процесс урегулирования пограничных вопросов; во-вторых, расширение сотрудничества Китая с центральноазиатскими государствами; в-третьих, формирование стратегического альянса между Пекином и Москвой» [8].

В 2000-х годах на постсоветском пространстве четко обозначилась устойчивая тенденция по дальнейшему сближению Пекина и Москвы, что было основано на близости оценок ситуации в ЦА и в мире в целом [4]. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала ШОС и придания ей большего международного веса [10]. В 2004–2005 гг. в состав Организации на правах наблюдателей вошли Монголия, Иран, Пакистан, Индия и в 2012 году Афганистан. В 2009–2012 гг. на правах партнера по диалогу к ШОС присоединились Шри Ланка, Белоруссия и Турция [3]. При этом заявка США на вступление в ШОС в качестве наблюдателя даже не рассматривалась. Одновременно Пекин взял курс на развитие политической и экономической составляющих ШОС: всестороннее углубление отношений с государствами ЦА за счет поддержки политических режимов и участия в крупных экономических проектах.

На сегодняшний день проблема делимитации границ между КНР и государствами ЦА в принципе считается решенной. Однако, как представляется, вопрос о принадлежности спорных приграничных территорий и, соответственно, прохождения границы при определенных обстоятельствах может стать причиной межгосударственных противоречий и нести

угрозу стабильности в регионе. Тенденция роста населения КНР и, в частности в СУАР, в сочетании с сохраняющейся в китайском обществе исторической памятью об «утраченных северных территориях», не позволяет сбрасывать со счетов вероятность предъявления в не далеком будущем новых территориальных претензий Китая к своим центральноазиатским соседям.

С учетом этого и принимая во внимание современный характер развития ситуации внутри и вокруг Центральной Азии, представляется крайне важным дальнейшее повышение мер доверия между странами-членами ШОС, формирование более устойчивых механизмов безопасности, в том числе путем использования в этих целях экономических инструментов.

Как представляется, в этом плане особого внимания заслуживают меры по формированию и развитию кооперации России и стран ЦА с Китаем, региональной экономической интеграции между Российской Федерацией и Центральной Азией, а также взаимовыгодной и долгосрочной схемы водного и энергетического взаимодействия. Отсутствие прорывов по этим стратегическим направлениям экономического сотрудничества будет значительно повышать шансы реализации неблагоприятных сценариев развития ситуации в регионе и вокруг него, в результате чего тезис об «окончательном решении проблемы границ» между КНР и ЦА может быть поставлен под сомнение.

Литература

- [1] Внешняя политика Китайской Народной Республики // Очерк о Китае. 16.11.2012. Изд-во «Синьсин» [Электронный ресурс]. — URL: <http://abirus.ru/content/564/623/627/634/11272.html>
- [2] Дэн Сяопин. Избранные сочинения Дэн Сяопина // Сборник научных трудов. Т. 3. — Пекин, 1993. — С. 320–321.
- [3] Зиберт Т., Волков В. Анкара готова поменять Евросоюз на ШОС [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dw.de/a-16576158/05-02-2013>
- [4] Ивэй Ван. Начало конца западной гегемонии идей // Жэньминь жибао. 19 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.imperiya.by/comments3-15845.html>
- [5] Китайский фактор во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / под общ. ред. Салиева А.А. — Бишкек, 2009. — С. 103.
- [6] Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. — Алматы, Бишкек, 2005. — С. 119–155.
- [7] Парамонов В., Столповский О. Погранично-территориальные проблемы в китайско-центрально-азиатских отношениях // Геополитика. КНР в Центральной Азии: сб. статей. Ч. 1. — М., 2009. — С. 8–9.
- [8] Столповский О.А. Интересы Китая по обеспечению безопасности в Центральной Азии // Мировая политика: взгляд из будущего: мат-лы V конвента РАМИ. Т. 5. Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии. — М.: МГИМО, 2009. — С. 109.
- [9] Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. — Бишкек, 2006. — С. 181–203.
- [10] Чжао Хуашэн. ШОС и соотношение великих держав на фоне новой ситуации в регионе ЦА // Analytic. — 2003. — № 1. — С. 3.

РЕГИОН КАК СРЕДА МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

УДК 329.78

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,
доктор политических наук, доцент, директор
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: ТРУДОУСТРОЙСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

В статье рассматриваются вопросы реализации молодежной политики в сфере трудоустройства и образования в европейских и азиатских странах. Современный период развития российской молодежной политики можно охарактеризовать как этап накопления общественно-политического опыта для ее эффективного функционирования, и с этих позиций возможности использования позитивных направлений зарубежного опыта в российской политической действительности представляет несомненный интерес.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, социально-экономические отношения, трудоустройство молодежи, зарубежный опыт, глобализация, безработица.

За прошедшие годы во всем мире резко обострились проблемы занятости молодежи. Глобальный кризис в этой сфере достиг беспрецедентных масштабов. И хотя в докладе Международной организации по труду (МОТ) отмечается, что уровень безработицы среди молодежи от 15 до 24 лет в мире снизился, однако он все еще остается выше докризисного и будет вновь расти. Согласно приведенной статистике, количество безработных в возрасте 15–24 лет в 2014 году составило 73,3 млн человек. Это ниже пикового показателя 2009 года в 76,6 млн чел., но выше докризисных 70,5 млн 2007 года. При этом уровень молодежной безработицы снижается в богатых странах.

Среднее количество безработной молодежи в мире в последние три года оставалось на уровне 13%, но в нынешнем году МОТ ожидает рост до 13,1%, а к 2018 году — до 13,2%.

По информации МОТ, самый высокий уровень безработицы — почти 45% — зафиксиро-

ван среди девушек на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В развитых экономиках и в Европейском союзе совокупный уровень безработицы в 2012 году составлял 18%, однако в 2015 году прогнозируется уже на уровне 16,2% и продолжит снижаться [16].

«Для стран с низким уровнем дохода без грамотной политики по развитию у населения необходимых рабочих навыков путь в «глобальную деревню» просто закрыт», — убежден ведущий экономист Всемирного банка Мартин Рама, — в то время как потребность в рабочих местах там велика. Сегодня в мире 200 млн человек трудоспособного возраста не имеют работы. Более трети безработных — 75 млн — моложе 25 лет, большинство из них живет в Юго-Восточной Азии и Африке южнее Сахары. И армия безработных в этих регионах продолжит расти: еще на 5,1 млн чел. в нынешнем году и на 3 млн в 2014».

Главные причины сложившейся ситуации — политическая и социально-экономическая не-

стабильность, миграционные процессы, демографические эффекты в современных обществах [8, с. 90–95; 11, с. 162–171].

На наш взгляд, целесообразно в свете исследуемой проблематики отдельно и более детально рассмотреть особенности формирования национальной молодежной политики в азиатских государствах и европейских странах.

Интересной с научной точки зрения представляется исследование молодежной политики азиатских стран, и прежде всего — Китая. Правящей партией здесь является Коммунистическая партия Китая (КПК), основанная в июле 1921 года. Отметим, что в стране действуют еще 8 политических партий, но их влияние на деятельность КПК минимально.

Еще 20 лет назад молодые китайцы предпочитали работать в частном секторе, но сегодня многие стремятся на госслужбу и проявляют повышенный интерес к политике. В большинстве своем китайская молодежь стремится вступить в Коммунистическую партию, т. к. члены партии пользуются наибольшим уважением в обществе. Кроме того, говоря о молодежи Китая, можно также отметить сходство с соседями — японцами — в плане инфантильности и детскости. Молодые китайцы ведут себя так, как будто не хотят взрослеть (в отличие от европейцев). Об этом говорят их внешность, манера общения, стиль поведения и стиль одежды [9, с. 166–174].

Сегодня особенно интересным становится социально-политический феномен кидалтов (от англ. *kid* — ребенок, *adult* — взрослый). Этот термин обозначает людей, уже вышедших по возрасту за пределы обыденных представлений о молодом человеке (старше 35 лет), которые «с детским восторгом принимают все новое, яркое, экстравагантное и бесполезное и готовы потратить на это любые деньги».

В.А. Луков подчеркивает, что можно считать кидалтов очередной субкультурой и изучать их в среде культурной антропологии. Отметим также, что, несмотря на присущую азиатской молодежи «детскость», она стремится к независимости, равенству полов, к жизни с элементами роскоши. Интересным является факт, что многие китайцы предпочитают местным подделкам дорогие брендовые оригиналы из-за рube-

жа. Безусловно, родители остаются главными советчиками в выборе профессии и спутника жизни, но молодежь уже давно заявила свое право на самостоятельность [7, с. 23].

Государственная молодежная политика в Китае осуществляется в полном соответствии с решениями Коммунистической партии, которая уделяет пристальное внимание жизни китайской молодежи, понимая всю огромную важность того, что именно подрастающее поколение несет в себе мощный потенциал будущего развития страны. Основным принципом молодежной политики Китая является трудовая этика, в основе которой лежит вовлеченность молодежи в экономико-трудовую деятельность. Большая роль здесь отводится участию студенчества, освобождающемуся на период летних каникул от образовательных обязанностей, в специально создаваемых трудовых лагерях [1, с. 67].

В последние годы одной из серьезнейших социальных проблем стало трудоустройство выпускников вузов. Она возникла после того, как в Китае была проведена реформа высшего образования, предусматривающая переход от элитарного высшего образования к массовому. За несколько лет реформы заметно возросло и число вузов, и количество поступающих в них: в Китае насчитывается более 2 тыс. университетов, колледжей и профессиональных высших школ, в которых обучается около 9 млн человек: более 5,5 млн студентов — на бакалаврских программах, около 300 тыс. — на магистерских и докторских. Это при том, что до 1949 года 80% населения были неграмотными [10].

Однако из общего числа вузов более половины являлись учебными заведениями, которые вели обучение по краткосрочным программам. Косвенно это указывало на то, что китайский рынок труда получил приток большого количества выпускников, навыки которых не вполне удовлетворяли работодателей. Как следствие, около четверти выпускников вузов не смогли найти работу. Это существенно понизило репутацию обучения по краткосрочным программам и породило процесс так называемой «инфляции дипломов».

Еще одна проблема связана с тем, что значительная часть студентов хотела бы трудоустро-

иться на государственных предприятиях или на предприятиях с участием иностранного капитала, тогда как — по крайней мере в первые годы после окончания вуза — им приходится работать на индивидуальных или так называемых «народных» предприятиях, где полученная ими в вузах квалификация либо мало востребована, либо не востребована вовсе [15].

Следует сказать, что руководство КНР принимает конкретные меры по стимулированию трудоустройства молодежи:

- увеличение спроса на труд — с помощью освобождения от уплаты части налогов, предоставления кредитных гарантий, субсидий на социальное страхование правительство страны поощряет научно-исследовательские организации, средние и небольшие государственные предприятия и негосударственные компании в привлечении на работу выпускников вузов;
- расширение каналов трудоустройства, включающее поощрение и привлечение выпускников вузов на работу в сельских организациях;
- создание своего бизнеса выпускниками вузов — для реализации низкорентабельных проектов есть возможность получить кредит до 100 тыс. юаней;
- выпускники вузов, которые занялись ведением мелкого бизнеса, освобождаются от выплаты административных сборов в течение трех лет;
- налаживание связей между вузами и предприятиями в формате государственных заказов [5].

Благодаря этим мерам китайскому правительству удается удерживать безработицу в стране на уровне, который был определен как оптимальный еще несколько лет назад: если в конце 2014 г. уровень безработицы в городах КНР был 4,1%, то за первые три месяца 2015 года он снизился на полпроцента и составил 4,05% (кстати сказать, этот показатель существенно ниже уровня безработицы в странах зоны евро (11,3%), но выше, чем у ближайшего соседа Китая по региону — Японии (3,4%).

Тревожным сигналом является то, что количество новых рабочих мест, созданных за

период с января по март 2015 г., оказалось на 200 тыс. ниже, чем за тот же период годом раньше: 3,24 млн против 3,44 миллиона. А ведь пик поисков работы в Китае приходится на летние месяцы, когда заканчивают учебу студенты китайских вузов.

Плановый показатель по количеству новых рабочих мест на 2015 год составляет 10 миллионов. Однако вопрос, удастся ли обеспечить работой всех прибывающих на рынок труда молодых китайцев, пока остается открытым [14].

Отличительной чертой государственной молодежной политики в Японии является делегирование части полномочий государственных органов общественным институтам, а также установление взаимовыгодных отношений между ними. Широко применяются методы государственного обеспечения функционирования специальных молодежных центров, бюро и служб. Японскую молодежную политику определяет детализированное разграничение ответственности, поэтапность и логичность взаимодействия органов управления с общественными институтами гражданского общества в реализации функций молодежной направленности.

Японская молодежь достаточно инфантильна. Многие, особенно женщины, остаются таковыми до самой старости. Основная сила этого народа в том, что они смогли построить общество коммунизма, которое устраивает, прежде всего, их самих. Японцы работают сами на себя и работают достаточно эффективно. Еще один не менее значимый фактор — это сильная национальная идея, существование идеологии. Четкое деление общества на лидеров и исполнителей, наличие жесткой дисциплины, беспрекословное подчинение обеспечили Японии высокую экономическую эффективность. В структуре правительства за реализацию молодежной политики отвечает Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий. Японское правительство в декабре 2003 г. разработало Национальную политику развития молодежи, основными положениями которой являются образование, здоровье, труд и благосостояние японской молодежи. Кроме того, политика молодежного развития основывается на положениях Конвенции ООН по защите прав детей. В 2001 году Кабинет ми-

нистров создал Комитет содействия развитию молодежи, в этом же году была принята Белая Книга о молодежи, которая публикуется ежегодно и освещает основные результаты развития молодежной политики в стране.

Таким образом, молодежь Японии активно участвует в социально-политической жизни страны, заручившись при этом помощью и поддержкой государства. Безусловно, в век глобализации Япония как страна со специфическими традициями и обычаями стала более открыта для западного мира. Интерес к Японии не угасает уже давно: японская кухня, восточные единоборства, японские гравюры, поэты и даже новомодный японский менеджмент — все это крайне интересно для среднестатистического европейца, особенно для молодежи [13].

Однако можно говорить и об обратном процессе, который известный японовед Евгений Штейнер называет «вестернизацией» Японии. Штейнер отмечает, что американизация японской жизни достигла неимоверно карикатурных размеров. Около 40% современного японского языка — это слова, заимствованные из английского, очень часто сильно искаженные. Перенимается западная кухня, западная мода, все западное, но чаще всего не в самом лучшем — «микки-маусовском» или «диснейлендовском» варианте. А различные, навеянные западом субкультуры вроде «гото Рири» (готическая Лолита) или Гангуро («черное лицо») носят лишь внешний характер. Японская молодежь не стесняется ходить в этих карнавальных костюмах по улицам, для них это всего лишь возрастное явление. Но всерьез увлечься христианством, или философией Гегеля, или чем-то подобным им просто не приходит в голову. Интерес к Японии существует и в России, особенно это стало очевидным в эпоху кризиса Советской власти, когда система требовала поиска альтернативных путей развития. Западный путь развития, капиталистическая и демократическая модели пользовались недоверием, тогда как жесткие японцы, добившиеся значительных успехов, с их структурой, близкой к тоталитарной, вызывали в СССР неподдельный интерес [12].

К. Волков высказывает иное мнение о детскости японцев: «Японская молодежь за этот

год изменилась. Если раньше ее считали потерянными поколением, которое ничего не интересует, кроме «шмоток и тусовок», то после катастрофы на АЭС выяснилось, что молодые японцы рвутся работать волонтерами в пострадавших районах. Несмотря на огромное количество брошенных домов, в Японии не наблюдалось случаев мародерства. И это при том, что 610 тыс. пострадавших продолжают жить в бараках», — говорит ученый [2].

Данный пример, когда молодежь готова мобилизовать свои силы и объединиться в условиях техногенных или природных катастроф, в ситуации войны или террористической угрозы, на наш взгляд, является как раз важным показателем успешности проведения молодежной политики и, в частности, воспитания и привития чувства патриотизма, гражданской ответственности и ответственности.

Что касается занятости населения, то 72% жителей Японии в возрасте от 15 до 64 лет имеют оплачиваемую работу, что превышает средний уровень занятости (65%) по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Женщины до сих пор имеют меньше шансов, чем мужчины, стать участниками рынка труда. Среди мужчин оплачиваемую работу имеют около 81%, а среди женщин — 62%. В Японии работу имеют 62% женщин. Эта разница, составляющая 19% между мужчинами и женщинами, свидетельствует о том, что возможности трудоустройства женщин могут быть расширены.

В Японии доля трудоспособных граждан, которые не имеют работы свыше одного года, в настоящее время составляет около 1,7% (в среднем по ОЭСР — 2,8%). Если говорить о длительной безработице, то в Японии, разница между мужчинами и женщинами достаточно велика, уровень безработицы среди мужчин составляет 2,1%, среди женщин — 1,1%.

Еще одним важным фактором, влияющим на качество рабочего места, является гарантия занятости. И здесь Япония на достаточно хорошем уровне: риску потери рабочего места подвержены лишь 2,4% работников (для сравнения: средний показатель по ОЭСР (5,4%).

Важными предпосылками получения работы являются хорошее образование и профессиональные навыки. По качеству образова-

ния Японии занимает лидирующую позицию. По уровню грамотности чтения, знаний по математике и естественным наукам в рамках Программы ОЭСР по международной оценке учащихся (PISA) учащиеся в среднем набрали 540 баллов. Этот результат значительно выше, чем средний показатель по ОЭСР (497 баллов), благодаря чему Япония является одной из самых сильных стран по навыкам.

В Германии и Франции наблюдается стратегия усиления присутствия в области молодежной политики государственно-властных структур. В этих экономически развитых странах, с отточенной системой регулирования процессов в социально-экономической сфере государство играет решающую роль в установление приоритетных направлений молодежной политики и ее реализации, непосредственно взаимодействуя с общественными организациями. В Германии на национальном уровне ответственность за разработку и реализацию молодежной политики несет Министерство по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи, в котором функционирует соответствующая структура, координирующая реализацию деятельности по молодежной политике.

В этих целях создаются мини-библиотеки при досуговых и социальных центрах, в лагерях отдыха, учреждаются национальные премии и гранты за лучшие произведения для молодежи; организуется обеспечение молодежи, особенно из маргинальных семей, доступом к занятию спортом — выдача «спортивных купонов» для оплаты занятий в секциях, выделяются средства Национального фонда развития спорта на региональный уровень для поддержки спортивной инфраструктуры; создаются специализированные информационные центры для молодежи, где предоставляются информационно-консультационные услуги.

В деятельности европейских наднациональных структур в отношении молодежи выделяются такие основные направления, как образование, свобода передвижения, академическая мобильность, занятость и профессиональная подготовка, вовлечение молодежи в добровольческую деятельность, освоение молодыми людьми информационных технологий, культурное развитие, сближение молодежи стран-членов ЕС и других государств, поощ-

рение гражданской активности молодежи, образование в области защиты прав человека, содействие межкультурному диалогу.

В последнее время Франция, к примеру, ориентирована на преодоление проблем, связанных со становлением общего рынка, созданием единой Европы, формальное объединение которой декларируется с начала 1993 года. Франции принадлежит значительная роль в разработке и осуществлении ряда программ ЕС относительно расширения международного сотрудничества в образовании и воспитании. К ним принадлежат программа «Эразмус», предусматривающая обмен студентами между высшими учебными заведениями, «Лингва», направленная на стимулирование расширения языковой компетентности.

В ФРГ при сохранении нынешней демографической ситуации к 2050 году, ведущей к существенному сокращению численности населения этой страны, точнее его старению, сложится такое дисбалансированное положение, когда на каждые 100 работоспособных жителей Германии будет приходиться 78 пенсионеров. Поэтому в прогнозируемом будущем высока вероятность увеличения рабочего времени и оптимизации размера пенсии. Кроме того, в связи с развитием медицинских геронтологических технологий возрастет качество и продолжительность жизни людей, что потребует увеличения производительности экономики, усиления трудовой занятости молодежи.

По сравнению с молодежью Германии, где возраст вступления данной группы населения во взрослую жизнь, увеличивается в связи с объективными причинами, российская молодежь невольно вынуждена принимать участие в социально-экономических отношениях значительно раньше. Согласно данным всероссийского опроса, проведенным фондом «Общественное мнение» [3], треть опрошенных заработали свои первые деньги до 15 лет, 44% — с 15 до 17 лет включительно, 11% первый заработок получили в 18 лет и лишь десятая часть — в 19 лет и старше. При этом распределение молодых трудовых ресурсов по различным отраслям экономики крайне неравномерно. К примеру, в сфере предпринимательства и обслуживания молодежь на сегодняшний день составляет и в последующем будет

составлять значительное число работающих, а в сфере управления, как на государственном, так и на муниципальном уровне, а также в социально-бюджетной сфере доля молодых сотрудников невелика, что в последствии приведет к ослаблению преемственности кадров, препятствует модернизации и влечет за собой системный кризис в социальной сфере. Данная тенденция способствует усилению противоречий между относительно молодой сферой бизнеса и «объективно пожилой» по кадровому составу социальной сферой. Сложившаяся ситуация не позволяет коммерческим структурам брать на себя определенную, необходимую стране, долю ответственности за социальную сферу.

Общепризнанным также является то, что в Германии, как и в Российской Федерации, достаточно высок уровень безработицы среди молодого поколения. В частности, в настоящее время в Германии 4,6 млн граждан имеют статус безработных. В России рост безработицы среди молодежи превышает рост безработицы среди населения в целом. Согласно статистическим данным, в 2002 году доля молодежи среди безработных составила около 40%, в 2003 году — 43,5%, повышается доля нетрудоустроенных выпускников средних и высших учебных заведений, наблюдается отток молодежи из научной сферы. Офис национальной статистики (ONS) Великобритании опубликовал сведения о состоянии на рынке труда в этой стране. Согласно им, за первый квартал 2013 г. безработица в Великобритании медленно возрастала, чтобы составить в настоящий момент значение в 2,52 млн чел. безработных. Из этого числа безработные в возрасте от 16 до 24 лет составляют 20,7%, или всего 958 тыс. человек [6].

Литература

- [1] Бажанов Е.П. Китай от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М.: Известия, 2007. — С. 67.
- [2] Волков К. Последствия землетрясения Япония ощущает до сих пор [Электронный ресурс]. — URL: <http://izvestia.ru/news/518104>
- [3] Данные опроса Фонда общественного мнения [Электронный ресурс]. — URL: www.fom.ru
- [4] Испанская молодежь не хочет платить пенсии [Электронный ресурс]. — URL: [http:// holaspain.ru/obschestvo/](http://holaspain.ru/obschestvo/)
- [5] Китай: молодежная политика в условиях кризиса [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.comparty.by/gazeta/2013/07/>
- [6] Курс Меркель исчерпал себя: экономика Германии оказалась не в состоянии сдержать кризис в Европе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regnum.ru/news/ /news/litva/1659136.html>

Из стран Евросоюза с более серьезными проблемами молодежи можно выделить Испанию. Последствия мирового экономического кризиса привели Испанию к росту бедности и социального неравенства. В Испании только один из четырех молодых людей уверен в правительстве, и только 17% доверяют парламенту. Кроме того, 75% молодых испанских людей в случае необходимости не хотят идти на войну и умирать за свою страну [4].

На сегодняшний день молодежь составляет 22% населения страны. Наиболее острые проблемы — высокий уровень безработицы и высокие цены на жилье. Именно поэтому молодые испанцы не торопятся уходить из семьи и обзаводиться своими семьями.

Таким образом, следует подчеркнуть, что не во всех государствах Западного мира молодежная политика реализуется эффективно и действенно. Родиться в Европе — это еще не значит, что проблемы прошли стороной. Более того, в условиях глобализации, финансовых и экономических кризисов, многие молодежные сообщества разочаровались в западной модели управления обществом (Испания, Греция).

Применительно к России. Совершенно очевидно, что в современных условиях допустимо синтезирование азиатских, европейских и отечественных направлений по формированию целенаправленной государственной молодежной политики, но только с учетом специфики российского образа жизни и традиций. Российская Федерация находится не просто на стыке Европы и Азии, как обычно принято говорить, но и занимает достаточно большую территорию обеих частей света, по сути символизируя политический принцип «единство в многообразии».

[7] Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социс. — 2012. — № 2. — С. 23.

[8] Нигматуллина Т.А. Политические настроения молодежи: региональный аспект // Труд и социальные отношения. — 2013. — № 8. — С. 90–95.

[9] Сафонова А.С. Молодежная политика и молодежь в политике: зарубежный опыт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: В 2 ч. — Ч. II. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 2 (28). — С. 166–174.

[10] Сидорова А.В. Современные студенты КНР: гарант стабильности политического режима или сила коренных изменений? [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4/385-35-ya-konferenciya-czentra-politicheskixissledovanij-kitaya-idv-ran>

[11] Сулейманова Ш. Геополитические процессы и мировая политика Этносоциум и межнациональная культура. — М. — № 11 (77). — 2014. — С. 162–171.

[12] Штейнер Е. Япония и «японщина» в России и на Западе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.polit.ru/article/2006/01/18/schteiner>

[13] [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/japan-ru/>

[14] [Электронный ресурс]. — URL: <http://regnum.ru/news/1541641.html>

[15] [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/bezrobotica-v-kitae-naskolko-stabilnastabilnost>

[16] [Электронный ресурс]. — URL: <http://runews24.ru/economy/09102015>

УДК 329.78

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры «Социология и управление»
ФГБОУ ВПО «Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)»
e-mail: 89166272569@mail.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Рассмотрены история формирования молодежного движения в мире, влияние на этот процесс демографического фактора и моделей политической культуры. Показаны разные условия действий молодежных объединений в регионах. Высказано мнение о новой форме международного молодежного сотрудничества в рамках региональных и трансрегиональных форматов.

Ключевые слова: политическая активность, молодежное движение, демографический фактор, политическая культура, глобализация, региональная интеграция.

Новая международная политическая и социально-экономическая повестка дня резко контрастирует с предыдущими периодами, когда мировому сообществу приходилось неотложно вырабатывать и принимать судьбоносные решения, своей насыщенностью и многоплановостью тематики. Она включает вопросы о путях преодоления экономического и финансового кризисов, методах борьбы с международным терроризмом, средствах преодоления экологических вызовов и многие другие. Помимо широчайшего круга забот современный перечень мировых проблем переживается и презентуется разнородными социально-политическими силами, которые инициируют глобальную, региональную или национальную дискуссию о том, что нужно и можно предпринять в первую очередь, чтобы начать продвижение к ликвидации имеющейся или потенциальной проблеме. Но в отличие от давних и даже не очень далеких периодов прошлого, когда число таких акторов было относительно невелико, а их интересы понятны, современные акторы отличаются невероятной пестротой идей, требований, лозунгов, форм предъявления своих программных установок.

Попытка структурировать имеющийся набор традиционных и новых социальных акторов позволяет обнаружить углубление давно обозначившегося различия между политическими партиями и общественными движениями по тому, как они видят такие болевые точки, предлагают их лечить и как они себя позиционируют. Их непохожесть была отмечена еще в период зарождения каждой из этих форм политической активности и со временем лишь закреплялась. Политические партии представляют собой относительно устойчивые организации с иерархической структурой, которые независимо от преобладающих в основе объединения их членов интересов, видят цель завоевания политической власти или максимальное участие в ней. Общественные, а позже — политические движения развивались изначально как массовое выражение стремления что-либо изменить или, наоборот, что-то сохранить в обществе и государстве. Это что-то всегда зависело от власти, но для достижения цели движения не требовалось брать власть. Участникам движения, состав которых постоянно меняется, необходимо, чтобы власть проявляла чуткость к их мнению, потребностям, а порой и желаниям. Многократное увеличе-

ние в современных условиях номенклатуры общественных движений говорит, прежде всего, о росте числа потребностей и набора желаний у людей XXI в. [10].

На фоне абсолютно новых движений многие из представителей этой формы политического участия могут похвастаться славным историческим путем, насчитывающим не одно столетие. Молодежное движение выступает своеобразным образцом такой общественной активности. Во-первых, оно имеет достаточно длительную историю, если начинать ее с первых студенческих акций, идущую с 1321 года — первого протестного движения студентов Болонского университета. Во-вторых, сам молодой возраст наилучшим образом отражает подвижность, переходность, текучесть состава участников общественного движения. В-третьих, молодежь, как правило, не готова брать власть, но в то же время ее видение неотложных задач, без которых дальнейшее развитие общества становится, как минимум, проблематичным, можно с полным правом называть свежим, неизбитым. Это свойство присуще большинству движений, которые предлагают нетривиальные подходы к застарелым бедам или предугадывают рождение новых социальных рисков. В-четвертых, несмотря на присущие молодым людям проявления индивидуализма, в целом молодежь готова к коллективным действиям, поскольку ее формирование происходит в коллективах — школьном, студенческом. Коллективные действия в гораздо большей степени характеризуют общественные движения, нежели политические партии.

Время и место зарождения молодежного движения были обусловлены ходом социально-экономического развития Западной Европы, где раньше других регионов появились четкие объективные предпосылки, необходимые не для спорадических проявлений протестной активности подрастающего поколения, а для действий по выражению его интересов, соединяющихся в обособленное от других общественное течение. Прежде всего, такие предпосылки относились к выделению периода отрочества в жизненном цикле человека и удлинению этого времени, что стало возможным в результате технического развития и последовавшего за этим роста благосостояния. Тех-

нологии нуждались в постоянном совершенствовании, а потому требовалось повышение образовательного уровня работников, что стало второй предпосылкой, повлекшей увеличение периода обучения, а с ним и социализации молодежи. Третьей предпосылкой стало то, что можно назвать первыми шагами в молодежной политике, когда уже не нанимателям, а властям предстояло задумываться и предпринимать усилия по налаживанию свободного времени молодых людей, чтобы избежать роста девиантности, а также понизить степень их радикализма.

Неудивительно, что среди направлений молодежного движения на его раннем этапе государством всячески поддерживались спортивные, оздоровительные, патриотические и туристические инициативы. Примером могут служить выросшее из гимнастического клуба чешское молодежное движение «Соколы» (чеш. *Česká obec sokolská*, 1862). По чешскому образцу шло формирование новых соколиных «гнезд» в Словении (1863), Польше (1867), Хорватии, Германии, Сербии, Македонии, России и Словакии (1905). В 1865 году чешские иммигранты основали филиал движения в США, действующий и в настоящее время. Также существует немецкое движение «Перелетные птицы» (нем. *Wandervogel*, 1896), вначале предлагавшее своим участникам путешествия по историческим местам, а сейчас выступающее как более широкое экологическое движение. Эти группы отдельными элементами своей символики и характером организации напоминают британских скаутов, первый лагерь которых начал работать в 1907 году.

Уже в первых инициативах по созданию молодежных движений учитывались специфические черты, присущие представителям подрастающего поколения. Одной из главных среди них был романтизм, который находил отклик и в предложениях, связанных с выживанием в дикой природе, путешествиями, открытиями и тайнами. Тайный характер, в частности, имела деятельность студенческих братств в американских университетах в первой половине XIX века.

Поскольку молодой возраст определяется как период физического становления человека, то такие инициативы представляли воз-

возможность проявления физической активности, участия в спортивных состязаниях, сплачивающих командный дух.

С учетом того, что люди молодого возраста отличаются повышенной критичностью по отношению к старшим, им давалась возможность направить свое недовольство не только против устаревшей морали и лицемерия взрослых, например в движении «Перелетных птиц», но и выразить внешнеполитический протест по поводу, в частности, австро-венгерского доминирования над славянским миром у «Соколов». С требованиями защиты национального суверенитета, отставки и наказания министров, запятнавших себя предательством национальных интересов и прислужничеством перед Японией, которые выдвинули студенты и учащиеся средних школ Пекина, началось «Движение 4 мая 1919 года» на площади Тяньаньмэнь, которая через семь десятилетий приобретает всемирную известность в связи с расстрелом студентов в июне 1989 года.

Также даже на ранней стадии молодежного движения можно было найти течения не просто идеологического, а националистического плана. Очень активно шло формирование религиозных молодежных движений, являющихся одними из старейших [1].

Внутри молодежного движения возникали отдельные потоки, представленные разными группами молодых людей: школьников, студентов, трудящейся молодежи. Различаются движения молодежи по ориентации на определенные политические партии — социал-демократические, консервативные, коммунистические. Наибольшее число молодежных движений разворачивается вне сферы политики, а в области туризма, спорта, культуры.

Начальный этап истории молодежного движения проходил под мощным, но разнообразно выражаемым влиянием идеи глобализма, всеобщности. Еще до появления представлений об экономической взаимозависимости развития разных стран и регионов, которые ассоциируются с глобализацией, сюжеты всемирного единства были развиты в религиозных учениях. Раньше других религий на путь вовлечения верующих в политические ассоциации и движения вступило христианство. В рамках христианского видения появляются

первые международные молодежные структуры. В 1844 году в Лондоне основывается Ассоциация молодых христиан, а уже в следующем году такие объединения, имеющие целью работу с молодежью по достижению социальной справедливости без оглядки на религиозные, половые, расовые и культурные различия, создаются в Швейцарии, США, Франции, Канаде, Германии и Голландии. В 1855 году на международной конференции Ассоциации молодых христиан в Париже основывается Всемирный альянс ассоциаций молодых христиан (ВААМХ). На глобальность ценностей указывало то, что евангельские слова «да будет все едино» (Ин. 17:21) были провозглашены в качестве основных принципов деятельности этого альянса. В 1894 году появилась Всемирная ассоциация молодых женщин-христианок (ВАМЖХ), в 1895 году — Всемирная федерация студентов-христиан (ВФСХ). Следует заметить, что и сейчас молодежные организации религиозной направленности своими названиями, например Всемирное братство православной молодежи, Всемирная ассамблея мусульманской молодежи, подчеркивают цель охватить молодежь всего мира.

Накануне Первой мировой войны, в годы войны и межвоенный период провозглашение всемирный характер молодежного движения диктовался как пониманием всеобщей военной угрозы, так и тем, что это было время больших надежд для различных политических сил, прежде всего, левого фланга, на мировую революцию, активным участником которой должны были стать молодые борцы. Поэтому всемирный охват приобретали различные акции, связанные с молодежью. Так, на Международной конференции социалистических союзов молодежи 24–26 августа 1907 г. в Штутгарте был создан Международный союз молодых социалистов под названием Социалистический интернационал молодежи как молодежная организация Второго Интернационала. В 1915 году созывается Всемирная Бернская социалистическая конференция молодежи, вводящая в календарь празднование Всемирного дня молодежи. После образования Коммунистического Интернационала молодежь, поддерживающая его идеи объединяется в Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ) [7].

Одним из мощнейших факторов сплочения молодежи мира в Интербеллум был антивоенный. В сентябре 1933 г. в Париже проходит Всемирный конгресс молодежи, в декабре 1934 г. в Брюсселе — Всемирный конгресс студентов, в мае 1935 г. в Париже — Всемирный конгресс молодежи против военных действий, в августе-сентябре 1936 г. в Женеве — Первый международный конгресс молодежи против военных действий, в котором приняли участие более семи сотен молодежных организаций из 36 стран. В августе 1938 г. Второй международный конгресс молодежи против военных действий был организован в США.

На новую, более высокую ступень всемирного качества молодежное движение поднимается после Второй мировой войны. Осенью 1945 г. проходит Лондонская Всемирная демократическая конференция молодежи, собравшая молодых посланцев 63 стран и завершившаяся созданием Всемирной демократической федерации молодежи (ВФДМ). В 1946 году в Праге работал Первый Всемирный конгресс студентов и был основан Международный союз студентов (МСС). Эти организации с 1947 года стали основными организаторами Всемирного фестивального движения молодежи и студентов.

Столь мощное международное движение, естественно, вбирало в себя региональные отряды. Оно отражало проблемы, присущие как молодежному движению на разных континентах, так и различия в положении молодых людей. Однако по мере углубления этих различий неизбежным было выделение особых черт регионального молодежного движения. Начало этого процесса совпало со стартом процессов деколонизации. Ассоциация студенческой молодежи Азии появилась в 1969 году, Всеафриканский студенческий союз — в 1972 году.

Вероятно, с процессом национального освобождения неизбежно ослабление действий мировых, глобальных тенденций и усиление влияния множества факторов как национального, так и регионального развития на все процессы в экономике, политике, культуре. Одной из важнейших причин подобного поворота к учету такой специфики выступает демографическая. Задача четкого обозначения возрастных, а с этим и социальных границ различных

поколений осознавалась еще в Древнем мире. Необходимость выделять грани между детьми и молодежью, молодыми людьми и зрелыми, а затем стариками диктовалась сначала практическими потребностями обеспечения выживания общества, для чего нужно было передавать знания от старших молодым, организовывать защиту в случае нападения неприятеля, закладывать основы преемственности власти. На основе всех этих действий логичными были размышления не только о сложностях воспитания молодежи и борьбы с непослушанием и своеволием представителей молодого поколения, но и более глубокий анализ причин, определяющих различия между поколениями, не в биологическом смысле, а с точки зрения изменений в образе мыслей и социальных действий.

Оказалось, что таких причин и соответственно различий настолько много, что в разных условиях, как исторических, так и географических, границы молодого возраста, определяемые специалистами, не совпадают. Преобладание молодежи наблюдается в Африке и чуть в меньшей пропорции в Южной и Юго-Восточной Азии и Центральной Америке. Изменения региональной демографической картины могут быть очень медленными, происходить практически незаметно до определенного момента, когда трансформация становится очевидной. Такие перемены связаны с действием системы здравоохранения, социального обеспечения, создания социальной инфраструктуры. Возможны изменения взрывные, появляющиеся как следствие вооруженных конфликтов, экономических кризисов. Причем демографическая ситуация способна резко преобразиться не только в регионах бедных, проблемных, но и достаточно успешных. Чаше в них наблюдается феномен «серебряного цунами», как называют старение населения, но безостановочный приток молодых мигрантов делает в целом население развитых стран значительно моложе.

Вместе с тем возникает вопрос о качестве этого молодого поколения, его готовности чувствовать себя успешно в новой постиндустриальной реальности. И в этой связи важно проанализировать такой показатель, как средний возраст окончания общеобразовательной

школы [13]. То, что в мире он составляет всего 13,7 лет, не может не настораживать. Это означает увеличение в рядах молодежи представителей более молодых возрастных групп, тех вышедших в самостоятельную жизнь людей, которые не получили ни полноценного образования, ни профессии, не имеют возможности найти постоянную работу. Из этого вытекают самые печальные для этих молодых людей и для общества последствия, связанные с ростом миграции, численности радикальных, а то и террористических организаций.

По мере усиления социальной напряженности, а с ней и социального протеста, он все более отчетливо приобретает политические очертания. Французский историк и юрист Жюстин Дромель еще в середине XIX в. выделял не просто поколения, а политические поколения, активность которых длится 16 лет. По Дромелю, в обществе действует «закон поколений»: господство одного поколения продолжается около 16 лет, затем власть переходит к следующему поколению. В течение этого срока следующее поколение завершает свое политическое образование и начинает критику своего предшественника. Как правило, социальный идеал нового поколения выше и в каких-то отношениях противостоит идеалу предшественника, а труд каждого поколения специфичен, уникален и исключителен [15]. Естественно, в рамках такого деления легче видеть региональные отличия не только самих политических поколений, но и форм их активности. Примером может служить различие моделей крушения социализма в Восточной Европе, где это произошло в ходе «бархатных» студенческих революций, и в Советском Союзе, отмеченном «революцией сорокалетних».

Помимо демографического фактора, на молодежное движение исключительное воздействие оказывает сложившаяся региональная модель политической культуры. В ней могут преобладать формы и методы политической активности, связанные с национально-освободительным движением или сформировавшиеся в ходе многочисленных акций борьбы за социальную справедливость и лучшие условия труда.

Можно отметить региональные отличия «питательной среды» общественного протеста

даже на сравнительно узком поле проявления идей национального освобождения. Одними из первых эти представления выкристаллизовались в Европе. Их наиболее ярко выразили те, кто и сам был молод, и в молодости видел будущее своей страны. Началось все с подпольной революционной организации «Молодая Италия» (итал. *Giovine Italia*), действовавшей в 1831–1834 и 1840–1848 гг. Идеи подхватили политическое и литературное движение «Молодая Германия», революционная организация польской эмиграции «Молодая Польша», сербско-боснийская революционная организация «Млада Босна», боровшаяся за присоединение Боснии и Герцеговины к Великой Сербии (1912–1914). Известны движения младочехов, младолатышей, младотурков. Был объединяющий региональный взгляд на освободительную борьбу, который выражала межъевропейская ассоциация «Молодая Европа», сформировавшаяся в 1834 году на базе «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини.

Свой колорит идея национального освобождения имела на каждом континенте. В Латинской Америке она вдохновлялась действиями Симона Боливара и его сподвижников, направленных на установление свободной интеграции наций на основе патриотизма, высшей морали и истинной демократии. В Африке задача национального освобождения объяснялась с применением сформулированной Леопольдом Седаром Сенгором, мартиниканцем Эме Сезером и гвианцем Леоном-Гонтраном Дамасом доктрины негритюда, отражавшей сначала протест против колониализма и расовой дискриминации, приоритета европейских духовных ценностей, а позже — представления о расовой исключительности и противопоставлении расового сознания классовому.

Вместе с тем и на едином пространстве классового понимания сути социального протеста молодежные отряды рабочего движения должны были учитывать региональные условия организации труда и практики пролетарского движения. Общей закономерностью было то, что молодые работники, которые не были связаны семейными обязанностями и не несли ответственности за близких, выступали застрельщиками забастовок, переходящих в восстания, например, лионских ткачей

(1831, 1834), со времени которых ведется отчет истории рабочего движения. Однако далее участие молодых людей в рабочем движении определялось степенью политической зрелости пролетариата и влиянием профсоюзных организаций.

Возникновение региональных моделей молодежного движения зависит от проявления двух изложенных выше факторов: демографического и политической культуры. Нет ничего удивительного в том, что в Европе, где эти факторы обозначились раньше, чем в других регионах, в региональном молодежном движении были зафиксированы те политически и идеологически ориентированные направления, которые отражали сложившуюся политико-идеологическую картину. Она представлена: традиционно-консервативным течением и поддерживающими его союзами молодежи; группами молодежи либерально-демократического направления; социал-демократической линией в молодежном движении; союзами марксистской направленности; молодежными организациями националистического толка; структурами, представляющими новое социальное движение и гражданские инициативы. Эту картину нельзя назвать пестрой, поскольку каждое из течений, во-первых, достаточно жестко придерживается собственных идеологических границ внутри политического спектра, а, во-вторых, участники движения более сосредоточены на решении местных проблем, чем национальных или региональных.

Общность многих локальных забот молодежи, отмечаемая в разных государствах Евросоюза, а также молодежная политика ЕС позволяют говорить о наличии весомых оснований для поддержания региональной специфики молодежного движения. [3–5; 8–9; 12] На это же нацелено внимание к субрегиональной специфике, которая закрепляется на разных уровнях, включая молодежную политику. Так, функционирует Офис содействия молодежному сотрудничеству в Баренцевом регионе. Вместе с тем, хотя в составе Европейской Комиссии имеется Комиссия по образованию, культуре, молодежи и спорту, еврочиновники не смотрят на молодежное движение как на своеобразный индикатор положения государств-членов ЕС. А ведь еще задолго до финансового кри-

зиса Греции его ход и последствия для еврозоны можно было прогнозировать по поведению молодых греческих анархистов. Но то, что почти сто молодежных движений и инициатив Европы могли объединиться на платформе регионального молодежного форума и разработать стратегию до 2018 года, предполагающую продвижение по трем важнейшим направлениям молодежного движения: большему участию, более сильным организациям и большей автономии, — выделяет это региональное движение на фоне молодежной активности в других регионах [6].

Несмотря на то, что молодежное, прежде всего, студенческое движение в странах Латинской Америки развивалось с конца XIX в., безусловным толчком к его расцвету стала Кубинская революция. Ее победа в 1959 году, стойкость кубинского народа в условиях блокады стали весомыми основаниями для распространения по континенту идей геваризма (исп. *Guevarismo*), сформулированных и представленных личным жизненным путем революционером Эрнесто Че Геварой. Как у любой концепции партизанской войны, у геваризма на практике появились различные интерпретации, позволившие борцам за власть привлечь многих молодых людей к участию в парамилитарных движениях. При достижении власти латиноамериканские политики левого фланга озаботились созданием своеобразной молодежной группы поддержки. Первым из таких движений стало аргентинское массовое проправительственное молодежное движение *La Campora*, основанное в 2003 году при президенте Несторе Киршнере и получившее название по имени Эктора Кампоры, президента-перониста, правившего страной в 1973 году и отличившегося покровительством левому крылу перонистов и социалистическим организациям. Близкие по духу к *La Campora* организации есть в Боливии, Венесуэле, Никарагуа. С учетом того, что в Латинской Америке идут довольно активные интеграционные процессы, постепенно происходит консолидация регионального молодежного движения, создан Латинскоамериканский молодежный форум, есть Интернет-портал молодежи Латинской Америки и Карибского региона.

Значительные трудности на пути формирования регионального единства переживает молодежное движение Африки и Азии. Имеющиеся проблемы объяснимы наличием серьезных социально-экономических проблем в регионах, а также разностью входящих в них государств с точки зрения их историко-политических и культурных особенностей. Однако при этом можно видеть некоторые общие угрозы, без преодоления которых не может быть создано ни национальное, ни региональное молодежное движение. В первую очередь эти угрозы исходят от террористических организаций, вербующих молодых людей как из Африканского и Азиатского регионов, так и из Европы. Невозможно развивать общественные связи в условиях непрекращающихся внутренних конфликтов. Меньшим, но также существенным препятствием для объединения молодых людей на платформе улучшения их положения, оказывается миграция в развитые страны. Не способствует созданию региональных молодежных ассоциаций низкий уровень образования, гигантская безработица среди молодежи.

Положительное влияние на формирование регионального молодежного движения оказывают интеграционные процессы и международное трансрегиональное сотрудничество [11]. Например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) создан Молодежный совет [2]. Наметилась тенденция формирования молодежного движения стран-участниц БРИКС. В 2014 году прошел Международный форум молодых лидеров стран БРИКС. В 2015 году накануне саммита организации был проведен Молодежный саммит БРИКС, а сформулированные на нем предложения участники представили главам государств содружества. В частности, они касаются развития молодежного предпринимательства, объединения усилий молодежи в научной сфере. Для этого планируется создать фонд финансирования исследований с привлечением молодых ученых, учредить стипендии БРИКС, а также упростить прохождение визовых процедур для студентов стран содружества. По итогам саммитов ШОС и БРИКС 2015 года в Уфе организован первый совместный молодежный форум этих организаций. В целях разработки

«дорожной карты» по общим проектам созданы площадки форума по пяти направлениям, содержание которых соответствует буквам аббревиатуры БРИКС: В — *business* (бизнес), R — *responsible* (ответственность), I — *Innovation* (инновации), С — *cooperation* (сотрудничество), S — *science* (наука).

Помимо интеграционных объединений, на консолидацию международного молодежного движения влияние оказывают структуры, нацеленные на поддержание межцивилизационного диалога. В декабре 2010 г. в Праге по инициативе участников молодежной секции мирового общественного форума «Диалог Цивилизаций» было основано Движение Youth Time, ставящее задачу обмена опытом и поиска сценариев совместного развития молодого поколения разных стран в будущем с целью реализации достойной жизни.

Появление таких структур может помочь преодолению противоречия, наблюдаемого в ориентации молодежных организаций и инициатив либо на достижение неких высоких глобальных целей, либо на решение исключительно местных, в лучшем случае региональных вопросов. В разные периоды истории молодежного движения был крен в одну или другую стороны. Это отражало понимание участниками всех общественных движений, а не только молодежных, несоответствия задач, возможностей ценностей двух ведущих тенденций — глобализации и регионализации. Однако именно на молодежном уровне выявляются предпосылки снятия противоречий эти тенденций. Они проявились еще в активности молодых антиглобалистов, которые, утверждая, что «иной мир возможен», и провозглашая идеи множества (англ. *Multitude*), подчеркивали неисчерпаемый резерв регионализации [14]. Не отрицали они достоинств глобализации и допускали справедливую глобализацию, называя свои форумы Всемирными социальными. На это же сближение положительного эффекта региональных и глобальных процессов может быть направлена деятельность молодежных структур новых международных форматов (ШОС, БРИКС, Мировой общественный форум (МОФ) «Диалог цивилизаций»). Отрадно, что именно в этих форматах активно участвуют молодежные организации России.

Литература

- [1] Алексеева И.А. История всемирного христианского молодежного движения в России. — М.: АИРО-XXI, 2007.
- [2] Декларация о создании Молодежного совета Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. — URL: <http://sco2009.ru/docs/documents/youngscodeclaration.html>
- [3] Демократическое молодежное сообщество Европы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demusc.org/thisisdemusc>.
- [4] Европейская ассоциация молодежной информации и консультирования (ERYCA) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www6.gencat.net/joventut/catala/sgj/internacional/eryca.htm>
- [5] Европейский молодежный парламент [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eypej.Org/area.3.AbOut-EYP.html>
- [6] Европейский молодежный форум [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.youthforum.org/en/about>
- [7] Зиновьев А.П. КИМ и СИМ: к истории и теории взаимоотношений // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 5 (сентябрь — октябрь).
- [8] Лиссабонская декларация по молодежной политике и Брагский план действий в интересах молодежи (А/53/378) [Электронный ресурс]. — URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/7858191.html>
- [9] Молодежь для Европы: [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.salto-youth.net>
- [10] Нигматуллина Т.А. Зарубежный и отечественный опыт институализации государственной молодежной политики: поиск оптимумов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2013. — № 2. — С. 121–128.
- [11] Нигматуллина Т.А. БРИКС и ШОС: факторы регионального равновесия. — М.: NOTA BENE, 2015. 180 с.
- [12] Партнерство Совета Европы и Европейской комиссии в молодежной сфере [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.youth-partnership.net>
- [13] Сулейманова Ш.С. Национальные интересы и этнополитические процессы в условиях глобализации // Вестник Башкирского института социальных технологий, — 20014. — № 3(24).
- [14] Dromel J. La loi des révolutions, les générations, les nationalités, les dynasties, les religions. Paris: Didier, 1862.
- [15] Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. — N.Y.: Penguin Book: Politics, 2004.

УДК 329

ГОЛОВКО Юлия Марковна,
кандидат исторических наук, докторант кафедры
национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
e-mail: fom16@yandex.ru

РОЛЬ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕКРУТМЕНТЕ МОЛОДЕЖНЫХ ЛИДЕРОВ. ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Рекрутирование молодежных элит происходит по принципу конкурентного отбора. Важным пунктом в этом процессе становится наличие высшего профессионального образования, так как возможность занимать какие-либо высокие должности в органах государственной власти и местного самоуправления, политических институтах, бизнес секторе возможно только при наличии серьезной профессиональной подготовленности.

В данной статье рассматриваются основные принципы построения системы высшего профессионального образования в трех европейских государствах: Франция, ФРГ, Великобритания. Наш исследовательский интерес остановился именно на этих государствах, потому что они представляют собой наиболее презентабельные и престижные образовательные структуры, которые оказывают свои услуги в Европе.

Ключевые слова: молодежные лидеры, государственная политика, молодежная политика, высшее образование, Болонский процесс.

Постсоветская Россия предоставляет возможности для реализации собственного личностного и профессионального потенциала в сфере политики и государственного управления. Важным аспектом здесь является тот факт, что необходима качественная кадровая подготовка молодежных лидеров, стремящихся занять посты на государственной гражданской и муниципальной службе, в аппаратах политических партий, общественных движений. Для того чтобы система рекрутирования политических лидеров в современной России могла отвечать современным запросам, необходима качественная профессиональная подготовка молодых специалистов. Особенно это касается тех людей, которые стремятся пополнить когорту на политической арене уже в возрасте 18–35 лет. Стоит отметить, что сегодняшний политический вектор допускает возможность для совершения рывка в сторону развития молодежных лидеров.

Реализация ключевых важнейших принципов государственной политики возможна при соблюдении принципов организации эффективной работы всех заинтересованных институтов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, групп интересов. Система выстраивания позитивных властно-управленческих взаимоотношений может благоприятно реализовываться при соблюдении принципов открытости, ответственности ведения политики.

На сегодняшний день в Российской Федерации очень активно возвращаются молодежные политические, интеллектуальные, экономические элиты, посредством включения молодых людей, начиная со школьного возраста в общественную жизнь через развитие системы поддержки и грантов некоммерческих организаций разной направленности. В том числе, один из президентских грантов выдается тем организациям, которые занимаются

работой в сфере детской и молодежной самоорганизации. На официальном портале конкурса государственной поддержки НКО говорится следующее о направлениях, на которые предоставляется государственная поддержка: «гранты будут распределены по следующим приоритетным направлениям: поддержка молодежных инициатив, проектов молодежных движений и организаций; содействие развитию образовательных процессов и осуществлению научных разработок молодежи; развитие и поддержка массового студенческого спорта; поддержка проектов в сфере добровольчества; реализация проектов в области воспитания детей и подростков; развитие научно-технического и художественного детского и молодежного творчества» [5].

Система профессионального образования и кадрового обеспечения требует к себе пристального внимания со стороны всех заинтересованных сторон. Прежде всего, это должно касаться государства как основного актора политической системы, так как государственные институты власти правомочны бороться с таким явлением как безработица и оказывать системное политико-правовое влияние на решение проблем, связанных с кадровым обеспечением.

В данной статье нас интересуют основные формы получения высшего профессионального образования, соответствующие Болонской системе. Рассмотрим данный аспект на примере трех европейских государств: Франция, ФРГ, Великобритания.

Для современного исследователя эта тема должны быть особо интересна, так как российская система рекрутинга и профессионального образования старается, если не копировать западную модель, но, как минимум, частично или базово заимствует определенные характерные черты образовательных стандартов. Наиболее наглядно мы это можем видеть в результате перехода российской системы высшего профессионального образования на Болонский процесс. Болонская образовательная интеграция являет собой единое образовательное пространство, которое должно позволить национальным системам образования европейских стран взять все лучшее, что есть у партнеров — за счет повышения академи-

ческой мобильности студентов, преподавателей, дирекций, межрегиональных и международных связей и сотрудничества между вузами Европы. В результате такого глобального проекта Европа приобретет привлекательный статус в рамках мирового рынка профессионального образования.

В 2003 году Российская Федерация присоединилась к государствам-участникам Болонского процесса в Европе и взяла на себя обязательства внедрить в российскую политико-правовую, административную образовательную систему нормы и особенности единой европейской системы образования. «Это означает, что Россия перестает быть в изоляции и получает возможность влиять на решения, принимаемые участниками Болонского процесса» [1].

Систематизируя зарубежный опыт оказания услуг профессионального образования и кадрового обеспечения, начнем с Франции. Франция, за счет того, что представляет собой сложную политико-административную систему управления, воспринимает кадровую политику как серьезную междисциплинарную систему организации замещения вакантных должностей в различных сферах. При этом на общегосударственном уровне вопросами кадровой подготовки и прогнозами занимается Международное бюро экономические перспектив, а на субнациональном — Региональные межотраслевые комиссии по вопросам занятости и отраслевые обсерватории.

Серьезно французское руководство обеспокоилось обеспечением кадрового порядка в 1960-х годах, которые являются, по определению, нестабильными, особо «жарким» в этом отношении, выступил май 1968 года [7]. Весна заката «шестидесятых» вышла нестабильная: множество студентов и маргинальных слоев общества вышли на улицы Парижа и стали протестовать против сложившейся системы рыночного управления экономикой, «общества потребления» и неповоротливыми, инертными образовательными технологиями и услугами. С тех пор во Франции сложилась система социального партнерства по схеме: государство — студент — выпускник — работодатель. Теперь при возникновении новых потребностей социальные партнеры совместно, инте-

грируя усилия, принимают непосредственное участие в планировании, реализации, контроле, а иногда и в финансировании новых видов профессионального образования и дальнейшем обеспечении местами трудоустройства по итогам окончания высшего учебного заведения. Здесь стоит отметить, что «все нормативно-правовые акты в этой области принимаются только после взаимных консультаций. Так, например, при разработке национальных дипломов Министерство образования консультируется с 19 отраслевыми профессиональными комитетами, состоящими из представителей министерств, представителей родителей и социальных партнеров из соответствующего сектора» [4]. Добавим к этому, что высшее профессиональное образование в «пятой Республике» разделено на три этапа. Окончив каждый из которых, студент получает соответствующий диплом и принимает в дальнейшем решение, где ему продолжать обучение.

Также проведение постоянных исследований рынка труда и прогнозов занятости и безработицы дают основания для использования региональными органами власти (которые с 1994 г. занимаются вопросами координации профессионального обучения), структурами высшего профессионального образования программы обучения, которые используют прогнозы будущих потребностей рынка труда для разработки новых стратегий обучения и закрытия нерентабельных курсов, которые не отвечают потребностям рынка труда, а также службами профессиональной ориентации. Добавляется к этому, что «такой [многомерный] состав участников позволяет объединить и синтезировать информацию по вопросам занятости и обучения в цельную картину» [3].

В целом, можно сказать, что система профессионального обучения и дальнейшего трудоустройства во Франции имеет свои отличительные позитивные черты, которые могут быть использованы и в российской образовательной среде. Безусловно, нельзя сказать, что французское обеспечение квалифицированными кадрами является идеальным: прежде всего, нельзя со стопроцентной точностью выявить прогнозы потребления тех или иных специалистов в определенной сфере. Это обуславливается сложной экономической обста-

новкой в Европейском Союзе и неоднородностью этнического и конфессионального состава французского общества.

Продолжая анализ поставленного вопроса, перейдем к кейсу Великобритании. Великобритания представляет собой образец классического университетского образования с многовековыми традициями, которые славятся своими успехами и совершенными формами. Всего в Соединенном королевстве более 170 высших учебных заведений, из них 102 университета, большая часть которых являются государственными [2]. Для получения степени бакалавра необходимо пройти обучение в течение 3–4 лет по программам Undergraduate courses для базовой степени, либо с отличием BA / BSc with Honours. Степени в Великобритании, в отличие от ряда других стран, присуждаются не университетами, а специальным органом — Советом по присуждению национальных академических степеней.

Обучение в рамках академической степени бакалавра происходит по укрупненной группе специальностей, таких как искусство, наука, техника, которые не имеют четкой специализации. Ведется обучение, как правило, по широкому профилю направлений гуманитарные, общественные, математические, физические науки и т.д. В британских вузах наряду с классическими методами обучения, такими, как лекции, семинары, практические занятия, популярностью пользуются «инновационные» методы — индивидуальное обучение студентов с привлечением тьюторов, которые в качестве кураторов (как правило, старшекурсники) поддерживают студентов первых курсов и внедряют их в общую образовательную систему.

В сфере профессионального кадрового обеспечения Великобритания не является «передовым» государством, так как система рекрутингового потенциала государства отсутствует на национальном уровне ровно так же, как и в Швеции. Напротив, в Германии, Франции и Испании господствует централизованный подход к прогнозированию потребности в квалификациях и умениях.

В целом, образовательная система профессионального отбора в Великобритании подготавливает квалифицированных кадров на уровне таких университетских комплексов как

Оксфорд и Кэмбридж. Но при этом, сложная структура образовательных процессов и дальнейшего трудоустройства в связи с сохранившимися традиционными патриархальными устремлениями не представляет сейчас собой модель экстенсивного роста образовательной и рекрутинговой среды для молодых людей. Но зачастую, многие выпускники школ желают продолжить свое обучение в рамках классической университетской подготовки Великобритании.

Далее рассмотрим ФРГ. Немецкая образовательная система ровно также как и Франция, и Великобритания славится своими устремлениями в успешное развитие молодого поколения как инвестиционного продукта для укрепления экономической и политической структур своего государства.

Нормативно-правовая база высшего профессионального образования определяется законом «О профессиональном обучении» (1969) и «О ремеслах» (1953). Они содержат указание на участие социальных партнеров в лице Комитетов по высшему образованию торгово-промышленных и ремесленных палат в организации профессионального обучения и дальнейшего трудоустройства. В состав земельных комитетов входит одинаковое число представителей от различных структур, в том числе, от работников, работодателей и земельного правительства.

В ФРГ проблемами и исследованиями динамики престижа и потребностей различных профессий занимаются Федеральный институт профессионального образования и обучения и Институт исследований по вопросам рынка труда и профессий при Федеральном институте занятости. В течение последних лет были обновлены стандарты по 70 профессиям и созданы 30 совершенно новых профессии. «Основной целью ставится совершенствование прогностических методов для обеспечения опережающего характера модернизации обучения и стандартов обучения» [6], — говорится в аналитическом исследовании.

Литература

[1] Болонский процесс: краткое содержание [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bologna.spbu.ru/146-2012-07-10-12-21-00> (дата обращения: 04.03.2015 г.).

[2] Мини-путеводитель по обучению за рубежом // Спецвыпуск «Образование без границ. Study IN». — 2012.

По инициативе Федерального министерства образования и науки в была принята так называемая «система раннего обнаружения тенденций в развитии умений». В реализации участвует сеть из девяти организаций: Федеральное министерство образования и науки, Проектное агентство по вопросам труда и технологий, Федеральный институт ПОО, Институт исследований по вопросам рынка труда и профессий, Институт Фраунгофера по вопросам труда и организации, Infas Sozialforschung GmbH (Infas), Институт структурной политики и развития экономики, Германский фонд торговли и промышленности для содействия ПОО и Научный центр в Берлине.

В целом, акторы рынка предоставления услуг профессионального образования и вакансий участвуют в разработке квалификаций профессионального образования. Согласимся, что модель немецкого представительства интересов работодателей, работников, выпускников и государства является перспективной системой организации эффективного взаимодействия. Надеемся, что российская инновационная образовательная система сможет качественно взять наиболее интересные и продуктивные моменты из Германии.

Проанализировав три образовательные системы Франции, Великобритании и Германии можно сделать следующие выводы:

1. Болонский процесс, несмотря на единые подходы и стандарты, дает возможность каждому государству внедрять собственные отличительные особенности, которые присущи только данной нации;

2. Высокоразвитость и технологичность образовательного процесса и дальнейшего трудоустройства не позволяет говорить о том, что в проанализированных государствах присутствует идеальная модель профессионального образования;

3. Существуют тенденции к дальнейшему развитию и организации профессиональной среды в конкретные преимущественные системы мирового порядка.

[3] Олейникова О., Муравьева А. Прогнозы потребности в умениях и профессиональное образование и обучение — опыт ЕС [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cvets.ru/Modules/SNA-EC.pdf> (дата обращения: 13.03.2015 г.).

[4] Олейникова О., Муравьева А. Социальное партнерство в сфере профессионального образования в странах Европейского союза // Высшее образование в России. — 2006. — № 6. — С. 120.

[5] Российский Союз молодежи объявляет открытый конкурс по выделению грантов Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://grants.oprf.ru/grants2014-2/news/media/p4/> (дата обращения: 04.03.2015 г.).

[6] Рябов Л.П. Анализ позитивных изменений и инновационных процессов в системах высшего профессионального образования развитых стран: США, Японии, Германии, Франции, Великобритании. — М., 2001.

[7] Outils pour une prospective des qualifications. Commissariat Général du Plan, La Documentation française, 1996.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС

УДК 323.1(470)

СУЛЕЙМАНОВА Шукран Саидовна,
доктор политических наук, профессор
кафедры общественных связей и медиаполитики
Института государственной службы и управления персоналом
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
e-mail: sher2016@yandex.ru

ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Автором отмечается, что созданная в Российской Федерации законодательная база позволила заложить основу благоприятного политико-правового поля демократического типа для развития этнонациональных сообществ России. Ряд положений международно-правовых документов, которые ратифицировала Россия, напрямую касаются и деятельности СМИ.

Ключевые слова: журналистика, информация, демократия, гласность, свобода слова, власть, демократическое общество, государственное регулирование, средства массовой информации, коммуникации.

Особенности этнического ренессанса и национального возрождения в Российской Федерации вызваны длительной трансформацией, которая в течение длительного времени одновременно находится в состоянии кризиса и поиска путей эффективного реформирования. Длительное пребывание общества в таком состоянии приводит к определенным изменениям в становлении социокультурных идентификаций и практик в существующих границах российского этнополитического организма, углубляет региональные различия и языковую диспропорцию. Неотъемлемым измерением человеческой жизни было и остается этническое самовыражение, поэтому в условиях полиэтничности российского общества межнациональная политика является основной составляющей процесса государственного регулирования. Это связано с тем, что консолидация российского общества и, как следствие, укрепление российско-

го государства, возможны лишь при условии создания надлежащих условий для развития всех этнических сообществ с оптимальным учетом их интересов.

К сожалению, практика показывает, что, несмотря на предпринимаемые меры, происходит усиление процесса делегитимации этнополитической целостности российской нации и дальнейшая политизация этничности, которые недостаточно изучены, особенно, в условиях усиления глобализационных процессов. В изложенном контексте особую актуальность приобретают вопросы по выявлению детерминирующих факторов влияния, обуславливающих трансформацию этносообществ, определяющих особенности процесса их формирования, функционирования и развития на территории России. Это обуславливает необходимость поиска новых подходов к пониманию и регулированию межнациональных отношений в полиэтничном обществе, с целью их

гармонизации и предотвращения деструктивных проявлений.

При таких условиях особое значение в регулировании межнациональных отношений и обеспечении стабильности в стране приобретает государственная этнонациональная политика в широком спектре ее содержательного наполнения, форм, методов, механизмов и средств ее формирования и реализации в контексте конституционного определения Российской Федерации как демократического, правового, социального государства. Именно такой подход положен в основу стратегии государственной этнонациональной политики России, которую следует рассматривать как систему мер, направленных на регулирование межнациональных отношений в государстве.

Основной целью политики регулирования межнациональных отношений является обеспечение межнационального согласия и устранение факторов и рисков межэтнических конфликтов путем оптимального учета интересов и создания благоприятных условий для развития российской нации. Поэтому становление российского общества, как демократического, в условиях глобализационных тенденций современного мира требует изучения механизмов консолидации этнонациональных сообществ и обеспечения стабильности деятельности государства. В решении различных вопросов, возникающих при вхождении национальных меньшинств в иноэтническую среду, особое значение должны играть органы государственного управления, к компетенции которых относится вопрос регулирования сферы межнациональных отношений. Способность власти оперативно реагировать на проблемы, возникающие в сфере межнациональных отношений, в значительной мере влияет на предотвращение возникновения различных конфликтных ситуаций.

Проблема изучения глобализационного измерения этнополитических процессов является очень востребованным для отечественной научной мысли. В нашей стране взаимоотношения национального большинства, титульных и коренных народов, национальных меньшинств и этнических групп, проживающих в России, как между собой, так и с государством, в условиях глобализации и при от-

сутствии взвешенной, последовательной этнонациональной политики могут привести к еще большему обострению и усилению межэтнических противоречий, а впоследствии к расколу государства [3].

Таким образом, возникает необходимость всестороннего научного осмысления динамики этнополитических процессов в контексте глобализации, анализу их влияния на формирование этнонациональной политики.

В ходе осуществления этнополитики возникает ряд важнейших задач — как теоретических, так и практических. Решение первых дает представление о феномене этносов и этнических групп, а затем — выход на практическое решение проблем их развития. Основными практическими задачами политики регулирования межнациональных отношений являются:

- создание условий для обеспечения экономической и политической самостоятельности, суверенитета регионов с компактным проживанием одного или нескольких этносов;
- выработка таких форм сотрудничества, при которых каждый этнос был бы заинтересован в их развитии как в основе собственного благосостояния;
- оптимальное сочетание и гармонизация интересов нации и этнических групп, ее образующих;
- обеспечение эффективного взаимодействия центральных и местных органов управления на основе принципов демократии и плюрализма, выработка модели самоуправления в этногеографических регионах;
- обеспечение условий для свободного развития языков, этнокультурной автономии (если это требование выдвигается) для этносов наравне с титульным населением государства;
- укрепление правовых гарантий культурно-этнических общностей, которые не имеют административно-территориального статуса;
- осуществление мероприятий по сохранению среды, воспроизводству условий для нормального развития этносов, в том числе малочисленных, социально-политическая реабилитация и адаптация депортированных этносов [2].

Выделение Российской Федерации как отдельного государства после распада СССР из-

менило общественный статус российской нации и всех этнических групп, проживающих на территории России, дало мощный толчок к их национально-культурному возрождению.

Сложившаяся за прошедшие с момента распада СССР годы политико-правовая база создала теоретическую основу для гармоничного сочетания интересов всех этнонациональных компонентов российского общества. Условия для их активного участия в политических процессах, обеспечение баланса и потребностей развития, как этнического большинства, так и этнических меньшинств. Однако на практике существует ряд вопросов, требующих срочного вмешательства государства с целью повышения качества урегулирования межнациональных отношений.

Существенным недостатком в осуществлении в Российской Федерации защиты прав этносов, национальных меньшинств, коренных народов является то обстоятельство, что малочисленные народы, проживающие в России, юридически подпадают под разные режимы правовой защиты, а сами эти режимы четко не определены.

Современная государственная национальная политика концептуально ориентирована на устойчивое развитие народов и национальных меньшинств, на демократизацию межнациональных и федеративных отношений, на полный учет и использование на практике потенциала самобытности каждого народа и национального меньшинства и общегосударственного потенциала, на сотрудничество и сотворчество всех народов Российской Федерации [7].

В соответствии со ст. 5 Конституции Российской Федерации, федеративное устройство нашего государства основано на его государственной целостности, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. Государство способствует консолидации и развитию российской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств.

Интересным является опыт деятельности средств массовой информации (далее СМИ) в отражении межнациональных отношений.

Одной из важнейших задач российского государства после распада СССР стало формирование и обеспечение демократических принципов деятельности национальной системы СМИ. На наш взгляд, допустимой является гипотеза о том, что СМИ в своей деятельности, тем или иным образом представляющие специфику межнациональных отношений, имеют немалое влияние на урегулирование этих отношений. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы обратимся к деятельности СМИ в отражении межнациональных отношений.

Особенностью средств массовой информации — этой своеобразной и молодой структуры российской национальной культуры — является, в том числе то, что основа их деятельности в последние десятилетия была сдвинута из почвы национального. Через СМИ шло изменение (не всегда позитивное) национального самосознания, не без участия СМИ происходили катастрофические для национального существования наций, населяющих Россию, перекосы, как в массовом сознании, так и сознания отдельных людей [4].

Динамика социальных процессов современного периода развития гражданского общества в России побуждает СМИ к объективному взгляду на ход общественных событий, к активному участию в формировании национального и общественного сознания. Такое направление требует глубокого осмысления, ведь от него в определенной степени зависит развитие российского государства и общества как лояльного к общественным изменениям, осознание гражданами государства независимо от национальной принадлежности своей общности.

Процессы национального возрождения отдельных наций и демократизации привели к переосмыслению места СМИ в гражданском обществе и к тому, что привычный арсенал приемов и методов, которыми многие десятилетия пользовались журналисты, меняется. Обновляющаяся система средств массовой информации в условиях национального возрождения выступает как эффективный инструмент общественного воздействия и достижения гражданского согласия.

Если социально-исторической особенностью функционирования СМИ в обществе тоталитарного государства является

литарного и авторитарного характера является их применение как средства подавления национального сознания, то требования демократизации и обновления общества способствуют становлению новых национальных и социальных ориентиров СМИ.

Динамические процессы, происходящие в России, как и в других суверенных государствах, в условиях воплощения в жизнь идеи государственной независимости, активно влияют и на средства массовой информации, в корне меняя понимание их роли, приводя к развитию и все большего усложнения их функций. Однако, всегда ли такое влияние позитивное? Всегда ли СМИ в своей деятельности по отражению происходящих в обществе событий, в том числе касающихся межнациональных отношений, беспристрастны?

Качественная журналистика должна научиться быть интересной для более широких слоев населения, открыть для себя новые аудитории, например, в Европе — это эмигранты. А это значит, что, возможно, нужно пересмотреть отношение к высоким стандартам языка, принципу разделения фактов и мнений, а также к принципу «беспристрастности» журналиста [6].

Современные печатные СМИ, к сожалению, являются объектами капиталоемкого бизнеса. При этом эффективность этого капитала, особенно долгосрочная, крайне сомнительного качества. Для того чтобы работать эффективно, СМИ нужно либо расти быстрее, либо сокращать расходы дальше (этот путь зачастую и выбирают современные СМИ). Традиционные компании переводят, таким образом, редакционные печатные СМИ в разряд объектов для извлечения прибыли. При этом понижается качество информации, предпочтение отдается рекламным и заказным статьям.

Очевидно, что при таком развитии страдают главные функции СМИ — социальные, контрольные, коммуникационные. При этом, разумеется, есть исключения, есть даже точки роста — где сохраняются, насколько возможно, адекватные редакционные модели, правила, моральные императивы и профессиональные требования, однако их количество настолько мало, что они не обеспечивают никакого «рас-

ширенного воспроизводства» качественной журналистики [1].

Вопрос деятельности СМИ в ходе освещения межнациональных отношений, а в особенности — межнациональных конфликтов, весьма актуален в наше время. Это объясняется также развитием электронных средств массовой информации и скоростью их воздействия на потребителей информации.

Общеизвестна способность СМИ влиять на общественное мнение и сознание во всех сферах общественной жизни. Среди них видное место занимают и межнациональные отношения. Представители высшей законодательной и исполнительной власти и, как обычно стали называть СМИ, — «представители четвертой ветви власти» должны объединять свои усилия для улучшения дела в этнонациональной сфере.

Кроме того, на сегодня недостаточно внимания СМИ уделяют вопросам совершенствования отношений приграничных регионов России и сопредельных государств в этнонациональной сфере. Особенно это касается тех стран, которые имеют с нами этнически родственные группы населения. Социально-политические трансформации, которые произошли в России и в смежных государствах, внесли существенные изменения в этнополитической сфере. Значительно усилилось внимание к диспарам, что стало в некоторых странах одним из приоритетов внешней политики.

В связи с этим иногда констатируются факты провокации, в частности — через СМИ, определенными политическими силами антигосударственных, сепаратистских идей.

Журналистика, вероятно, как никакая другая профессия, требует соответствующего уровня этики. Особенно, если она занимается такой остро деликатной проблемой, как межнациональные отношения. Каждое не взвешенное, неосторожное слово здесь может быть воспринято как оскорбление национального достоинства, может стать провокацией в прямом смысле этого слова [5].

Опыт показывает, что многократно повторяющееся и подхваченное другими СМИ неправомерное обобщение каких-то временных явлений способно стать устойчивым отрицательным стереотипом.

Практика обеспечения межэтнической толерантности в информационной сфере имеет очень особое значение. Она должна показывать, что российское государство способно учитывать потребности всех своих граждан.

Чем больше возможностей для утверждения своих национально-культурных потребно-

стей получит каждый из этносов России, тем более будет отвечать наша законодательная база в сфере защиты национальных меньшинств современным стандартам, тем мощнее будет Россия как государство, выше будет ее авторитет на мировой арене, привлекательнее ее международный имидж.

Литература

- [1] Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. — М.: Логос, 2000. — С. 110.
- [2] Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации. // Мир России: Социология, этнология. — 2001. — Т. 10. — № 2. — С. 167–180.
- [3] Карапетян Л.С. Форма устройства многонационального Российского государства как теоретико-методологическая проблема. // Научная жизнь. — 2007. — № 5. — С. 56–62.
- [4] Нигматуллина Т.А. Роль СМИ в освещении и преодолении этнорегиональных угроз сепаратизма // European Science and Technology: Materials of the international research and practice Conference. — 2015. — Vol. 28th–29th. — Munich, Germany, 2015. — Pp. 203–207.
- [5] Пересветов В. Журналистика. Секреты успеха. — СПб.: Тривант, 2009. — С. 29.
- [6] Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. Я.Н. Засурского. — М.: Гаудеамус, 2009. — С. 245.
- [7] Черячукина Е.А. Права национальных меньшинств в России (конституционно-правовое закрепление и проблемы реализации): дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Московский гуманитарный университет, 2006. — С. 91.

УДК 323.11

ВЫСОЦКИЙ Андрей Викторович,

кандидат политических наук, эксперт

Евразийского политологического экспертного клуба

e-mail: andrey.vis2014@mail.ru

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Конец XX века ознаменовался увеличением количества этнических конфликтов во всем мире. Перекройка политической карты мира в прошлом веке, по итогам мировых войн, ликвидации колониальной системы и распада империй сказалась на росте этнических противостояний в современном обществе. В данной статье исследуются этнические конфликты на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: этнический конфликт, постсоветское пространство, политическая регионалистика, этнополитика, Грузия, Косово, Осетия, Абхазия, эскалация, политическая карта.

Ввиду того, что любой конфликт внутри государства всегда пагубно сказывается на социально-экономическом и политическом развитии страны, а современный мир полон полиэтничных государств, рождение новых межэтнических противоречий объективно формирует реальные угрозы стабильности и безопасности всего мирового сообщества. В этой связи особое значение в политике каждого государства занимает глубокое изучение особенностей межэтнических столкновений для последующей разработки механизмов их прогнозирования, урегулирования и предотвращения возможных повторений в будущем. События конца прошлого века отразились и на жизни народов бывшего Советского Союза. Этнические конфликты, зародившиеся в период образования советского государства, перестали быть контролируемы властью к моменту распада СССР, что привело к кровопролитию и дестабилизации ситуации в странах постсоветского пространства. Новый политический курс, выбранный М.С. Горбачевым в середине 1980-х гг., лишь раскрыл острые противоречия, давно зародившиеся в обществе. Несмотря на попытки проведения реформ по стабилизации и сохранению целостности государства, успехов в этом вопросе достичь не удалось [1].

После распада Советского Союза на карте мира образовалось 15 независимых государств. Несмотря на то, что создание постсоветских государств прошло под знаком права этнического самоопределения народов, руководством новообразованных стран стала проводиться этнонационалистическая политика, которая лишь осложнила этнические противоречия внутри государств и во многих случаях привела к вооруженным действиям [19].

Развитие современного общества — это сложный процесс, основанный на борьбе объективных противоречий, являющихся причиной тех или иных этнических конфликтов. Необходимость изучения конфликтов с разработкой механизмов их предотвращения не вызывает сомнений ни у российских, ни у зарубежных исследователей, ведь по приблизительным оценкам, в XX в. по причине конфликтов погибло свыше 300 млн чел. [6].

Желание этнической группы сохранить свою культуру и единство путем политического самоопределения лежит в основе всех межэтнических противоречий. Характерной особенностью этнических конфликтов является динамика их развития, которая состоит из трех стадий: зарождение, «эскалация» (кульминация) и завершение конфликта. Зарождение конфликта начинается с действий одного участника, на-

правленных на достижение желаемых целей, путем причинения ущерба интересам другого участника. Эскалация конфликта заключается в напряженном противоборстве сторон, когда негативные эмоции берут верх и желание причинить максимальный вред сопернику стоит выше разума и логики. Последней стадией развития конфликта является его окончание, которое проявляется в виде урегулирования конфликта, затухания или же перерастания в другой конфликт. В случае, если самостоятельно урегулировать противоречия сторонам не удастся, конфликт может быть прекращен посредством вовлечения третьих лиц, путем переговоров и взаимных уступок сторон на основе обдуманного компромисса.

В политологической доктрине существует много различных подходов к изучению этнических конфликтов в постсоветском измерении. В качестве основных подходов методологи выделяют институциональный, неоинституциональный, бихевиористский, компаративный, структурно-функциональный, исторический, теорию рационального выбора, дискурсивный и некоторые другие. Современные отечественные исследователи этнического конфликта Н.П. Медведев [12–13], В.В. Гайдук [3–5], А.Р. Сулейманов [16–17] и другие отмечают сложность, динамичность и неоднозначность генезиса этого явления. Они отмечают, что практика разрешения этнических конфликтов на постсоветском пространстве показала зависимость политических процессов от этно-территориальных особенностей ментальности, сформированных на основе фундаментальных социокультурных черт российского (советского) человека.

Сравнительный анализ истории межэтнических столкновений позволило выделить ряд типовых причин их возникновения: 1) конфликт за спорную территорию (конфликт Индии и Пакистана за спорную территорию ледника Сиачен); 2) проблема территориального единства (Афганистан, состоящий из ряда самостоятельных образований); 3) существование непризнанных государств (Нагорный Карабах); 4) внутренние территориальные расколы (народы Индонезии); 5) существование народов без государственности (курдское население); 6) борьба за природные богатства (разработ-

ка нефтяных месторождений Сибири, приведшая к резкому сокращению поголовья оленей, стимулировала развитие сепаратизма в регионе и этнического противоборства представителей элит Сибири с руководством страны) [15].

Анализ истории и типологии этнических конфликтов позволяет сделать вывод, что причиной данного рода конфликтов чаще всего является желание народа сохранить свою этническую групповую идентичность, однако само существование этнической идентичности не служит причиной для конфликта. Оно может послужить инструментом в руках политической группы, желающих достижения собственных, зачастую, политических целей.

В отличие от многих политических конфликтов этнические конфликты имеют ряд особенностей, главным из которых является то, что на этапе активного противоборства сторон обостряется психологическая напряженность и взаимная неприязнь этнических групп. В этой связи верно утверждение, что межэтнические столкновения легче предотвратить на ранней стадии их развития, нежели в период их открытого противостояния. Именно поэтому для того, чтобы иметь реальную возможность предотвратить развитие конфликта, необходимы профессиональные навыки управления подобными противоречиями и глубокие знания о компонентах, входящих в его состав.

Первым этапом процесса является прогнозирование конфликта, направленное на поиск ключевых причин зарождения и развития межэтнического столкновения. Следующим важным этапом управления считается предупреждение конфликта, основанное на научном прогнозировании и применении действий по нейтрализации роста напряженности и эскалации конфликта. Немаловажным этапом в вопросе управления противоречий является регулирование конфликтов, действие, направленное на выход из открытого и крайне опасного противостояния и снижения уровня агрессии. Последним этапом процесса является разрешение конфликта, деятельность по завершению столкновений и поиску приемлемого для сторон компромисса.

Анализ эволюции межэтнических отношений позволяет сделать вывод о схожести этнических противостояний в прошлом и в современном

мире. В основе всех этнических столкновений лежит реальное либо субъективное неравенство этносов и желание к равноправию. В этой связи основной целью методов урегулирования подобных конфликтов должен стать поиск компромиссного решения, удовлетворяющий интересы всех сторон. Для достижения данной цели необходим ряд условий: 1) признание сторонами наличия конфликта; 2) достижение высокой степени организованности сторон, что позволит достичь необходимых результатов и договоренностей; 3) соблюдение сторонами установленных правил, в том числе регламентирующих равенство сторон [18].

Равноправия между сторонами можно достичь, если причиной этнического конфликта является экономическое или политическое противостояние, однако в случае территориальных или статусных споров равноправия достичь практически невозможно, так как любая уступка с одной или другой стороны воспринимается как поражение, а конфликт приобретает форму борьбы «с нулевой суммой».

В случае если сторонами продолжительное время не удастся найти выход из спорной ситуации, в целях прекращения противостояния и установление порядка в регионе, в процесс урегулирования конфликта подключается третья сторона, в этнических конфликтах на постсоветском пространстве в роли третьей стороны, как правило, выступает Россия.

Тем более что незавершенное решение этнических споров может привести к возрождению новых, масштабных столкновений, а конфликтные отношения всегда негативно сказываются на развитии социально-экономической и политической ситуации государств, научно-практическое изучение особенностей этнических конфликтов и методов их урегулирования является залогом безопасности и успешного развития не только отдельных региональных объединений, но и всего мирового сообщества.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха является, пожалуй, самым затяжным и болезненным противостоянием на территории бывшего СССР. После распада Союза он стал важным препятствием в развитии благоприятных взаимоотношений двух независимых республик — Армении и Азербайджана. Военное и полити-

ческое противостояние возникло еще в последние годы существования СССР, однако истоки событий уходят корнями, как минимум, в начало XX в. [2].

Не стоит уходить в далекое прошлое в поисках фактов и аргументов, подтверждающих право одной или другой стороны на спорную территорию, однако ни для кого не секрет, что Азербайджан в 1920 году получил Нахичевань и Карабах по политическим соображениям. В тот период в Баку уже победили большевики, в то время, как Армения все еще была меньшевистской. Сложно объяснить решение о включении в состав Азербайджана края, населенного 90% армянских жителей. В 1923 году на территории края (без Шаумянского и части Ханларских районов) была образована АОНК (Автономная область Нагорный Карабах), а в 1937 году область была преобразована в Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО).

За весь советский период населением Нагорного Карабаха неоднократно предпринимались попытки выхода региона из состава Азербайджана. С началом дестабилизации Советского Союза вопрос о Нагорном Карабахе вновь стал актуальным. 20 февраля 1988 г. было принято решение областного Совета НКАО о переходе из состава Азербайджана в состав Армении. Безусловно, подобный шаг был воспринят Баку как посягательство на суверенитет и территориальную целостность государства. Однако Президиум Верховного Совета СССР отменил решение областного Совета НКАО, несмотря на то, что воля населения Нагорного Карабаха вовсе не противоречила Конституции СССР. Совместной сессией Нагорно-Карабахского и Шаумяновского районных советов 2 сентября 1991 г. была провозглашена Нагорно-Карабахская Республика, включившая в себя НКАО и Шаумяновский район.

После распада Советского Союза и «парада суверенитетов» реакция Баку на независимость Нагорно-Карабахской Республики не дала себя долго ждать. Начались открытые вооруженные боестолкновения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом при участии Армении в 1991–1994 гг. Основная цель, которую преследовали власти Азербайджана, — установление контроля над всей territori-

ей бывшей автономии. По инициативе Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Министерства иностранных дел Российской Федерации и парламента Киргизии был подписан Бишкекский договор о прекращении огня в полночь с 8 на 9 мая 1994 года.

По итогам военного противостояния армии Нагорного Карабаха удалось взять под контроль почти всю территорию НКАО (95%), пять прилегающих районов (Зангеларский, Джебраильский, Кельбаджарский, Кубатлинский и Лачинский), а также часть Агдамского и Физулинского районов. В свою очередь Азербайджаном контролируются 15% довоенной территории Нагорно-Карабахской Республики: Шаумяновский район НКР и части Мартакертского, Мартунинского районов НКР [8].

С момента окончания военных действий прошло почти 20 лет, однако установленное положение «ни войны, ни мира» сохраняется до сих пор. За все время переговорного процесса позиции сторон остаются неизменными, к сожалению, любая уступка той или иной стороны воспринимается органами власти сторон, а порой и народом как поражение, что является основной преградой для решения вопроса о статусе Нагорно-Карабахской Республики.

Кавказский регион всегда был центром пересечения интересов не только региональных, но и мировых держав. Кровавопролитные войны в глазах международного сообщества создали образ региона как центра нестабильности и масштабных этнических конфликтов. В наши дни немаловажную роль в решении региональных конфликтов играет энерго-сырьевой фактор, что наиболее наглядно отражается в азербайджано-карабахском конфликте. По причине наличия энергоресурсов в Каспийском бассейне мировыми державами используется политика лавирования, которая лишь оттягивает процесс урегулирования конфликта. Однако не стоит недооценивать позитивные результаты действий ряда государств, сыгравших основную роль в прекращении войны и сохранении мира в регионе, несмотря на затяжной характер конфликта.

Со временем на основе Нагорно-Карабахского конфликта возникло еще одно противостояние вне региональных игроков за влияние, где главная роль отводилась России и США.

Противоречия между странами-посредниками в ходе решения конфликта стали остро проявляться в период 1993–1994 гг. Именно в это время борьба за лидерство переросла в стремление сыграть главную роль в миротворческом процессе. Основная задача, которую Вашингтон ставил перед собой в процессе урегулирования конфликта — не допустить усиления влияния России на Южном Кавказе и ее превосходства в посреднической деятельности, в свою очередь Москва не могла позволить рост влияния США и Турции в регионе, фактически являющимся немаловажной частью постсоветского пространства и фактором геополитической стабильности.

Ввиду того, что в современном мире решение подобных этнотерриториальных споров зачастую возможно при активной поддержке ведущей державой позиций одной из сторон конфликта, наличие энергоресурсов и географическое положение зоны конфликта лишь тормозит процесс окончательного урегулирования данного многолетнего противостояния сторон.

С момента окончания вооруженных действий конфликтующие страны находятся в состоянии «ни войны, ни мира». Подписанные за этот период соглашения о неприменении силы и поиске мирных методов решения конфликта являются единственными значимыми достижениями в Нагорно-Карабахском вопросе.

Основной причиной «неурегулированности» конфликта, по мнению ряда экспертов, является взаимное недоверие противоборствующих сторон [9].

В сложившейся ситуации любой компромисс конфликтующих стран равносителен проигрышу и воспринимается как измена базовым национальным интересам. В этой связи путь с момента подписания мира до решения спорных вопросов и определения статуса Нагорно-Карабахской Республики сторонам конфликта так и не удалось пройти. Основное требование, предъявляемое правительством Азербайджана во время переговоров по конфликту — это сохранение территориальной целостности страны за счет освобождения оккупированных территорий. Официальная позиция Армении по нагорно-карабахскому конфликту спустя десятилетия осталась также неизменной и диаметрально противоположной азербайджанской. Этнопо-

литические конфликты, подобные конфликту в Нагорном Карабахе, имеют три основных пути решения: военное; посредством мирных переговоров; под воздействием внешнего актора, однако, все перечисленные варианты разрешения конфликтов, на данный период времени, не подходят к той сложной ситуации, которая фактически сложилась в Нагорном Карабахе.

Пытаясь найти пути выхода из конфликта, многие эксперты старались совместить требования конфликтующих сторон и объединить два принципа международного права — принцип территориальной целостности и право нации на самоопределение. Таким образом, была предложена модель — «общего государства», по которой Нагорный Карабах, оставаясь в составе Азербайджана, обладал бы многими правами независимого государства. Данная модель решения конфликта была одобрительно воспринята правительствами Армении и Нагорного Карабаха, однако власти Азербайджана отвергли предложения, посчитав, что они противоречат национальным интересам страны.

Многие исследователи данного конфликта полагают, что сложившаяся ситуация «ни войны, ни мира» выгодна правительствам обеих стран, «является инструментом для борьбы с инакомыслием и укрепления власти» [10]. Армения рассчитывает, что со временем мировое сообщество свыкнется со сложившейся ситуацией, а Азербайджан полагает, что ему удастся взять реванш после подъема экономики за счет продажи энергоресурсов.

Сегодня многие научные труды отечественных и зарубежных авторов посвящены анализу грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов, но все они, как верно отметили В. Захаров и А. Арешев в совместной работе «Абхазия и Южная Осетия после признания», сводятся к поиску исторического права абхазского и осетинского народов на независимость вне Грузинского государства, или же к его отрицанию [7].

Февральская революция 1917 года, приведшая к прекращению существования Российской империи, сильно изменила обстановку в Закавказье, многие округа и края встали на путь образования независимых государств. Территориальная перестройка региона и ослабление центральной власти при-

вели к постепенной потере независимости новообразованных государств. В этот период повысился интерес грузинских меньшевиков к территории Абхазии. Согласно соглашениям от июня 1918 г., под предлогом защиты государства от турецкого посягательства, в Абхазию были направлены грузинские войска под командованием генерала Г. Мазниева (Мазнишвили). И именно этот период грузинские историки считают временем окончательной потери независимости Абхазии и ее преобразования в автономный субъект в составе Грузии. Несмотря на сложную ситуацию, в которой оказалась Абхазия, правительство не переставало заниматься поиском выхода из нее.

История раздела территории Осетии и превращения ее южной части в автономную область в составе Грузии имеет свои аспекты, значительно отличающиеся от истории Абхазского государства. Находясь до 1917 года в составе Владикавказской и Тифлисской губерний, к моменту революции, Осетия оказалась политически разделенной [14]. За период притеснения и агрессии со стороны грузинских меньшевиков, народ Южной Осетии всегда отстаивал стремление на объединение лишь с северной частью Осетии и не допускал мысли о разделе единого народа на части, однако, после установления советской власти в Закавказье южная часть Осетии вошла в состав Грузии, что явилось политическим, слаботивированным шагом Москвы. А после прихода к власти И. Сталина, по отношению к абхазскому и осетинскому народам, стала проводиться политика культурной ассимиляции и миграции, приведшая к значительному сокращению удельного веса малочисленных народов и отдельных этнических групп.

В преддверии распада Советского Союза противостояние между грузинским населением и народами автономных областей обострилось. 14 августа 1992 г. Грузия ввела свои войска на территорию Абхазии, так началась война, длившаяся почти 14 месяцев. Грузия боролась за территориальную целостность государства, в то время как Абхазия — за право построения независимого государства. При посредничестве России, в Москве, 14 мая 1994 г., стороны подписали базовое Соглашение о прекращении огня и разъединении сил

в зоне конфликта. Противостояние между Грузией и Южной Осетией, длившееся с 1989 по 1992 гг., удалось прекратить подписанием Дагомысского соглашения о прекращении огня и создании Смешанной контрольной комиссии для урегулирования конфликта, в которую вошли российские, грузинские и осетинские миротворческие батальоны. Однако, несмотря на отсутствие вооруженных столкновений и работу посреднических организаций и миротворческих сил, конфликты между народами Грузии, Абхазии и Южной Осетии урегулировать им так и не удалось. С приходом к власти М. Саакашвили в 2004 году, который стал проводить политику восстановления территориальной целостности Грузии, отношения между странами стали вновь осложняться. События августа 2008 года стали кульминацией векового противостояния, приведшей к окончательной потере шанса на восстановление грузинских границ советского периода и к образованию двух независимых государств: Абхазии и Южной Осетии, получивших свое международное признание не только в лице Российской Федерации.

В первые же дни своего правления Михаил Саакашвили в основу своей политики поставил задачу восстановления конституционного порядка в стране путем воссоединения непризнанных, но де-факто независимых республик Абхазии и Южной Осетии. Предприняв ряд мер по решению поставленных целей мирным путем, предложив правительству республик варианты вхождения в состав Грузии с предоставлением широкой автономии, президент М. Саакашвили преступил к решению задач силовыми методами. Началом грузинской вооруженной агрессии в Южной Осетии считается 8 августа 2008 г., когда в зону конфликта, где могли находиться лишь миротворческие силы, были переброшены грузинские войска с тяжелой военной техникой для осуществления операции по «восстановлению конституционного порядка в зоне конфликта» под названием «Цминда Вели» («Чистое поле»).

По причине гибели мирных жителей и российских миротворцев, Президентом России Д.А. Медведевым было принято решение о начале операции по пресечению грузинской агрессии по отношению к населению Южной Осетии. В результате совместной работы российских и осетинских военнослужащих грузин-

ская армия понесла серьезные потери в первый же день войны, что оказало психологическое воздействие на грузинских солдат и, в последующем, на исход военных действий. На рабочей встрече в Кремле 12 августа Президент России Дмитрий Медведев объявил об окончании операции по «принуждению Грузии к миру». После достижения всех договоренностей с 14 по 16 августа 2008 г. руководителями государств был подписан план мирного урегулирования конфликта «План Медведева-Саркози», подписанием которого ознаменовалось окончание военных действий в Южной Осетии.

События августа 2008 г. сыграли немаловажную роль в изменении сложившейся системы международных отношений и построении нового мирового порядка. После завершения военных действий начался новый, не менее сложный, этап в жизни республик, связанный с поиском одобрения в желании быть независимым и равноправным членом международного сообщества. После военных действий в Южной Осетии в 2008 году единственным правовым гарантом стабильности и безопасности в регионе является совместно выработанный «План Медведева-Саркози», включающий пункты по стабилизации ситуации в регионе. Несмотря на мнение Запада о необходимости сохранения территориальной целостности Грузии, Южная Осетия и Абхазия являются первыми странами постсоветского пространства, получившими международно-правовое признание.

Окончание военных действий и признание республик со стороны России повлияли на спад напряженности на Южном Кавказе, но не решили вопросы долгосрочных гарантий стабильности и порядка. Перспективы урегулирования противоречий грузинского, абхазского и осетинского народов будут зависеть от обоюдного желания стран в мирном разрешении сохранившихся споров, путем преодоления сложившейся социальной напряженности. Ввиду того, что европейское сообщество отказывается мириться с данной ситуацией и продолжает воспринимать территории республик как часть грузинского государства, перед Абхазией и Южной Осетией стоит сложная задача по закреплению своего права быть равноправным субъектом межгосударственных отношений в рамках ООН и иных международных институтах.

Всесторонний анализ межэтнических столкновений показывает, что зарождение и развитие такого рода конфликтов являются сложным, многоуровневым процессом, основанным на борьбе объективных и субъективных противоречий, своего рода конкуренции двух основополагающих международно-правовых принципов: право наций на самоопределение и территориальная целостность государств.

Ввиду исторически сложившейся полиэтничности большинства стран современного мира и реальной угрозы эскалации межэтнических противоречий международное сообщество

долгие годы придерживалось в своей политике принципа территориальной целостности государства. Поэтому 2008 год, год признания независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии, стал своего рода переломным моментом в сложившейся системы международных отношений, показавшим необходимость применения всех международно-правовых норм и принципов в достижении сбалансированного миропорядка в современных, динамично-развивающихся отношениях всех участников международного Сообщества.

Литература

- [1] *Аванесян А.А.* Переговорный процесс как метод разрешения этнополитического конфликта (на примере Нагорного Карабаха) // Вестник Московского государственного открытого университета. — М., 2011. — №4 (46). — С. 31–33.
- [2] *Арешев А.Г.* Нагорный Карабах. Становление государственности и переговорный процесс. — М., 2010. — С. 13.
- [3] *Гайдук В.В.* Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21). — С. 30–35.
- [4] *Гайдук В.В., Смирнова К.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 2 (21). — С. 79–87.
- [5] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1. — С. 115–121.
- [6] *Гуськов А.Я.* Конфликтология. — М., 2013. — С. 8.
- [7] *Захаров В.А., Арешев А.Г., Семерикова Е.Г.* Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. — М., 2010. — С. 60.
- [8] *Захаров В.А., Саркисян С.Т.* Азербайджано-Карабахский конфликт: истоки и современность // Майендорфская декларация 2 ноября 2008 г. и ситуация вокруг Нагорного Карабаха: сб. статей. — М.: НП ИД «Русская панорама», 2009. — С. 226–227.
- [9] *Казимиров В.* Карабахский тупик: где выход? [Электронный ресурс]. — URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_3543
- [10] Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд [Интервью с директором Бакинского офиса Британского института по освещению войны и мира Ш. Рзаевым]. — М., 2006. — С. 28.
- [11] *Медведев Н.П.* Этнос и политика // Этносоциум и межнациональная культура. — 2012. — Т. 43. — № 1. — С. 38–44.
- [12] *Медведев Н.П.* Этнос, нация и политика // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. — 2012. — № 2. — С. 29–36.
- [13] *Медведев Н.П.* Что мешает этнополитической стабильности на Северном Кавказе? // Россия и мусульманский мир. — 2010. — № 8. — С. 45–53.
- [14] *Мяло К.* ПОСЛЕ СССР: Российская Федерация и непризнанные государства. — М., 2012. — С. 80.
- [15] *Сулейманова Ш.С.* Межнациональные отношения — этническая адаптация в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. — М., 2010. — № 3 (27).
- [16] *Сулейманов А.Р.* Этническое измерение национальной безопасности современной России // Вопросы политологии. — 2013. — № 3. — С. 112–117.
- [17] *Сулейманов А.Р.* Этнос и нации в стратегии национальной безопасности Российской Федерации: политологический аспект // Стратегия устойчивого развития регионов России. — 2013. — № 17. — С. 83–87.
- [18] *Формы и способы регулирования этнических конфликтов* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.istmira.com/yetnologiya/1369-formy-i-sposoby-regulirovaniya-yetnicheskix.html>
- [19] *Хоперская Л.Л., Харченко В.А.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. — Ростов н/Д., 2005. — С. 4.

УДК 322.1(470)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры философии и политологии
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа,
докторант кафедры национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте России, г. Москва
e-mail: suly-artur@rambler.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И МОНИТОРИНГ

Управление сферой национальной политики и механизмы ее реализации существенно отличаются от тех, которые применяются государством в работе по другим направлениям. Это объясняется, с одной стороны, особым характером данной сферы общественных отношений, выражающимся в необходимости апеллировать к весьма субъективным и идентификационным параметрам. С другой стороны, согласно устоявшемуся мнению, сфера межнациональных и межэтнических отношений требует крайне деликатного подхода, так как потенциально таит в себе угрозу социально-политических взрывов, самыми серьезными последствиями которых могут стать распад государства и потеря суверенитета. К тому же, традиционные формы институтов государственного управления не могут эффективно работать в изучаемой области из-за слишком размытой зоны ответственности, невозможности постановки конкретных целей и неоднозначности вопросов, связанных с финансированием национальной политики государства. Опыт ведомства по делам национальностей, существовавшего в России на протяжении первого постсоветского десятилетия, показал, что вышеуказанные факторы приводят к постоянному поиску подходящей организационной формы и частой смене высшего руководства ведомства, что не позволяло наладить эффективную работу и послужило причиной ликвидации данной структуры. В данной статье исследуется роль органов государственной власти в реализации национальной политики страны, демонстрируются межведомственные связи в этом вопросе.

Ключевые слова: национальная политика, научно-экспертное сообщество, управление, субъект, правовые механизмы.

Прежде всего, следует заметить, что использование отечественного опыта в исследовании процесса политического управления национальными процессами, полиэтничного по составу населения, государства, существует в течение долгого времени.

К сожалению, только в последние годы начала проявляться тенденция к слиянию достижений политической и управленческой традиции в русле тематики, обозначенной в названии данной работы. Оценки и положения видных отечественных ученых В.А. Михайлова, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, В.Ю. Зорина,

В.В. Гайдука и других показывают, что исследования не могут успешно работать без взаимопроникновения в сферу смежных общественных дисциплин: без анализа управленческих технологий и традиций, с одной стороны, и построения политологических схем, с другой стороны.

Отсутствие четкой долгосрочной программы в национальном вопросе у российского правительства, стремление к унификации управленческих объектов привели к тому, что местные этнические кланы восприняли подобные действия со стороны Центра как свое-

образный сигнал к поиску альтернативных путей спасения своей государственности, своих этносов [1].

Очевидно, что в современных политических реалиях государством предпринимается новая попытка модернизации системы управления национальными процессами в России. Отказавшись от воссоздания министерства по делам национальностей, новая ставка сегодня делается на учреждение совещательных органов различного уровня, создание в структуре правительства межведомственной рабочей группы, координирующей работу исполнительных органов власти по вопросам, связанным с межнациональными и межэтническими отношениями. При этом подчеркивается особая роль главы государства в формировании национальной повестки дня.

Для того чтобы исследовать управленческий потенциал в системе реализации государственной национальной политики России, следует проанализировать деятельность, структуру и взаимоотношения профильных органов государственной власти. Прежде всего, необходимо обозначить, какие именно институты ответственны (как де-юре, так и де-факто) за артикуляцию позиции государства в данной сфере общественных отношений. И только потом можно описать логику процесса формирования данной системы и выявить функциональную роль каждого из органов, созданных за последние три-четыре года в ходе реформации национальной сферы или существовавших ранее.

1. Законодательная ветвь власти. Изменения, касающиеся сферы управления национальными и межэтническими процессами практически не были затронуты в структуре законодательной власти. Так в Российской Федерации практически не принимались законы, регулирующие непосредственно межнациональные и межэтнические отношения. Кроме следующих: Федеральный закон «О национально-культурной автономии», Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» (от 22.10.2013 № 284-ФЗ), Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» и т.д. [12].

Более того, несмотря на то, что процесс законотворчества по национальной политике идет не столь активно, в Государственной Думе Федерального Собрания России работает профильный орган по вопросам национальной политики — Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам национальностей. Данный орган существует с момента начала работы Думы в 1993 году. Согласно уставным документам, к вопросам ведения комитета по делам национальностей относятся следующие: вопросы государственной национальной политики и межнациональных отношений в Российской Федерации; вопросы формирования общегражданской идентичности и этнокультурного развития народов России; вопросы совершенствования законодательства по предупреждению и разрешению межнациональных конфликтов; совершенствование законодательства в сфере языковой политики и образования и т.д. [8]. Однако, в основном, судя по отчетным документам [7], внимание его членов сфокусировано на проблемах развития коренных малочисленных народов Российской Федерации и сохранения культуры и традиционных промыслов российских этнических групп.

Помимо этого комитет занимается экспертизой законопроектов, в той или иной степени затрагивающих национальную тематику — от упрощения получения российского гражданства для потомков подданных Российской Империи до возможности обучения на национальных языках в некоторых республиках.

Сам Председатель Комитета по делам национальностей Г.К. Сафаралиев отмечает: «Многообразие национального, религиозного и языкового состава населения, многовековой опыт межкультурного взаимодействия, традиции учета государством интересов всех народов, проживающих в Российской Феде-

рации, высокая степень участия институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, определяют основные особенности современного этнокультурного развития народов Российской Федерации» [14].

В структуре Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации нет профильного комитета, напрямую отвечающего за национальную политику. Отчасти данная сфера попадает в поле деятельности Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, но, судя по отчетным документам, данный орган уделяет минимальное внимание обсуждениям по национальной тематике.

Председатель Комитета по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера Д.И. Азаров пишет: «Мы живем в быстро меняющемся информационном мире. Успех и эффективная работа сегодня — это, прежде всего, умение объединить усилия и оперативно информировать вас о результатах работы законодателей, изменениях в законодательстве. Мы создаем площадку для обмена мнениями и совместного поиска решений и очень надеемся на ваше участие в дискуссиях» [17].

2. Исполнительная ветвь власти. В Российской Федерации произошли заметные изменения структуры органов исполнительной власти, ответственных за реализацию национальной политики. С 2004 по 2011 гг. единственным подразделением в структуре исполнительной власти, занимающимся вопросами национальной политики, был Департамент межнациональных отношений Министерства Регионального развития. В состав которого входили: отдел этнокультурного развития, отдел по взаимодействию с российским казачеством, отдел анализа межнациональных и этноконфессиональных отношений и отдел по реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников.

Основным направлением деятельности департамента являлся мониторинг ситуации в сфере межнациональных и межэтнических отношений и публикация аналитических ма-

териалов по итогам мониторинга. Активность работы департамента значительно снижалась во второй половине 2000-х годов. 8 сентября 2014 г. Президент России В.В. Путин подписал Указ «Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации».

Согласно данному документу, функции упраздняемого Министерства регионального развития Российской Федерации по выработке и реализации государственной национальной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации, реализации этнокультурных потребностей граждан, принадлежащих к различным этническим общностям, а также по обеспечению эффективного использования субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями средств государственной поддержки, предусмотренных на этнокультурное развитие народов Российской Федерации, были переданы Министерству культуры Российской Федерации [15]. Но можно ли сегодняшний день говорить о каких-либо практических результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в сфере национальной политики?

Ученый В.В. Гайдук в одной из своих работ отмечает: «Сегодня формат 3D везде, в том числе в общественно-политической и научно-экспертной жизни. Стирание общепринятых граней между техническими и гуманитарными науками, возникновение новых знаний на стыке междисциплинарного подхода, модифицируют общественный уклад, приспособляя социум к новым вызовам современности, и выступая гарантом их востребованности на рынке труда. В том числе и в сфере межнациональных и межэтнических отношений» [2].

3. Органы при Президенте Российской Федерации. Президент России В.В. Путин в числе прочих опубликовал статью под заголовком «Россия. Национальный вопрос», в которой дал понять, что межнациональным и межэтническим отношениям в России будет уделено особое значение. В данной статье Владимир Путин заявил о необходимости создания некоего коллегиального органа, на высоком уровне занимавшегося бы вопросами в данной обла-

сти: «Считаю, что в системе федеральных органов власти необходимо создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов. Сейчас эти проблемы находятся в ведении Министерства регионального развития и за ворохом текущих задач вытесняются на второй, а то и третий план, и такую ситуацию надо исправить. Это не должно быть стандартное ведомство. Скорее речь должна идти о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия» [9].

Также активно обсуждалась возможность создания института уполномоченного по делам национальностей при Президенте Российской Федерации [5], однако эта идея не получила развития.

Вскоре после вступления В.В. Путина на должность Президента России, им были подписаны указы во исполнение его основных предвыборных обещаний, сформулированных в вышеупомянутой статье. В том числе Президент подписал Указ «Об обеспечении межнационального согласия» [13], основными пунктами которого стали создание совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации и разработка магистрального документа по национальной тематике — «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в период до 2025 года».

Таким образом, вместо того чтобы встраивать новый высший орган в структуру правительства, было решено создать институт, находящийся в непосредственном ведении главы государства. В положении о Совете было сказано: «Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям (далее — Совет) является совещательным и консультативным органом при Президенте Российской Федерации, образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении

вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации» [16].

Функции совета сформулированы весьма расплывчато, однако ясно, что по своей природе это не орган управления, а площадка для трансляции позиции Президента страны по вопросам государственной национальной политики — п. 14 Положения о Совете прямо гласит: «Совет осуществляет свою деятельность в соответствии с планами, утверждаемыми Президентом Российской Федерации». Органом, ответственным за исполнение решений Совета является межведомственная рабочая группа — «Обеспечение координации действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и организаций по реализации решений Совета возлагается при необходимости на Межведомственную рабочую группу по вопросам межнациональных отношений» [16].

Заключительным шагом выстраивания новой системы институтов, ответственных за формирование национальной политики при Президенте России стал переход под единое руководство департамента по национальной политике (создан летом 2012 г.) и департамента по взаимодействию с религиозными организациями.

Такие структурные перестановки во влиятельном Управлении Администрации Президента свидетельствуют, прежде всего, о повышении внимания первого лица к тематике национальной политики и его стремлении сосредоточить работу над развитием данного направления непосредственно в кремлевских структурах.

Стоит отметить, что модернизация государственных органов реализации национальной политики коснулась и регионального уровня [6]. Так руководитель Министерства культуры России В. Мединский официально объявил, что ведомство планирует создать региональные центры мониторинга межнациональных отношений. В связи с упразднением Министерства регионального развития Минкульт было передано 35 штатных единиц. «С учетом сложившейся ситуации мы думаем о создании подведомственных министерству учреждений, которые бы занимались мониторингом межна-

циональных и межконфессиональных отношений», — отметил В. Мединский [15].

В самих субъектах Федерации (и на окружном уровне) стали создаваться научно-экспертные площадки мониторинга межнациональных и межэтнических отношений. Так в рамках реализации положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Приволжского федерального округа в г. Уфе был открыт Научно-исследовательский центр разработки устойчивой модели развития регионов федеративного государства на базе Башкирского государственного университета [4].

Исходя из представленной информации, можно составить схему системы взаимодействия институтов государственной власти, занимающихся национальной проблематикой. В этой системе основным органом, отвечающим за вопросы формирования государственной национальной политики, является Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям — совещательный орган под руководством первого лица. Совет должен доносить до общества идеи Президента России по вопросам национальной политики.

Первым продуктом работы Совета стала разработка «Стратегии развития государственной национальной политики Российской Федерации в период до 2025 года», в которой прописаны основные принципы развития данной сферы. Не обладая конкретными властными полномочиями Совет, по всей видимости, призван играть роль трибуны для выражения официальной позиции власти по проблемам в сфере межнациональных и межэтнических отношений, в то время как основные решения принимаются в Управлении внутренней политики Администрации Президента России [11].

Правительство России взаимодействует с Советом при Президенте Российской Федерации через Межведомственную рабочую группу по межнациональным отношениям, ре-

гулярно собирающуюся на заседания и призванную организовывать работу по выполнению решений в сфере национальной политики, принятых Президентом и озвученных Советом при Президенте. Парламентские органы практически не вовлечены в процессы формирования и реализации государственной национальной политики.

При этом, как отмечает ученый В.В. Гайдук, каждый старается быть экспертом в области национальной политики, каждый хочет высказываться по этому вопросу. С нечистыми руками туда лезть нельзя. Это тонкая материя — отношения между людьми, тем более, когда речь идет о межнациональных межэтнических, межрелигиозных отношениях. Сфера научного исследования национальной политики требует серьезнейшего научно-экспертного внимания [3]. И с этим, действительно, трудно не согласиться.

Очевидно, что систематизация межведомственных связей в сфере управления национальной политикой в стране не закрыта, и подвержена велениям времени. Однако выше обозначенные проблемы являются основными и без их решения власть обречена на «одинокое скитание» в сфере реализации государственной национальной политики России.

Таким образом, говоря о государственном менеджменте в сфере национальной политики, важно подчеркнуть, что управленческая балансировка призвана обеспечить согласованное взаимодействие органов государственной власти [9]. И это вписывается в российский федерализм.

В любом случае, разобщенность или несбалансированность в управлении национальной политикой страны, во многом способствует тому, что элитарное общение не всегда является медиумом понимания между общающимися. Поэтому управленческий компонент, который неизбежен во взаимодействии элит, должен стать ключом к пониманию основ национальной политики России. И этот факт должен быть учтен.

Литература

[1] Васильева О.А. Этнополитические конфликты на южных рубежах постсоветской России: опыт политического управления. — Волгоград; Армавир: Армавирская государственная педагогическая академия, 2011. — 259 с.

- [2] *Гайдук В.В.* Российское общество политологов в научно-экспертном формате измерения — 3D // Вопросы политологии. — 2013. — № 4 (12). — С. 23–34.
- [3] *Гайдук В.В.* Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21). — С. 30–35.
- [4] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Регион в системе обеспечения национальной целостности и безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 2 (25). — С. 59–68.
- [5] *Кашеварова А.* В России появится омбудсмен по делам национальностей // Известия. — 2012. — 14 авг.
- [6] *Нигматуллина Т.А.* Политические настроения молодежи: региональный аспект // Труд и социальные отношения. — 2013. — № 8. — С. 90–95.
- [7] Отчеты о работе Комитета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru/site.xpr/052049.html>
- [8] Положение о комитете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru>
- [9] *Путин В.В.* Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — № 12 (267).
- [10] *Сулейманов А.Р., Высоцкий А.В.* Медиативные инструментариумы современной элитологии: диалог «власти» // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2014. — № 3 (24). — С. 71–74.
- [11] *Сулейманов А.Р.* Национальная идея как атрибут государственности: политический миф или реальность // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21). — С. 115–118.
- [12] URL: <http://www.garant.ru/>
- [13] URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610870>
- [14] URL: <http://www.komitet2-4.km.duma.gov.ru>
- [15] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2612784>
- [16] URL: <http://region.council.gov.ru/about>
- [17] URL: <http://www.kremlin.ru/news/46574>

УДК 323.11(470.57)

АМИНОВ Ильдар Ринатович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного права Института права
Башкирского государственного университета, г. Уфа
e-mail: aminov76@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Одним из актуальных вопросов в изучении первого опыта реформы местного самоуправления остается оценка эффективности переноса центра политической деятельности на низовой уровень власти и влияния этого процесса на различные сферы жизни человека и общества. В силу того, что Республика Башкортостан является многонациональным регионом, а также в силу высоких темпов развития миграции в Республике, в последние годы стали чаще возникать этнополитические конфликты. В этой связи представляется актуальным проанализировать изменения в этнополитической ситуации Республики Башкортостан с учетом проводимой реформы местного самоуправления, тем более что республика была одним из пилотных регионов по ее осуществлению. В данной статье предпринимается попытка проанализировать опыт работы по управлению этнополитическими процессами на низовом уровне власти, а также определить потенциал местного самоуправления в стабилизации этнополитической ситуации в республике.

Ключевые слова: право, органы местного самоуправления, этнополитический конфликт, анализ, потенциал, Республика Башкортостан, регион.

Одной из наиболее характерных черт муниципальной реформы, начатой в 2003 году, по мнению экспертов, являлся ее неоправданно радикальный характер [4]. С целью унификации механизмов муниципальной организации предусматривалось изменение границ, перераспределение земель и имущества, перестройка систем управления, причем без оглядки на сложившиеся институты и местные особенности. Эксперты предсказывали связанную с этим возможность существенного обострения конфликтов между различными группами интересов и роста социальной напряженности в России.

Объяснением данного феномена является то, что конфликт из-за ресурсов проявляется не только в сфере территориальных преобразований. Одной из основных причин конфликта стала двухуровневая система муниципального управления. Существование на одной террито-

рии двух органов местного самоуправления — муниципальных районов и поселений — неизбежно вызывает конкуренцию между ними за ресурсы и поддержку населения.

Еще один источник конфликтов заложен в моделях организации управления в муниципальном образовании, особенно в тех, где глава муниципалитета возглавляет муниципальный совет, а местной администрацией руководит наемный управляющий [3].

Источником конфликта является противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, сити-менеджер является наемным работником и не должен заниматься политическими вопросами, которые должны быть прерогативой муниципального совета, а с другой, — именно в его руках сосредоточены основные ресурсы, определяющие местную политику, и его решения по факту во многом детерминируют ее характер.

Связанные с муниципальной реформой конфликты по-разному проявляются на различных территориях, накладываясь на местные особенности, так или иначе вписываясь во взаимодействие основных «игроков» регионального и муниципального уровней.

Ключевым вопросом на начальном этапе реформирования местного самоуправления в Республике Башкортостан стал вопрос реформирования территориальной основы местного самоуправления. Поскольку муниципальные образования в республике формировались на базе исторически сложившегося административно-территориального деления, то введение местного самоуправления не повлекло за собой изменения территориальных границ.

В плане конкретизации правового статуса и форм правовой институционализации антиконфликтной деятельности органов местного самоуправления в российском законодательстве не были закреплены некоторые важные показатели: полномочия муниципальных структур по разрешению противоречий между этносами и этническими группами, возникающие на основе территориальных споров, политического противостояния, экономической конкуренции; механизмы противодействия со стороны органов местной власти в отношении действующих на ее территории деструктивных религиозных объединений; порядок взаимодействия муниципальных институтов с функционирующими на местном уровне органами государственной власти [2].

В ходе реформы местного самоуправления возникли сложности с обеспечением переданных на местный уровень вопросов местного значения финансовыми ресурсами. Здесь выявился целый комплекс вопросов, связанных и с проблемами адекватного перераспределения финансовых ресурсов в условиях нового разграничения полномочий, и с недостаточной экономической базой большинства поселений. Кроме этого, сработал и психологический фактор: реформа оказалась не соответствующей связанным с ней ожиданиям расширения финансовой основы местного самоуправления за счет собственных доходных источников. Неясно было, как передавать полномочия вместе с финансовыми ресурсами в условиях, когда вновь образованные муниципальные образо-

вания еще не имели собственных бюджетов. Не был определен порядок перераспределения имущества между Российской Федерацией, субъектами Федерации, муниципальными образованиями, а также порядок разграничения имущества, находящегося в муниципальной собственности, между различными типами муниципальных образований.

Также следует отметить, что во вновь образованных муниципальных образованиях, в первую очередь в сельских поселениях, выявился дефицит кадров, квалификация которых позволила бы решать закрепленные за поселениями вопросы местного значения, в том числе регулировать этнополитическую ситуацию в регионе.

Например, адаптация внутренних мигрантов и включение их в социокультурный ландшафт республики — в первую очередь проблема муниципалитетов.

Несовершенство законодательства, необеспеченность полномочий местного самоуправления необходимой финансовой базой, недостаток подготовленных кадров, нерешенность целого ряда других проблем серьезно снизили эффект от проводимой реформы. Что в свою очередь «способствовало» экономическому спаду, снижению уровня жизни, безработице, неустроенности молодежи, миграции.

По определению конфликтологов, межэтнические и этноконфессиональные противоречия зачастую провоцируются социально-экономическими проблемами, конкуренцией этнических групп в решении жизненных проблем [7].

Это проявляется в локальных конфликтах, которые, имея бытовые причины, трансформируются в межэтнические и межконфессиональные.

В первые годы реформы управление этническими процессами на муниципальном уровне в основном было ориентировано на регулирование этнических процессов в рамках уже действовавших к моменту начала реформы специальных региональных программ и оперативное вмешательство в случаях возникновения этнического конфликта. В ходе дальнейшего реформирования наблюдаются тенденции к планированию управления этническими процессами, принимаются муниципальные це-

левые программы по социально-экономическому развитию районов.

В настоящее время для преодоления неблагоприятных социальных факторов и стабилизации этнополитической ситуации в Башкортостане был реализован целый ряд целевых региональных и муниципальных программ, в частности, по стабилизации рынка труда и снижению безработицы, оказанию содействия малоимущим, обеспечению жильем молодых семей. Работают на муниципальном уровне и программы по поддержке разных этнических групп, особое внимание уделяют молодежи. В частности, в данный момент реализуется городская целевая программа городского округа г. Уфа «Профилактика терроризма и экстремизма на территории городского округа город Уфа Республике Башкортостан на 2011–2013 годы». Ведь ни для кого не секрет, что межэтнические конфликты, зачастую, тесно связаны с понятиями экстремизм и терроризм [5]. В соответствии с данной программой, в частности, в школах Уфы осуществляются следующие действия:

- Размещение на сайтах образовательных учреждений и сайте отдела образования материалов по пропаганде веротерпимости, развития у молодежи стремления к мирному разрешению конфликтных ситуаций в межэтнических и социально-политических отношениях, конструктивного обсуждения актуальных проблем и предупреждения экстремистских проявлений в молодежной среде. Оформление правовых стендов;

- Организация участия обучающихся и педагогов в форумах, посвященных вопросам профилактики терроризма и экстремизма;

- Проведение уроков «Основы религиозной культуры и светской этики» (4–5 классы) в общеобразовательных учреждениях;

- Организация участия работников образования в работе республиканских, городских, районных конференций, семинаров, совещаний по вопросам профилактики терроризма и экстремизма;

- Проведение в образовательных учреждениях мероприятий по формированию жизненных ценностей в условиях межэтнического и межрелигиозного согласия с обучающимися и родителями.

Основная задача данной программы является активизация мер по профилактике и предотвращению конфликтов на этнической, религиозной, социально-политической почве, а также эффективное обеспечение социально-политической стабильности на территории городского округа г. Уфа Республики Башкортостан и формирование на основе гармоничного и всестороннего этнокультурного развития ценностей общероссийского гражданства у народов, которые проживают в г. Уфе.

Органы местного самоуправления взаимодействуют с национально-культурными объединениями по вопросам совместного предупреждения и разрешения межэтнических конфликтов. Администрации муниципалитетов привлекают диаспоры к социально значимым мероприятиям регионального, краевого и местного масштаба (конференции, фестивали, встречи, конкурсы, соревнования и др.) [6].

Однако подобных мер недостаточно для стабилизации этнополитической ситуации в регионе, часто возникает проблема нехватки финансов, инициативы и компетентности муниципалитетов. Поэтому следует выделить несколько направлений в деятельности органов местного самоуправления, реализация которых позволит более качественно прогнозировать и регулировать этнополитические процессы в республике.

1. Разработка механизма разрешения проблем, возникающих между этническими общностями исключительно на уровне местного самоуправления, как более гибкого способа организации и самоорганизации населения с учетом местных, в том числе и национальных особенностей.

2. Наряду с привычными формами работы с национально-культурными объединениями, необходим активный поиск более практичных методов работы с различными категориями населения. Имеется, например, опыт организации местными администрациями участия представителей разных национальностей одной возрастной или профессиональной категории в совместной деятельности для достижения общих социально значимых целей [1].

3. Следует активнее использовать СМИ для демонстрации населению участия власти в ре-

шении проблем межэтнического взаимодействия.

4. В социальном плане необходимо добиться того, чтобы «топография» бедности не совпадала с этнической картой.

Таким образом, роль органов муниципального управления в разрешении этнополитических конфликтов огромна, как и потенциал муниципалитетов. Ведь муниципальная

власть обладает большей гибкостью для разрешения этнополитических конфликтов, и обладают огромным потенциалом по преодолению конфликтогенных факторов в межэтнических отношениях, предотвращению локальных межэтнических конфликтов, ликвидации проявления бытового национализма и ксенофобии, созданию системы этнологического мониторинга.

Литература

[1] Аминов И.Р. Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в современной России // Правовое государство: теория и практика». — 2014. — № 4 (38).

[2] Аминов И.Р. Модели мирного урегулирования этнополитических конфликтов: поиск альтернатив // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 9 (75).

[3] Аминов И.Р. Этнополитические конфликты в условиях поликультурной среды: от «Арабской весны» до североатлантического миграционного кризиса // Вестник Башкирского университета. — 2014. — № 2 (19).

[4] Давыдов В.Н., Ташиева М.З. Ускользящая реальность этнополитических конфликтов // Политика и политология: актуальный ракурс. — М., 2011.

[5] Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этнополитические движения как социальный феномен. — Уфа, 2000.

[6] Кудряшов К.В., Санькова А.А. Сравнительный анализ нормативно-правовой базы местного самоуправления и трудностей, возникших при реализации муниципальной реформы // Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д.: СКАГС, 2010. — С. 647–650.

[7] Сулейманов А.Р. Государственный менеджмент в сфере национальной политики // Этносоциум и межнациональная культура. — 2015. — № 2 (80). — С. 131–137.

УДК 101.1:316

АНГЕЛИ София Сергеевна,*директор колледжа Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),**аспирант 3-го года обучения ФГБОУ ВПО**«Башкирский государственный университет» (г. Уфа)**e-mail: sofi.angeli@mail.ru*

ЭНДОЭТНОНИМЫ И ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ НАРОДА

Статья посвящена выявлению взаимосвязей важнейших характеристик этноса — самоназвания и самосознания.

Ключевые слова: этнос, самосознание, самоназвание (эндоэтноним), культура, архетип.

В век глобализации напряженная геополитическая обстановка и социально-политические процессы в мире влекут за собой интенсивность этнических процессов, стираются межкультурные различия, происходит всеобщая интеграция народов в единое мировое сообщество. Вместе с тем, усиливается острое стремление этносов проявить свою самобытность и уникальность. Противоречивость современных этнических процессов становится предметом изучения как отечественной, так и мировой науки.

Общеизвестно, что ключевыми признаками, отличающими этнос от других общностей и социальных групп, являются язык, культура, территория проживания, обычаи и традиции, а также самосознание. Этническое самосознание — это исторически сложившееся представление народом собственной сущности, осознание своего положения в структуре коммуникаций с другими этническими образованиями, ощущение своей уникальности. В качестве основных компонентов этнического сознания Ю.В. Бромлей выделил национальную идентичность, представления о типичных чертах своего этноса как целого, представления об общности исторического прошлого, осознанное отношение к ценностям и культуре народа, его достижениям [2, 172].

Одной из внешних форм проявления самосознания, самоидентификации личности с определенной этнической группой принято считать самоназвание народа. Этноним — это

некий условный показатель зрелости народа, уровень его самосознания, возможность отличать себя от других. В его основе лежит этническая комплиментарность, согласно К.Г. Юнгу, архетип коллективного бессознательного «самость» и связанная с ним мифологема «свой-чужой» [4]. Данная антитеза, формирующаяся в сознании человека и народа в целом, является основой, которая позволяет выделять в зависимости от именуемого субъекта этнонимы на несколько типов:

эндоэтноним — самоназвание народа: в этом случае именуемый объект и именующий субъект совпадают;

экзоэтноним — название, присваиваемое этносу другим народом: в этом случае именуемый объект и именующий субъект не совпадают. В обыденной жизни экзоэтноним связывается у нас с определенными стереотипами, которые, как мы считаем, характеризуют весь народ. К примеру, слово «итальянец» вызывает обычно ассоциации человека активно жестикулирующего и громко говорящего, когда мы говорим о представителях чеченского народа, то перед нами возникает образ мужчины-воина. Все это не выявляет существенные характеристики того или иного этноса, а показывает нашу субъективную оценку, определяет наше не всегда обоснованное отношение.

В философии языка имя принято относить к области бытия и сознания, отождествлять с личностью носителя, его достоинством и славой. Значение имени — не просто вербальное

или условное описание народа, оно отражает основные характеристики своего носителя, проявляет его внутреннюю, сакральную, скрытую от всех других сущность. К сожалению, именование народа нередко понимается как некий набор букв, который отличает один этнос от другого, при этом, смысл, который в действительности заложен в имени, остается вне области понимания субъекта познания.

По нашему мнению, именно самоназвание народа отражает глубинную связь этноса с его мировоззрением и самовосприятием, его историей и культурой. В качестве примера рассмотрим этноним «греки». Почему именно его? Дело в том, что этот этнос, во-первых, один из самых древних. Во-вторых, для него характерно ощущение некой синергии мира духовного и материального. Мифологизированное сознание древних греков выражалось в хронологии, закреплённой в древней Паросской таблице. Каждый гражданин греческого полиса старательно вел свою родословную в соответствии с точными расчетами цикла жизни и данными о мифических богах и героях, представленными в таблице, соотнося историю своей семьи с описанием жизни одного из богов древнегреческого пантеона. Известный древнегреческий целитель и врач Гиппократ принадлежал к роду кносских асклепиадов, семейству, ведущему свое начало от древнегреческого бога врачевания и медицины Асклепия. Самоназвание «эллин» также явилось отражением одного из греческих мифов. Эллин — мифологический родоначальник греческих племен, хранитель языческих культов, этим именованием до сих пор пользуются и современные греки, выстраивая бинарную оппозицию «эллин» — «варвар». По мнению известного советского этнолога С.А. Арутюнова, «этнос, непрерывно сохраняющий свое самосознание и самоназвание, сохраняет тем самым преемственность своего существования, точно так же как индивид продолжает оставаться одной и той же личностью, несмотря на происходящие в нем возрастные и иные изменения» [1].

Отметим, что самоименование не является общепризнанным среди современных представителей этноса, поскольку с принятием христианства изменилось и сознание народа, тер-

ритория его проживания. Значительная часть современного греческого общества претерпевает ряд трансформаций, образуются новые диаспоры и диалекты, и каждое диаспорное образование предпочитает свой вариант этнонима. Представители греческих диаспор Приазовья и Причерноморья на вопрос: «Какова Ваша этническая принадлежность?» — с гордостью отвечают: «Я ромей!». Это название неслучайно: жители Восточной Римской империи (Византии), большую часть которых составляли греки, именовали себя ромеями — гражданами христианской «Ромейской» империи. Православие — не просто основа самосознания греческого народа, это и его духовная миссия. Восприятие греками своей конфессиональной принадлежности очень кратко и ёмко выразил афонский старец Паисий: «Мы, маленький греческий народ, уверовали в Мессию, нам дано благословение просвещать весь мир» [3]. Именно мировоззренческая, религиозная константа формирует этническую психологию, этническую этику и поведение, что отражается и в самоназвании, и в структуре языка.

Есть и еще один вариант эндоэтнонима греков: так, жители греческих сел Грузии называют себя «урумами». Это тюркоязычная форма этнонима «ромей». Греки, репатриированные из республик бывшего Советского Союза, называют себя «понти», «пontiос», указывая на историческую территорию проживания своего рода (Понт — область в Малой Азии). Каждая из форм этнонимов подчеркивает существенные признаки этноса, которые он проявляет в различных сферах, но все же предпочтение отдается связи с духовным миром.

Различия в употреблении эндоэтнонимов зачастую приводят к делению народа. К примеру, общественные организации греков, расположенные в регионах Российской Федерации, неформально разделяются на две общины, у каждой из которых имеется свой лидер, это обусловлено происхождением греков и, соответственно, их эндоэтнонимом. Считается, что греки-урумы активно интегрировались с народами, населяющими Турцию, что отразилось на языке, культуре и поведении этноса. Поэтому представители греков-ромеев испытывают негативное отношение к этой части диаспоры. За пределами России греков-

урумов и греков-ромеев принято называть «руссопonti» вне зависимости от их исторического прошлого: все греки, проживающие за пределами Эллады (Греции), по мнению коренных греков, не считаются полноценными носителями этнических черт, то есть не являются эллинами. В диаспоре проблема разделения греческого народа является одной из самых главных, ее противоречивость состоит в том, что каждый представитель общины не смотря на языковое и антропологическое отличие, осознает себя причастным к истории греческого народа в целом, уважает его религиозные и культурные традиции. Поэтому вряд ли мы найдем греческие организации, название которых будет совпадать с одним из эндоэтнонимов.

Однако самоназвание дает возможность носителям сохранить духовное и моральное единство даже при условии отсутствия общей

территории, общности происхождения. Примером может служить многовековая история еврейского народа (эндоэтноним еһуди), учитывая тот факт, что еврейский народ на протяжении двух тысячелетий существовал как народ-диаспора, именно этноним и религия позволили ему сохранить свою общность.

Можно сделать вывод, что субъективная языковая картина мира, формируемая в сознании определенной этнической группы, выполняет важную этноконсолидирующую функцию. Поскольку специфика национального самосознания закреплена в языке и самоназвании, сознание становится социально транслируемым. Развитый уровень этнического самосознания группы поддерживает ее существование, позволяет индивидам почувствовать свою причастность к этносу, осознанно самоидентифицировать себя с конкретной культурной традицией.

Литература:

[1] Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1889 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.twirpx.com/file/261004/> (дата обращения 18.08.2015).

[2] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с.

[3] Паисий Святогорец. Слова. Т. 2. Духовное пробуждение [Электронный ресурс]. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Svjatogorets/dukhovnoe-probuzhdenie-slova-tom2/ (дата обращения 18.08.2015).

[4] Юнг К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг, М.Л. фон Франц, Дж.Л. Хендерсон и др.; под ред. К.Г. Юнга; пер. с англ. под общ. ред. В. Зеленского. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 454 с.: ил. — (Библиотека аналитической психологии).

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ТЕРРИТОРИЙ

УДК 325.1(470.57)

УСМАНОВА Диана Рафаэлевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин УЮИ МВД России
e-mail: kaf_apd_mail@ufali.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрена современная миграционная ситуация в Российской Федерации; причины и последствия миграционных процессов. Отдельно затронута специфика миграции из разных стран, возможности повышения эффективности противодействия нелегальной миграции.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, миграционные процессы, миграционная ситуация, мигрант, трудовая миграция, иммиграция.

В настоящее время Россия становится пунктом приема и транзита в страны Европы и США незаконных трудящихся-мигрантов как между государствами — участниками СНГ, так и из иных сопредельных государств (Средней и Юго-Восточной Азии, Афганистана, Шри-Ланки, Вьетнама, Кореи, Китая).

По данным ФМС России, на 30 августа 2014 г. на территорию Российской Федерации в период с 1 апреля 2014 г. первично въехало и осталось около 820 тыс. граждан Украины. С начала конфликта в миграционную службу обратилось около 130 тыс. граждан Украины с заявлением о предоставлении временного убежища или с ходатайством о признании беженцем; более 78 тыс. граждан Украины — для оформления разрешения на временное проживание; более 33 тыс. граждан Украины — с заявлением о предоставлении гражданства Российской Федерации; более 22 тыс. граждан Украины — для оформления вида на жительство; более 12 тыс. граждан Украины — для участия в Госпрограмме переселения соотечественников [2].

Особенности развития российского малого и среднего бизнеса увеличивают спрос на дешевый труд мигрантов, за счет использования которого такой бизнес получает нелегальный дополнительный доход, необходимый ему для поддержания рыночной конкурентоспособности. Более того, без незаконных связей представителей малого и среднего бизнеса с властными государственными структурами, основанными на коррупционной составляющей, эти виды бизнеса выжить практически не в состоянии. В результате нелегальные трудовые мигранты становятся уязвимой социальной категорией перед лицом преступной эксплуатации (проституции, долговой кабалы, рабского труда и др.).

Миграция, осуществляемая сегодня, обусловлена рядом детерминирующих обстоятельств, которые настолько интегрировались в социально-правовую действительность, что уже не кажутся негативными или несвойственными для современного общества или государства. Причин переселения людей много, однако, наиболее весомыми следует признать при-

чины социально-экономические. Незаконные мигранты перемещаются через Государственную границу Российской Федерации в поисках работы, лучших заработков, улучшения условий жизни, материальной помощи семье, приобретения более высокого статуса. Политические причины незаконной миграции могут ограничиваться бегством от идеологических, религиозных, этнических и иных притеснений.

Процесс миграции населения складывается из последовательно сменяющих друг друга действий: потенциальной миграции (волеизъявления и цели), собственно миграции, адаптации к новым условиям жизнедеятельности (приискание места жительства, работы, круга общения и т. д.) и идентификации (регистрация по постоянному месту жительства или временному месту пребывания). Например, миграция из стран СНГ (в большей степени из Молдовы, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, в меньшей из Беларуси, Казахстана, Украины), носит временный характер. Волеизъявление о переселении и цель самой миграции сводится, как правило, к экономическим выгодам — высокому заработку. Вьетнамская и корейская миграции, также относящиеся к типу трудовых, строятся по типу казарменного быта и организации своего цехового обособленного производства. Наиболее криминальной, по мнению ученых, считается китайская миграция — мигранты из Китая внедряются в бизнес, заключают фиктивные браки, представляют ложные сведения о родстве, незаконным путем приобретают недвижимое имущество, что позволяет достичь последнего этапа в процессе миграции — оседлости или идентификации [8].

Нелегальная работа мигрантов распространена в так называемых традиционно мигрантских секторах рынка занятости: строительстве; ремонте дорог и коммуникаций; уборке территорий и помещений; торговле на уличных рынках; в сфере общественных и домашних услуг; в сельском хозяйстве. С учетом слабой регламентации правового статуса трудящегося-мигранта в Российской Федерации, лица, нелегально (часто явно криминально) занятые в различных сферах бизнеса, составляют 90% всех работающих иностранных граждан на территории России. Последнее, безусловно, усиливает социально-правовую уязвимость трудя-

щихся-мигрантов и влечет расширение форм их эксплуатации. Кроме того, спрос на дешевый неквалифицированный труд незаконных мигрантов со стороны теневой экономики вызван в большей степени институциональными факторами: борьбой теневого и формального секторов экономики, повышением спроса на теневую форму бизнеса перед официальной экономикой [11].

В России, где отмечается огромное количество незаконных мигрантов, ставится под угрозу расовая, культурная и религиозная стабильность общества, порождаются серьезные социальные проблемы. Отсюда и криминальные последствия — терроризм, торговля людьми, контрабанда, экстремизм [6].

По оценке Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации миграционная ситуация в России представляет следующую картину. Численность постоянного населения на 1 декабря 2010 г. составила 141,8 млн чел. и с начала года уменьшилась на 81,6 тыс. чел. (или на 0,06%). На соответствующую дату аналогичного периода предыдущего года наблюдалось увеличение численности населения на 3,2 тыс. человек [4, 10]. Увеличилась и естественная убыль населения. Миграционный прирост в 2010 году на 56,0% компенсировал численные потери населения.

Численность постоянного населения России на 1 ноября 2011 г. составила 142,9 млн чел., уменьшившись с начала года на 40,8 тыс. человек. На соответствующую дату наблюдалось большее сокращение численности населения — на 82,4 тыс. человек. Естественная убыль населения в январе-октябре 2011 г. уменьшилась на 88,8 тыс. человек [5]. Однако миграционный прирост в этот период на 67,9% компенсировал численные потери населения.

За январь — октябрь 2011 года число мигрантов, сменивших место жительства в пределах России, увеличилось на 134,4 тыс. человек. Миграционный прирост населения снизился на 47,2 тыс. чел., что объясняется уменьшением числа зарегистрированных по месту жительства лиц, прибывших в Россию на 47,5 тыс. чел., в том числе иммигрантов из государств — участников СНГ — на 43,9 тыс. человек. Наряду с этим, Росстатом отмечалось уменьшение числа мигрантов, выбывших за

пределы России на 0,3 тыс. человек. В этот же период в обмене населением с государствами — участниками СНГ была выявлена тенденция к уменьшению миграционного прироста. По сведениям Росстата, увеличение прироста наблюдалось в миграционном обмене Российской Федерации только с Киргизией [3].

Миграция в Российскую Федерацию, особенно из стран Содружества со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, носит масштабный характер. Количество въехавших иностранных граждан постоянно превышает количество выехавших граждан, причем в приграничных районах интенсивно формируются иностранные общины. Как внутренние, так и внешние миграционные потоки направлены преимущественно в южные и центральные регионы европейской части России. Это приводит к стихийному и неконтролируемому росту населения и ухудшению криминогенной обстановки в данных регионах.

Сказанное находит свое подтверждение в Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации [9], где отмечено, что массовая миграция иностранных граждан и лиц без гражданства из государств Закавказья, Центральной и Восточной Азии и их незаконное пребывание в ряде районов России ухудшают социальную обстановку, создают базу для формирования террористических организаций и политического экстремизма, являются угрозой безопасности нашей страны.

Развиваются процессы внешней трудовой миграции в виде привлечения и использования в России труда иностранных граждан, выезда российских граждан за границу с целью работы по найму. При этом среди иностранных работников, используемых в России, и российских граждан, работающих за рубежом, велика доля лиц, нелегально занимающихся трудовой деятельностью, что, в свою очередь, ведет к нарушению их трудовых и социальных прав. В Российской Федерации это создает угрозу национальному рынку труда и благоприятствует развитию теневой экономики.

Несмотря на принимаемые меры, продолжает наблюдаться неблагоприятная динамика нелегальной миграции в Российскую Федера-

цию. Наряду со многими угрозами безопасности в пограничной сфере существует организация каналов нелегальной миграции. Одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана Государственной границы Российской Федерации.

В теневом секторе экономики продолжают трудиться нелегальные мигранты. Соответственно, уходят от налогов, получают сверхприбыли и проявляют заинтересованность в сохранении статуса нелегальных мигрантов отдельные представители различных отраслей экономики. Существенный ущерб наносится федеральному и местным бюджетам, происходит деформация рынка труда, создающая в ряде случаев социальное напряжение в обществе. В настоящее время иммиграционному давлению подвергнуты практически все субъекты Российской Федерации, прежде всего регионы, имеющие высокие темпы экономического роста.

Несмотря на совершенствование нормативной правовой базы с целью упрощения порядка привлечения и использования иностранной рабочей силы, а также порядка въезда, выезда и пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, незначителен приток высококвалифицированных специалистов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Это обусловлено многими факторами, поэтому сильным стимулом по привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов в нашу страну, безусловно, могло бы стать принятие неотложных мер по всестороннему, комплексному повышению привлекательности российского рынка труда.

Необходимо отметить, что эффективность противодействия нелегальной миграции должна быть повышена средствами гражданского контроля, целенаправленной работой многочисленных общественных объединений, прямо или косвенно занимающихся решением миграционных проблем. Одним из главных и эффективных путей преодоления нелегальной миграции является нормализация экономико-политических процессов, стабильность и предсказуемость национальной, религиозной и иной политики государства [7].

В этой связи целесообразно принятие федерального закона о порядке привлечения

и использования иностранной рабочей силы в Российской Федерации. Принятие такого закона в сфере трудовой миграции приведет к необходимости выделения соответствующих норм из текста Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и принятия его в новой редакции, более точно отражающей предмет, цели и задачи его регулирования.

Другим вариантом решения указанной проблемы видится принятие закона об иммиграции, который смог бы обеспечить системный характер развития всего иммиграционного законодательства, включая законодательство о внешней трудовой миграции. Иммиграционные законы уже приняты в Германии, Канаде, Великобритании, ряде государств СНГ (Казахстане, Таджикистане, Киргизии и др.).

Литература

- [1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.
- [2] Андриченко Л.В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // Журнал российского права. — 2014. — № 12. — С. 5–15.
- [3] Артемов В.Ю. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др. — М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. — С. 117.
- [4] Информация о социально-экономическом положении России (2010 г.). Демография [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B10_00/Main.htm
- [5] Информация о социально-экономическом положении России (2011 г.). Демография [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B11_00/lssWWW.exe/Stg/dk12/8-0.htm
- [6] Калюжная М.А. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации в социальной и экономической сферах // Миграционное право. — 2007. — № 3. — С. 34–36.
- [7] Морин А.В. Проблемы повышения эффективности правового регулирования миграционных процессов в России // Власть. — 2007. — № 9. — С. 59–60.
- [8] Овчинникова Г.В. Направления преступной деятельности, связанные с незаконной миграцией // Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней / под ред. проф. А.И. Долговой. — М., 2006. — С. 374.
- [9] Раздел I Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р // СЗ РФ. — 2003. — № 10. — Ст. 923.
- [10] Россия в цифрах. 2011 // Краткий статистический сборник. — М.: Росстат, 2011. — С. 88–89.
- [11] Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации по проблеме [Исследование]. — М., 2006. — С. 65–66.

УДК 325.1(470.570)

БОГАТЫРЕВА Марина Руслановна,
кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: Bmari78@mail.ru

МАЛЫХ Дарья Дмитриевна,
магистрант Санкт-Петербургского
государственного университета,
e-mail: Malykh_dm@mail.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье обозначаются цели миграционной политики и механизмы, которые использует государство для их осуществления. Перечислены наиболее важные проблемы в сфере миграции, с которыми сталкивается сейчас Россия и которые требуют государственного регулирования. Также в статье приведен обзор законов, регулирующих миграционную политику Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, Российская Федерация, мобильность трудовых ресурсов, территориальные перемещения.

В последнее десятилетие мобильность трудовых ресурсов резко возросла. Это связано с бурным развитием транспорта и связи, с возникновением информационных ресурсов, которые позволяют получать сведения о городах и странах, и способствуют принятию решения о том, чтобы отправиться в путь. Миграция выполняет функции регулирования потоков между регионами (в различном пространственном и административно-территориальном измерении), формирования состава населения в районах интенсивного экономического освоения, стимулирования более активной миграционной подвижности населения в одних регионах и его стабилизации в других. Она играет заметную роль в решении тех экономических задач, которые были обусловлены необходимостью, с одной стороны, снижения уровня трудоизбыточности, а с другой — обеспечения рабочей силой регионов.

Прежняя межтерриториальная миграция имеет тенденцию к утрате своего значения как средства решения важнейших экономических проблем. Поэтому в современных условиях,

виды территориальных перемещений требуют дополнительной классификации. Такой подход объясняется не только процессом суверенизации бывших союзных республик, но и обострившимися этносоциальными и этнополитическими проблемами, влияющими на жизнедеятельность общества.

Безвозвратная миграция, детерминированная вытеснением с различных территорий этнического населения, обуславливается тем, что в этом процессе непосредственное участие принимают государственные органы суверенных государств, в лице национальной политической элиты. Процесс безвозвратной миграции может иметь значительные временные рамки и довольно большие масштабы. В условиях, когда доминируют безвозвратные перемещения значительного количества людей, в качестве важных составляющих этого процесса выступают их миграционные ожидания, социальная адаптация и поведение. Последняя составляющая не всегда может быть адекватна тем ожиданиям, которые имели место в начальный и последующий периоды миграции [2].

Что же касается временных территориальных перемещений, то если не принимать во внимание их некоторую схожесть с сезонными перемещениями (сезонные перемещения на строительные, сельскохозяйственные и другие работы, а также туризм, лечение, поездки на учебу и т. п.), для этого процесса характерен отток из мест постоянного проживания людей, которые по истечении определенного времени (от нескольких месяцев до нескольких лет) возвращаются обратно. Предполагается, что он происходит, прежде всего, в регионах с определенной межнациональной напряженностью и сопровождается локальными вспышками межнациональных конфликтов. Массовое сознание в этом случае ориентируется на то, что межнациональная напряженность — явление временное, быстро идущее на убыль. Однако даже после временного территориального перемещения надежды на спокойную жизнь могут улетучиться, так как вполне вероятно, что социально-политическая ситуация может измениться [4].

Ученые различают эпизодические миграции, безвозвратные миграции [5], удачные и неудачные, постоянные и временные, ближние и дальние, суверенные и вынужденные, однократные и многократные, подготовленные и неподготовленные миграции [1]. Такой детализированный подход к проблеме зачастую заслоняет саму ее суть. В Российской Федерации сохраняются проблемы, связанные с недостаточно четким разграничением полномочий государственных органов в сфере миграционного регулирования [9]. Вместе с тем необходимо отдельно отметить роль органов местного самоуправления в регулировании процессов миграции. Так, например, в соответствии с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [8], органы местного самоуправления осуществляют расходы по финансированию муниципальной части компенсационного пакета участника Программы, включающего в себя услуги муниципальных учреждений дошкольного воспитания, общего образования, социального обслуживания, здравоохранения [7].

Участниками (сторонами) отношений Российской Федерации с соотечественниками являются органы государственной власти и органы субъектов Российской Федерации, специально созданные для данного вида деятельности, то есть для реализации политики России в отношении соотечественников за рубежом. Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.12.1994 № 1369 утверждено «Положение о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом и ее составе»; Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25.10.1996 № 763-II-ГД создан Совет соотечественников при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации; по приказу МВД России от 18.02.2004 № 102 при Министерстве внутренних дел Российской Федерации создан Совет соотечественников, проживающих за рубежом; Указом Президента Российской Федерации от 22.02.2005. № 198 «Об управлении Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами» в составе Администрации Президента создано Управление, в компетенции которого работа по укреплению связей с соотечественниками, проживающими за рубежом. Данные структуры представляют сторону Российского государства при реализации политики в отношении соотечественников за рубежом.

Образующие солидную политико-правовую базу законодательные акты Российской Федерации и другие документы, определяющие основные направления деятельности государства по обеспечению миграции, разграничивают некоторые ключевые понятия самого субъекта миграции, хотя в ряде случаев дают противоречивые толкования. Так, в законах «О вынужденных переселенцах» и «О беженцах» сказано, что к первой категории относится гражданин Российской Федерации, который вынужден или имеет намерение покинуть место своего жительства на территории другого государства, либо на территории Российской Федерации вследствие совершенного в отношении него и членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться преследо-

ванию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений в связи с проведением враждебных кампаний применительно к отдельным лицам или группам лиц, массовыми нарушениями общественного порядка и другими обстоятельствами, существенно ущемляющими права человека.

Принятый в 1995 году Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах», более четко дифференцируя такую категорию населения, дает возможность обеспечить защиту, как собственных граждан, так и тех, кто приезжает из других стран. Однако заметим, что в законах Российской Федерации понятие «мигрант» вообще отсутствует.

Государственная миграционная политика и государственная политика регулирования занятости населения тесно взаимосвязаны, однако уровень и степень государственного участия в них крайне невелики.

Миграционная политика решает ряд задач, основной из которых, является регулирование и контроль миграционных потоков. Данная задача обусловлена такой целью как обеспечение экономического благосостояния общества, путем обеспечения потребности национальной экономики в рабочей силе. Миграционная политика может содействовать модернизации, инновационному развитию и повышению конкурентоспособности национальной экономики, в случае если она выстроена таким образом, чтобы привлечь высококвалифицированных иммигрантов.

Также неотъемлемой целью миграционной политики является обеспечение национальной безопасности.

Для осуществления целей миграционной политики государство использует различные механизмы, включающие:

- разработку соответствующего законодательства, регулирующего процесс выдачи виз приобретения гражданства;
- создание, реорганизацию и ликвидацию ведомств, занимающихся миграционной политикой; определение и изменение их полномочий, координация их действий;

- техническую поддержку, подготовку персонала этих ведомств;

- введение квот на иммиграцию, контроль над выдачей виз и разрешений на въезд;

- сбор статистических данных, их распространение и анализ; слежение за тенденциями;

- предоставление возможности обсуждения реформ политики;

- проведение кампаний, направленных против нелегальной иммиграции;

- депортация нелегальных мигрантов [10].

В современной России существует несколько наиболее важных проблем, которые требуют государственного регулирования в сфере миграции:

- потребность в компенсации естественной убыли населения посредством привлечения и закрепления на постоянное место жительства в первую очередь титульных народов России из стран ближнего зарубежья;

- необходимость создания условий для обеспечения территориальной мобильности трудовых ресурсов в соответствии с изменяющимися потребностями рынка и развития регионов;

- защита национального рынка труда от избытка трудовых ресурсов, структурной безработицы в условиях глобализации и давления избыточных трудовых ресурсов из-за рубежа;

- обеспечение национальной безопасности и геополитических интересов, защиты от криминализации российской и международной миграции, обеспечение благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки.

В условиях рыночной экономики решение указанных выше проблем предполагает использование не столько прямых, сколько косвенных инструментов регулирования миграции.

К прямым методам регулирования миграции относится текущая регистрация миграционных процессов. Метод текущей регистрации заключается в непосредственной регистрации каждого случая передвижения, причем зачастую как в регионе выбытия, так и в регионе прибытия.

Косвенные методы — это те, которые носят расчетный характер и опираются на материалы переписей и выборочных обследований [3].

Для обеспечения реализации политики регулирования трудовой иммиграции иностранных граждан Правительством Российской Федерации 30 октября 2002 г. принято Постановление № 782 «Об утверждении квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности», разработанное Минтрудом России. Данным Постановлением определен размер квоты на 2003 год и порядок ее формирования в последующие годы.

В соответствии с указанным Постановлением подготовлен совместный приказ Минтруда России, МВД России и Минэкономразвития России от 29.11.2002 № 238/1205/397 «О распределении по субъектам Российской Федерации квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности».

Важным шагом на пути развития современной системы государственного регулирования миграции в Российской Федерации являются Федеральный закон от 22.12.2014 № 425-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О занятости населения в Российской Федерации” в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», а так же постановление Правительства Российской Федерации от 02.06.2015 № 530 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов в рамках подпрограммы „Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан” государственной программы Российской Федерации „Содействие занятости населения”». Утвержден так же перечень субъектов Российской Федерации на софинансирование региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов.

Согласно данному закону предусматривается возможность выдачи работодателям сертификата на привлечение трудовых ресурсов, который подтверждает участие работодателя

в региональной программе повышения мобильности трудовых ресурсов и дает ему право на получение финансовой поддержки.

Порядок и критерии отбора работодателей, имеющих право на получение сертификата, порядок предоставления работодателям финансовой поддержки, предусмотренной сертификатом, устанавливаются нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации.

С работником, привлекаемым в рамках реализации региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов, заключается трудовой договор на неопределенный срок или срочный трудовой договор продолжительностью не менее 3 лет, в которых указываются меры поддержки, порядок и условия их предоставления.

В случае расторжения трудового договора по инициативе работника до истечения 3 лет, за исключением случаев, предусмотренных трудовым договором, работник обязан возместить работодателю средства в размере фактически предоставленных работнику мер поддержки. Порядок и условия указанного возмещения указываются в трудовом договоре.

Работодатель в случае нарушения им условий соглашения об участии в региональной программе повышения мобильности трудовых ресурсов или расторжения им трудового договора с работником, за исключением случаев, предусмотренных соглашением, возмещает субъекту Российской Федерации средства в размере фактически предоставленных работнику мер поддержки и остаток средств финансовой поддержки, предусмотренных сертификатом, в полном объеме или в объеме средств, предусмотренных сертификатом на привлечение одного работника для его трудоустройства, в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации и соглашением [6].

Безусловно, принятие данного Федерального закона позволит в большей степени решить проблемы безработицы. В текущих сложных экономических условиях, особенно в трудоизбыточных регионах, люди при помощи этой программы могут переселиться на другую территорию, где государство оказывает поддержку предприятию, а также могут получить работу и достойную оплату труда.

Отдельными регионами Российской Федерации¹ на основе типовой региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов, утвержденной Приказом Минтруда России от 04.06.2015 № 343н «Об утверждении Типовой региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов» уже

разработаны программы повышения трудовой мобильности граждан на основании принятого Федерального закона и в настоящее время готовятся к внедрению.

А нам пока остается ждать результатов и надеяться, что данный проект окажется успешным...

Литература

- [1] Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). — М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. — С. 40.
- [2] Богатырева М.Р. Негулирование внешней трудовой миграции, как баланс интересов всех участников процесса // Инновации и инвестиции. — 2013. — № 7. — С. 170–172.
- [3] Воробьева О.Д. Миграция населения: теория, политика: Учеб. пособие / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, В.И. Мукомель и др. — М.: Экономическое образование, 2012. — 364 с.
- [4] Мамитова Н.В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы теории и практики // Социодинамика. — 2013. — № 6.
- [5] Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования: прил. к журналу «Миграция в России». — М., 2001. — С. 6.
- [6] Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/7d7fb6646d7220b6edc9a3c55968f73d3c598f21/
- [7] Волох В.А. Сулейманова Ш.С. Международная трудовая миграция: роль частных агентств занятости // Вестник университета (ГУУ). — 2014. — № 7.
- [8] Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. — 2006. — № 26. — Ст. 2820.
- [9] Хабриева Т.Я. Роль субъектов Российской Федерации в государственном управлении в сфере миграции // Журнал Российского права. — 2008. — № 4. — С. 5.
- [10] Newland K. The governance of international migration: mechanisms, processes and institutions, Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations, 16, 2012.

¹ См. Программы повышения мобильности трудовых ресурсов Республик Алтай, Татарстан, Башкортостан, Ингушетия, Хакасия Хабаровский край, Амурская область, Ульяновская область, Пермский край, Мурманская область, Магаданская область, Приморский край, Омская область, и другие.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 32

БРЕСЛЕР Михаил Григорьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры
коммерции и предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: bremmaster@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА

Воссоединение Крыма с Россией в социально-философском аспекте происходило во многом на уровне смены символов, что характерно для информационного общества. В статье рассматривается трансформация комплекса образов как в сознании жителей полуострова, так и вопросы позиционирования Крыма как нового российского региона.

Ключевые слова: Крым, информационное общество, симулякр, эпоха постмодерна.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления процессов восприятия образа Крыма, как нового российского региона и событий, предшествующих воссоединению. К моменту написания данной статьи прошел год после исторических событий, появилась возможность для рефлексии, не отягощенной рамками актуального.

Процесс воссоединения, начавшийся год назад, продолжается в наши дни и будет происходить длительное время. Как писал известный исследователь В.В. Гайдук, «на практике трансформации территориального устройства государства в целом и его отдельных элементов в частности осуществляются далеко не всегда планомерно и стратегически продуманной» [2]. В этом отношении большое значение приобретает позиционирование образа регионов Крыма и Севастополя в сознании жителей полуострова и в России в целом. История воссоединения Крыма проходит под воздействием значительного числа геополитических, экономических, культурных, исторических, этнических факторов, требующих комплексного изучения. Мы рассмотрим близкий к нашей об-

ласти научных интересов коммуникационный фактор. В частности, образы регионов, которые были созданы, распространены и восприняты жителями Крыма и России в целом, а также представим наши предложения по дальнейшему позиционированию региона. Понимая значение, которое в условиях информационного общества приобретают коммуникационные процессы, мы считаем, что вопросы восприятия и позиционирования образа являются первостепенными. В той ситуации, когда по данным социологического опроса, проведенного канадской компанией [5] год спустя, положительно относятся к воссоединению с Россией 93% жителей Крыма, а из 7% большинство считают, что «воссоединение с Россией должно было пройти по международным нормам». При поддержке абсолютного большинства населения можно и нужно сформировать новый образ российского Крыма. Не только для создания положительного имиджа как такового, но и для позитивного развития экономических, политических, социальных процессов региона. Говоря об образе крымских событий, нельзя ограничивать временной промежуток февра-

ля-марта 2014 года. Безусловно, корни формирования особого позиционирования жителей Крымского полуострова уходят в 50-е годы с момента передачи полуострова из ведения РСФСР в ведение УССР. Применение понятия «ведение» правомерно, так как де-факто в условиях СССР не было ментального разделения между жителями союзных республик. Однако на территории УССР параллельно с пропагандой пролетарского интернационализма проводилась «украинизация» образования, дело-производства. Украинский язык стал в большинстве своем языком «официальным», языком «власти». Близость славянских языков при этом не мешала коммуникации. Однако Крым исторически всегда (в течение последних 200 лет как минимум) был полиэтнической территорией с русским языком как языком бытового и делового общения. Внедрение украинского языка рассматривалось как насилие «власти» над обществом. Автору неоднократно доводилось видеть (в 80-е годы), как розничные торговцы активно общались между собой на русском языке и переходили на украинский язык в разговоре с милиционером. С образованием Республики Украина наблюдается усиление «украинизации» которая, скорее всего, понималась как неотъемлемая часть государственного строительства. Можно предположить, что насильственные меры власти наткнулись на противодействие в обществе. Прежде всего, в городе Севастополь, который как в СССР, так и в Республике Украина имел особый статус. На протяжении всей недолгой «украинской» истории Крымского полуострова население активно противодействовало как «украинизации», так и желанию властей Украины расширить присутствие американских и европейских вооруженных сил на своей части военно-морской базы [1]. В Севастополе и в целом на Крымском полуострове сформировалась авторитетное сообщество оппозиционное официальным властям. В качестве ответной меры власти Украины активно поддерживали общественные организации этнических сообществ (в частности, меджлис — общественный представительский орган крымских татар), что разобщало жителей полуострова и усиливало напряженность. В области мифологизации и позиционирования предприни-

мались весьма экстравагантные ходы. Видимо посчитав, что мифологизированный образ не формируется в массовом сознании общества, а создается лабораторным путем, официальные власти и эксперты предлагали полностью «закрыть» один образ и сформировать другой. Отношение общества к образу места локализации конечно не учитывалось. Так в работе Д.А. Сеницы [4] делается вывод о несоответствии мифологизированного образа, как созданного в «имперскую и советскую» эпоху, «идеологическим установкам» и поэтому «нужно отказаться от старых мифов («уникальность» полуострова; высокая прибыльность туризма; необходимость путешествия на дальние расстояния; 24-дневный цикл рекреации; благотворность массового приморского летнего туризма и т.д.)». Искусственное введение символов со стороны власти или близких к высшим слоям общества экспертов вызывает негативную реакцию со стороны общества. Данная реакция может быть не заметна в условиях общей стабильности и хорошей экономической ситуации, но в период кризиса может стать существенной проблемой.

Сложившиеся противостояние в культурной, политической сфере усугублялось сложной экономической ситуацией, коррупцией на всех уровнях, а также длительным «замораживанием» решения бытовых проблем населения. В то же время в сознание жителей Крыма распространяется образ России, как страны — мечты. При сравнении соседних с Крымом российских регионов жители Крыма отмечали более высокий уровень жизни, большую экономическую активность, внимание к жизни простого человека. Пусть в реальности это не всегда выглядело так как, но мы говорим о создании устойчивого образа в сознании жителей полуострова. Не способствовали усилению украинской самоидентификации и усиливающаяся деятельность националистических организаций, созданных зачастую с участием активистов из центральных и западных регионов Украины. Ограничивающие законы о государственном языке или введение в школьные программы элементов государственной пропаганды вызвали естественную обратную реакцию противодействия населения. Не случайно весной 2014 г. широко распространена была шутка:

«Украинцы столько говорили крымчанам: «Чемодан, вокзал, Россия», — что крымчане отбыли в Россию вместе с полуостровом». Подводя предварительный итог нашему краткому обзору, можно сказать, что к моменту начала драматических событий следует отметить, что в связи с явно ошибочными действиями центральных властей Украины по насильственному введению украинского языка, агрессивной национальной идеологии, отношение к Крыму в целом как депрессивному, отсталому региону, а также провоцирования межнационального напряжения в сознании большинства активной части общества сформировался негативный образ властей Украины и как антитеза — позитивный образ России.

Начало гражданского противостояния в Киеве вначале было воспринято как очередная стадия борьбы различных групп элит. Гражданское противостояние было спланировано частью оппозиционных элит с использованием социально-экономической ситуации, потери доверия к существующей власти, неверие большинства населения Украины в возможность власти к устранению коррупции, прямого казнокрадства и пр. Жители не только Крыма, но и Юго-Востока Украины также были недовольны сложившейся ситуацией в стране, но внедряемые антироссийские ценности для них оказались неприемлемыми. Также как и действия ставших во главе протеста националистических, экстремистских организаций [3].

Пришедшие к власти экстремистские круги не стали строить национальное государство, но с первых дней стали противопоставлять себя как населению Украины, так и соседним странам. Вспомним, что одними из первых законодательных актов стало отмена законодательных актов разрешающих русский язык как второй государственный, а также снос памятников В.И. Ленину, что можно объяснить антикоммунистическим настроением экстремистов, и почему-то, в Львовской области, М.И. Кутузову, что объяснению не поддается. Вся ситуация по своему характеру напоминала скорее времена гражданской войны на Украине столетней давности, чем гражданское сопротивление европейской страны XXI века. По нашему мнению, стремительность, с которой произошло воссоединение, было обусловлено

сложившимся образом России как места спокойствия и стабильности. Когда в массовом порядке начался захват зданий региональной власти толпами хулиганов (февраль 2015 г.), в общественном сознании жителей Крыма уже вызрело решение если не о присоединении к России, то об отделении от Украины. Этому способствовали и действия по мобилизации местных экстремистских этнических группировок и организация «поездов дружбы» для перемещения в города Крыма сотен молодых людей для силового решения. Стандартный сценарий захвата власти в регионе был отработан многократно в областях Западной, Центральной и частично Юго-Восточной Украины. Скорее всего, в Крыму все должно было быть также с учетом местной специфики. Вместо отрядов, собранных из футбольных фанатов, по-видимому, предполагалось использование отрядов из числа этнических группировок. Этот сценарий силового захвата можно отнести к сценариям конца XX века, к так называемым «бархатным революциям». Надо отметить, что технологически более современные «цветные революции» отличаются от предшествующих разве что некоторыми технологиями рекламного воздействия не более. Внешне ситуация в Крыму больше напоминала Каир 2011, чем Киев 2014. Небольшие группы вооруженных «вежливых» людей вначале просто разделили враждующие стороны, а затем не мешали местным жителям — «ополченцам», «казакам», «гражданской охране правопорядка» взять власть и охрану правопорядка во всех крупных городах и ключевых пунктах полуострова. Это дало возможность самим крымчанам предположить, что «вежливые люди» — военнослужащие вооруженных сил Российской Федерации. Образ вооруженного, сильного, но в то же время высокообразованного воина соответствовал образу России.

В целом весь «сценарий» был выдержан в стиле постмодерна, когда восприятие образа образа (симулякра) заменяют восприятие самой вещи. Упомянутые малые группы «вежливых» людей вместо массивного наступления российских войск. Множащиеся легенды (оказавшиеся правдой) о массовом переходе украинских войск под российскую юрисдикцию. Мифологизированные образы свершив-

шейся мечты позволяли проводить самые различные метафорические цепочки. Включая случайное (?) совпадение фамилии руководителя Крымской автономии С.В. Аксенова с автором известного всем произведения «Остров Крым» Аксеновым В.П. Совпадение ценностей и представлений жителей с объективными событиями стали основой единодушного голосования на референдуме о воссоединении с Россией и того всенародного ликования, которое отмечают многие наблюдатели процесса референдума.

Критики часто говорят о нелегитимности референдума, несоответствии его международным нормам, забывая при этом, что понятие «легитимность» означает принятие народом (обществом) той или иной формы власти. Воссоединение Крыма, пожалуй, первый в новой истории случай мирного изменения государственного устройства путем референдума. Прецеденты изменения государственного устройства в Европе, например, в Косово, сопровождались прямым вооруженным захватом территории либо результатом договоренностей между лидерами сверхдержав, как в случае объединения Германии. Надежда на мечту оправдалась уже первыми действиями как федеральной, так и региональной власти. Так, статус государственных языков был придан сразу русскому, украинскому, крымско-татарскому одновременно. Тем самым Россия показала зрелость власти, стремление сделать жизнь граждан по возможности

более комфортной, а не затруднять бюрократическими препонами. Региональная власть в свою очередь занялась не распределением мест и люстрацией работавших при «прежней власти», как их украинские коллеги, а наведением элементарного порядка. Тем самым на символическом уровне произошла отстройка «новой» власти, созданием позитивного имиджа.

Образ региона достаточно сложный комплекс ценностей, образов, символов. Направления могут быть самые разнообразные, так как Крым имеет колоссальный потенциал для развития образа региона как место инновационного развития, историческое место русской славы, регион развития рекреационной деятельности etc. Требуется только учесть те ошибки, которые были совершены властями Украины ранее. Нельзя допустить насильственное внедрение чуждых образов в сознание жителей Крыма. Необходимо сохранить образ российской власти как зрелой, мудрой и сильной. События первого года подтверждают ожидания жителей Крыма. Они понимают, что неизбежные неудобства переходного периода в дальнейшем позволят жить в стабильной, комфортной атмосфере, развиваться и крепнуть вместе со всей Россией.

Образ Крыма не может быть создан искусственно, но должен быть сформирован на основе ценностей, идей и идеалов самих крымчан, с уважением к истории и традициям и устремленный в будущее.

Литература

[1] Вчера в Севастополе прошел очередной митинг против НАТО (фото) // Севас — городской портал Севастополя 16.03.2008 [Электронный ресурс]. — URL: <http://sevas.com.ua/afisha/view/7518> (дата обращения: 22 марта 2015 г.).

[2] Гайдук В.В. Политическая устойчивость субъектного состава Российской Федерации: Республика Крым и Севастополь // Российское информационное агентство. Регионы — онлайн. 8.05.2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gosrf.ru/authornews/211/> (дата обращения: 22 марта 2015 г.).

[3] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (25). — С. 87–102.

[4] Сеница Д.А. Рекреационный потенциал Крыма: мифология и реальность // Pandia 21.06.13 [Электронный ресурс]. — URL: <http://pandia.org/text/79/502/51421.php> (дата обращения: 22 марта 2015 г.).

[5] Bershidsky L. One Year Later, Crimeans Prefer Russia // Bloomberg View 06.02.2015 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bloombergview.com/articles/2015-02-06/one-year-later-crimeans-prefer-russia> (дата обращения: 22 марта 2015 г.).

УДК 32

БУТЧАНИН Антон Михайлович,
соискатель кафедры конституционного права
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
e-mail: niipr@mail.ru

ПРОЦЕДУРА ВХОЖДЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СОСТАВ РОССИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Вхождение Крымского полуострова: Республики Крым и города федерального значения Севастополя в конституционно-правовое поле Российской Федерации вызвало шквал противоречивых мнений и обвинений со стороны зарубежных политических лидеров, общественных деятелей, лидеров новой власти в Украине и других акторов международных отношений. Сам прецедент «крымской весны» является уникальным по своей структуре и последствиям для всей мировой парадигмы взаимоотношений. Особый вопрос здесь занимает санкционная политика Запада по отношению к российской экономике и политике, целью которой является ослабить политико-экономическое лидерство России по ряду позиций. Это, в свою очередь, является последствиями, так называемым «фидбэком» от Европейского Союза и США на процессы вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

В данной статье прослеживаются основные конституционно-правовые особенности присоединения Крымского полуострова к России, вхождения в ее конституционно-правовое поле и основные нормативно-правовые, теоретические конструкции, легитимизирующие данный процесс. В этом же ключе здесь рассматриваются основные позиции международного права и сообщества по поставленному исследовательскому вопросу.

Ключевые слова: федерализм, субъекты Российской Федерации, республика Крым, город федерального значения, Севастополь, федеративное государство, федеративные отношения, национальная политика, национальная безопасность, национальные интересы, национальные отношения, легитимность, референдум, политическая регионалистика, этнополитика.

Современное демократическое, федеративное, правовое государство — это объединение равноправных субъектов на основе общности интересов, которые включают обеспечение прав человека, безопасности, экономической свободы и т.д. Так должна была строиться новая Российская Федерация, но на практике ее строительство свелось в основном к борьбе за перераспределение полномочий в системе «Центр — регионы». В результате, усилилось недоверие к Центру, снизилась управляемость по вертикали, а неурегулированность федеративных отношений превратилась в тормоз рыночных преобразований [8].

2014 год принес новые центростремительные аспекты своего федеративного развития.

В данном аспекте нас интересует присоединение Крымского полуострова к Российской Федерации. В ходе данного исследования мы должны ответить на вопрос: какие процедуры (в том числе конституционно-правовые) повлияли на процесс присоединения Республики Крым и города Севастополь к России и то, насколько российская конституционно-правовая и политическая система была готова к решению таких «новых вызовов и реальностей»?

Общетеоретические и правовые аспекты. Как известно, каждое государство имеет свое устройство — внутреннюю территориальную организацию, систему разделения на территориальные образования и систему взаимоотношений между центральной властью и вла-

стями территориальных образований. Известны две основные формы государственного устройства — унитарная и федеративная. Унитарная форма предполагает единство системы государственной власти. В данном случае «единство» означает наличие единой (одной) системы власти. А под единством системы власти в соответствии с ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации [11] следует понимать тесную вертикальную взаимосвязь между двумя системами власти, доводимую до образования единой системы исполнительной власти в пределах ведения Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения (ч. 2 ст. 77).

Реформирование федеративных отношений в Российской Федерации обуславливает необходимость переосмысления происходящих изменений в субъектном составе Российской Федерации, заставляет вновь обратить внимание научного сообщества на развитие федеративных отношений и характер взаимоотношений между Российской Федерацией и ее субъектами в целом, задуматься о роли и значении конституционно-правового процесса объединения субъектов Российской Федерации в развитии федеративных отношений.

Федеративные отношения, включающие в себя отношения не только между Федерацией и субъектами Российской Федерации, но и отношения между самими субъектами Российской Федерации, представляют собой многоэлементный, многомерный феномен, отражающий комплекс политических явлений, происходящих на территории субъектов Российской Федерации, достаточно сложный для научного познания. Вновь образованные субъекты Российской Федерации в результате объединения — правовое явление, степень изученности которого не высока, внимание юристов в большей степени приковано к изучению становления и развития федерализма в России. В юридической науке преобладают работы, посвященные федеративным отношениям в российском государстве, что вполне оправданно и объяснимо. Разработка проблем объединения субъектов Российской Федерации в юридической науке вызывает неудовлетворенность.

Образование новых субъектов Российской Федерации повлекло за собой появление но-

вых конституционно-правовых систем субъектов Российской Федерации (конституционно-правовая система Пермского края; конституционно-правовая система Красноярского края; конституционно-правовая система Камчатского края; конституционно-правовая система Иркутской области; конституционно-правовая система Забайкальского края) и новых систем законодательства субъектов Российской Федерации, а также принесло существенные изменения в законодательство объединившихся субъектов Российской Федерации, что требует устранения политических коллизий между системами законодательства объединившихся субъектов Российской Федерации. Здесь мы должны понимать, что процессы сессии, объединения, присоединения действуют под влиянием определенных субъективных и объективных факторов.

В.В. Гайдук и А.Р. Сулейманов определяют, что «дезинтеграционные тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По-нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги дезинтеграции лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муссироваться отдельными политическими силами для реализации своих узконаправленных интересов» [6].

Также ученые, с учетом событий «Крымской весны» предполагают следующее в отношении событий социально-политического конфликта Украины и отсоединения Крыма от украинской конституционно-правовой системы: «развитие ситуации на юго-востоке Украины не создает таких же благоприятных предпосылок для России, которые имелись у нее в Крыму. Эти предпосылки необходимо развивать — особенно в том случае, если ставка будет сделана на этот сценарий. Но необходимо учитывать, что в случае реализации этого сценария Россия должна будет отстаивать свой геополитический выигрыш в течение длительного времени в условиях неблагоприятной внешней среды. Без существенных изменений в экономической и идеологической политике государства эта задача может оказаться непосильной» [2, 7].

Правовой основой любых решений по модернизации государственно-территориального устройства России, то есть по изменению состава, количества, наименования, границ субъектов Федерации, является Конституция Российской Федерации, где в гл. 1 ст. 5 поименованы виды субъектов Российской Федерации и в гл. 3 зафиксировано федеративное устройство страны, в частности, в ч. 1 ст. 65 определен состав Российской Федерации.

В первоначальной редакции ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» не было четко прописано, кто конкретно должен обращаться к главе государства, что порождало некоторые неудобства. Поэтому в 2005 году вышел Федеральный конституционный закон от 31.10.2005 № 7 «О внесении изменений в ст. 10 и 11 Федерального закона „О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» уточнивший статус лиц, за которыми закрепляется инициатива образования в составе Российской Федерации нового субъекта, а именно что предложение формулируется совместно парламентами и главами всех заинтересованных в объединении регионов. В предложении, то есть в письме, должны содержаться обоснование объединения, сведения о предполагаемом наименовании нового региона, его статусе, границах, прогноз социально-экономических и иных последствий, связанных с реализацией объединительной инициативы, информация о предполагаемых сроках проведения референдумов и пр.

Выступить с инициативой о вхождении в принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного договора является данное иностранное государство. После поступления предложения о принятии в Российскую Федерацию, Президент России уведомляет о нем Совет Федерации Федерального Собрания (СФ ФС) Российской Федерации, Государственную Думу, правительство Российской Федерации и при необходимости проводит с ними соответствующие консультации. Рассмотрение предложения и принятие решений, касающихся заклю-

чения международного договора, осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [18].

В случае принятия в свой состав нового региона, Россия будет обязана обеспечить его территориальную целостность, как часть своей территориальной целостности. Территориальная целостность является составным элементом государственной целостности, которая в свою очередь не сводится только к вопросам территории, а касается и других элементов единой системы, которой является государство.

Российская Федерация должна будет взять на себя многие международные обязательства. Необходимо также будет распределение полномочий и финансов между Федерацией и новым субъектом Федерации. Следовательно, необходимо сначала укрепить федеративные начала российского государства, заложенные действующей Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации. Поскольку даже в нынешних условиях в обеспечении государственной целостности остаются проблемы, Россия, прежде всего сама должна быть готова к принятию в свой состав нового региона. Увеличение масштабов и экономического потенциала, принятие новых регионов в состав Российской Федерации без сущностного изменения ситуации в этой сфере может вызвать серьезные проблемы в решении вопросов обеспечения целостности российского государства.

Таким образом, порядок образования в составе Российской Федерации нового региона определен гл. III Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ.

В данном кросс-темпоральном аспекте исследования стоит отметить, что должны быть обеспечены права и свободы человека и гражданина, как на территории России, так и принимаемого государства, учтены не только сложившиеся исторические, хозяйственные и культурные, но, как представляется, и экономические связи. Важно оценить уровень социально-экономических возможностей нового субъекта Федерации для определения необходимых затрат и осуществления стратегического планирования с целью обеспечения вырав-

нивания уровня его социально-экономического развития.

Кроме того, указанная норма закрепляет положение о соблюдении принципов федеративного устройства, одним из которых и является государственная целостность. На первое место он поставлен не случайно.

Государственная целостность означает, что Российская Федерация — это исторически сложившееся федеративное целостное суверенное государство, включающее в себя другие государственные образования. Они не имеют права выхода из состава Федерации. Российская Федерация имеет общую, единую территорию, охватывающую территорию всех субъектов; являясь суверенным государством, осуществляет территориальное верховенство, обеспечивает свою неприкосновенность. Власть государственных органов Российской Федерации распространяется на всю территорию страны в рамках полномочий, отнесенных к ведению Федерации. Россия имеет единое гражданство Российской Федерации; единую правовую систему и как составную часть законодательную систему, подразумевающую верховенство Конституции Российской Федерации; федеральную собственность, обеспечивающую осуществление государственного суверенитета; единое экономическое пространство, не допускающее установления таможенных границ, пошлин, сборов и иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансов; единую денежную и кредитную систему; единую валюту; государственный язык; Вооруженные Силы, судебную и правоохранительную системы; государственные символы — флаг, герб и гимн; столицу Российской Федерации; международную правосубъектность (ст. ст. 1, 6, 8, 11, 15, 65, 67, 70, 71, 73, 75, 77 и др. Конституции Российской Федерации).

Как представляется, среди требований к принятию в Российскую Федерацию нового субъекта также сложным является понимание государственных интересов. С государственно-правовой точки зрения государственные интересы выступают как обусловленные потребностями социума и зафиксированные нормами позитивного права, официально декларируемые направления государственной политики

во всех сферах жизнедеятельности общества, реализуемые посредством функций государства. Ведущая роль в юридическом закреплении государственных интересов принадлежит основному закону (конституции) государства, фиксирующему основные социальные ценности, находящиеся под защитой и охраной государства, политико-правовые гарантии реальности этой защиты и охраны, политико-правовые основания, принципы и способы формирования публичной политической власти, распределение между ними сфер осуществления государственных дел [10].

В целом, можно сказать, что вхождение в состав Российской Федерации Республики Крым и города Федерального значения для российской конституционно-правовой системы стало случаем, в котором необходимо разбираться точно и скрупулезно, так до весны 2014 г. были известны случаи укрупнения отдельных субъектов Российской Федерации. Сейчас же, мы столкнулись с абсолютно неизвестным кейсом, который представляет особый исследовательский интерес.

«Крымский вызов: новые решения»

16 марта 2014 г. весь мир стал свидетелем важнейшего исторического события. Демократическим путем, путем проведения референдума в Крыму и Севастополе, более 90% жителей этих субъектов высказались за субъектное вхождение в состав Российской Федерации, как исконно российские территории. В настоящее время новые субъекты Российской Федерации выделены в отдельный — Крымский федеральный округ, что оптимально, поскольку позволяет сгладить многие «острые углы» в непростой переходный период адаптации новой территории, инфраструктуры полуострова и города и их населения в российскую реальность.

18 марта 2014 г. (уже после проведении на крымском полуострове о референдума о выходе из состава Украины и вхождении в Российской Федерации) Президент России В.В. Путин, выступая перед палатами Федерального Собрания России и губернаторским корпусом, подчеркнул: «Крым — это и уникальный сплав культур и традиций разных народов. И этим он так похож на большую Россию, где в течение веков не исчез, не растворился ни один этнос. Русские и украинцы, крымские татары

и представители других народов жили и трудились рядом на крымской земле, сохраняя свою самобытность, традиции, язык и веру. Кстати, сегодня из 2 млн 200 тыс. жителей Крымского полуострова — почти полтора миллиона русских, 350 тыс. украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком, и порядка 290–300 тыс. крымских татар, значительная часть которых, как показал референдум, также ориентируются на Россию» [14].

Интересно исследовать «крымский вызов» в связи с тем, что российская конституционно-правовая и управленческая система должна формировать абсолютно новые подходы к систематизации собственных решений, структур и элементов собственной политики. Так Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 31.12.2014) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [19] за 1 год пережил 8 редакций, последняя датирована 31 декабря 2014 г., соответственно, крайний вариант закона вступил в силу с 1 января 2015 года.

Такая обширная правовая практика внесения изменения изменений всего лишь в один, хоть и федерально-конституционный, но все-таки закон, представляется тем, что само событие, произошедшее в марте 2014 г. «всколыхнуло» все мировое сообщество. Причем здесь сразу же возникал вопрос, насколько «крымский прецедент» войдет в общемировую практику применения и толкования внутренних и международных норм права, касающихся сессии одних регионов и их вхождения в состав другого государства без применения насильственных действий?

Интересно здесь проследить, что ситуационный режим «вхождение Крыма в состав Российской Федерации» демонстрирует отличный прецедент реализации принципов политической медиации. В.В. Путин в данной ситуации выступил ключевым медиатором, способствовавшим качественной ориентации в мирное русло всей ситуации. Но из существующей схемы данной медиативной технологии пока что выпадает украинская сторона, которая не

стремится участвовать в решении существующих проблем. Медиативные технологии можем определить как методы «достижения соглашения, получающего институциональное оформление и закрепление, действенность которого гарантируется не только доброй волей и согласием участников переговоров, но и нормативными ресурсами общества и государства» [4].

Данную ситуацию комментирует В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: «Данный исторический факт, конечно же, войдет в учебники по международному публичному праву, однако не в качестве прецедента, который будет применяться в аналогичных ситуациях, а в виде исключительного случая, т.е. признание законности воссоединения Крыма с Россией с точки зрения современного международного правопорядка создаст лишь «крымское право». Указанное событие не станет прецедентом уже по одной простой причине — ничего подобного в жизни мирового сообщества больше не случится, потому что не может повториться такое грандиозное мировое событие, каким стало разрушение Союза Советских Социалистических Республик» [17].

Действительно, система «крымского права», скорее всего, не сможет найти своего реального отражения в дальнейшем, так как предпосылок для формирования подобного прецедента пока что не намечается. Хотя, нельзя быть 100% застрахованными от подобных действий, так как еще в 2013 и в начале 2014 гг. мы даже не могли себе представить, что Крым сможет вернуться в конституционно-правовое поле Российской Федерации. Поэтому необходимо сформировать единый подход для того, чтобы и мировое сообщество смогли выработать для себя принципы перехода одной территории в состав другого государства без применения силы. Это очень важно, так как на всем протяжении исторического развития человеческого сообщества, за правило был взят принцип отчуждения территориальных полномочий другому субъекту международного права (актору мировой политики) военными действиями.

Важным аспектом является вопрос, который стоит на повестке дня, можно ли признавать решения народа Крыма и его органов

власти как легитимные и отвечающие современным реалиям? Мировое сообщество под давлением США и блока государств НАТО смогло выстроить определенную «стену непонимания и непризнания» суверенных прав крымчан и севастопольцев на свое самоопределение. Так из 198 государств-членов Организации Объединенных Наций 100 поддержали резолюции, осуждающую Российскую Федерацию в отношении «Крымского вопроса»: «Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, признающую состоявшийся в Крыму 16 марта референдум о присоединении к России незаконным» [15].

Здесь уже нельзя не признать того факта, что процесс был запущен и возврату уже не подлежат его обстоятельства: «Российский Президент В.В. Путин заявил, что проведение референдума соответствует нормам международного права и Уставу ООН. Выступая перед депутатами Госдумы, членами Совета Федерации, руководителями регионов Российской Федерации и представителями гражданского общества, Президент сообщил, что вносит в парламент конституционные законы о вхождении Крыма и Севастополя в состав России. Российская Федерация и Крым подписали договор о вхождении республики и города Севастополя в состав России» [13].

В целом, можно констатировать то, что жители Крымского полуострова сделали выбор в пользу определенных социально-экономических, политических, духовно-нравственных, правовых основ и предпочтений со стороны Российской Федерации. По определению, в ходе украинского кризиса тяжело было бы сформировать качественную «подушку безопасности» для местного населения, поэтому сработавший эффект экзистенциальных потребностей у жителей Республики Крым и Севастополя сработал в сторону выбора политико-экономической стабильности, исторической целостности и ценности возвращения в состав России. Это, к тому же обуславливалось тем, что «для многих жителей Крыма метафорическое «возвращение домой» — это избавление от негативных последствий политического и социального кризиса, охватившего Украину, обретение покоя, защита от опасно-

стей. В дискурсе перманентного украинского кризиса безопасность тесно связана с представлениями о стабильности, которой отличалась жизнь в Советском Союзе при всех ее проблемах» [16].

Благодаря качественной и своевременной реакции крымских властей граждане полуострова смогли избежать дальнейшей эскалации конфликтной основы, что послужило бы всесторонней военной кампанией между «Киевом» и «Крымом»: «Конфликтная интеракция этнополитических идентичностей, ведущая к социальной дезинтеграции, угрожает свободе и автономии личности и общества, поскольку несет с собой аномию, альтернативой которой может стать рост авторитарных тенденций, а в контексте этнополитической проблематики — изоляционизм и этнонационализм, вступающие в острое противоречие с объективными тенденциями глобализации и социокультурной модернизации» [5].

Здесь же стоит отметить, что на 2015 год можно констатировать следующий факт: система национальной безопасности Российской Федерации вследствие добровольного присоединения Крыма и Севастополя к России стала суверенной и организационно эффективной. В этом аспекте особую роль сыграл сам украинский кризис, который своими инертными событиями размывает все существующие у всех западно-европейских государств ценности:

- демократического политического режима, его культуры и особенностей выстраивания конституционно-правовых условий;
- мультикультурализма;
- свободного рынка и ценообразования;
- открытости, прозрачности и честности политических событий;
- поступательного развития экономики, политики и всего общества.

Здесь особо стоит отметить, что дезинтеграционные процессы, происходившие на территории России в 1990-х гг., являются тем подспорьем, на которое опираются сегодняшние провокаторы Украины, которые стремятся всем способами «оторвать» российское начало в украинской истории и сделать так, чтобы мировое сообщество не смогло признать легитимность вхождения Крыма в состав России. В.В. Гайдук и А.Р. Сулейманов выделяют

следующее: «Очевидно, что кадровая обеспеченность российского крымского полуострова не только укрепит позиции России на постсоветском пространстве, но и позволит сравнивать даже обычным людям «украинский Крым» и «российский Крым». И если подобные сравнения будут трактоваться в пользу России (что, конечно же, и хотелось видеть), то этот факт будет позитивно сказываться на политической стабильности субъектного состава и политическом имидже страны» [3]. В целом, можно заключить, что научная школа доктора политических наук, кандидата юридических наук, В.В. Гайдука формирует целостное представление о том, что современное развитие общественных структур может быть эффективным только при соблюдении законодательства и активизации существующих ресурсообеспечивающих структур всего политико-правового и конституционного характера. Об этих аспектах говорит вместе с В.В. Гайдуком Ю.А. Демьяненко: «Различные аспекты безопасности тесно связаны между собой, поэтому для обеспечения комплексной безопасности необходимо учитывать всю совокупность факторов, влияющих на стабилизацию и дестабилизацию обстановки» [1].

Украина, столкнувшись со своими проблемами лицом к лицу, которые копились в течение двух десятилетий, не смогла справиться с собственной системой национальной безопасности, точнее с ее полным отсутствием. Это и стало катализатором того, что Крым не смог сделать иного выбора, кроме как Российской Федерации. К тому же, сейчас, сквозь призму времени, западные политические лидеры и общественные деятели начали признавать легитимность и неизбежность произошедшего процесса. В том числе, одной из первых в этом вопросе была М. Ле Пен, лидер Национального фронта Франции еще 17 марта 2014 г. признала независимость решения крымского народа. Она посчитала, что Европейский Союз выражает свою непоследовательность в принимаемых резолюциях и решениях. Этим, по ее мнению, он себя с каждым разом все более дискредитирует: «На мой взгляд, результаты референдума не вызывают никаких споров. Это было ожидаемо. И народ (Крыма), живший в страхе, бросился в объятия той страны, отку-

да появился, поскольку вы знаете, что Крым является частью Украины только в течение 60 лет» [12].

Стоит также сейчас остановиться немного на анализе Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, подписанного 18 марта 2014 г. Здесь обязательно выделим преамбулу: «...признавая и подтверждая принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций, в соответствии с которым все народы имеют неотъемлемое право свободно и без вмешательства извне определять свой политический статус, осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, а каждое государство обязано уважать это право ...осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, закрепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, с принципом уважения и соблюдения прав и свобод человека...» [9].

Не нужно даже здесь быть юристом, чтобы понять, что договор включает в себя основные принципы международного законодательства и основных элементов международной парадигмы развития общества. Нельзя не признать легитимности этого договора, так как все пункты являются прозрачными и соответствующими нормам внутреннего российского права и международного, в первую очередь.

Если далее исследовать нормы международного права, установленные Организацией объединенных наций, то нам интересно будет обратиться к Уставу ООН и Международному пакту о гражданских и политических правах, принятый в 1966 году, в котором значится следующее: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу данного права они свободно определяют свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» [21].

Также, понимая, что территория Крымского полуострова представляет собой поликульту-

турное образование, на котором в том числе, живут различные этнические общности, то они имеют право на то, чтобы быть услышанными и признанными, здесь обратимся к Уставу ООН, статье, регламентирующей основные цели Организации: «Организация Объединенных Наций преследует Цели... Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» [20].

Подводя итоги данному исследованию, можно сделать следующие выводы:

- российская конституционная и политико-правовая система вследствие принятия Республики Крым и Севастополя испытала на себе ранее неизведанные обстоятельства воздействия со стороны международного права;

- международное сообщество неоднозначно отреагировало на существующие в Российской Федерации правовые полномочия вхождения в ее состав иностранных государств (его частей);

- «крымский прецедент» представляет собой структурно-функциональный аспект в сис-

теме международной парадигмы общества, который нельзя оценивать однозначно в бинарной системе опций: «хорошо» — «плохо», «добро» — «зло», «легитимно» — «нелегитимно» и др. Прежде всего, это сложнооцениваемый конструкт, который будет еще осмысляться юристами, философами, политологами не один год;

- выгоды от вхождения Крыма в состав России для обеих сторон являются обозримыми и реальными, но не все могут быть реализованы в ближне- или среднесрочной перспективе.

В итоге, отвечая на поставленный исследовательский вопрос о том, насколько российская конституционно-правовая система была готова к «новым вызовам и решениям», можно сказать разнопланово: естественно, к этому никто не был готов, и мало кто из экспертов мог спрогнозировать подобные последствия. С другой стороны, отличительная особенность российского законодательства и система органов власти в том, что каждый элемент может в нужный момент мобилизоваться и среагировать на эффективный результат, который будет выгоден всем заинтересованным акторам.

Литература

- [1] Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Этнополитические инструментари национальнoй безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22).
- [2] Гайдук В.В. Над украинской пропастью во ржи: между унитаризмом и федерализмом // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2014. — № 3 (24).
- [3] Гайдук В.В. Проблема политической устойчивости субъектного состава федеративной России: Республика Крым и Севастополь // Вопросы политологии. — 2014. — № 1 (24).
- [4] Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Политическая медиация как новая политическая технология // Вопросы политологии. — 2014. — № 4 (16). — С. 86.
- [5] Гайдук В.В., Смирнова К.И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 2(21).
- [6] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Регион в системе обеспечения национальнoй целостности и безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 2 (25).
- [7] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14).
- [8] Государственно-территориальное устройство России: экономические и правовые аспекты / ред.: А.Г. Гранберг, В.В. Кистанов (отв. ред.), А.А. Адамеску, П.Е. Семенов, Ю.А. Тихомиров, Б.М. Штульберг. — М.: Дека, 2003.
- [9] Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/03/18/krim-site-dok.html> (дата обращения: 21.02.2015 г.)
- [10] Иванов В.П. Юридический механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации (конституционно-правовые и организационные проблемы формирования реализации): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // СЗ РФ. — 2009. — № 4. — Ст. 445.

[12] Марин Ле Пен признала итоги референдума в Крыму [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/17/677511.html> (дата обращения: 20.02.2015 г.)

[13] *Матвеев О.В.* Крым в украинском кризисе: история и политика // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 2 (24).

[14] Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 19.02.2015 г.)

[15] ООН не признала присоединение Крыма к России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/03/140327_un_crimea_russia_referendum_illegal (дата обращения: 19.02.2015 г.)

[16] *Серегина И.А., Чудинов А.П.* Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48).

[17] *Томсинов В.А.* Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. — 2014. — № 6.

[18] Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/1995/07/21/mejdunarodnye-dogovory-dok.html> (дата обращения: 17.02.2015 г.)

[19] Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 29.12.2014 № 20-ФКЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/12/31/krym-ek-dok.html> (дата обращения: 19.02.2015 г.)

[20] Charter of the United nations [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения: 21.02.2015 г.)

[21] International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976, in accordance with Article 49 // Human Rights Quarterly. — 1985. — Vol. 7. — № 1. — P. 133.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 323(470)

НУГУМАНОВ Дамир Салаватович,

преподаватель кафедры

истории государства и права и конституционного права

Башкирского института социальных технологий (филиала)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),

аспирант кафедры национальных и федеративных отношений

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте России, г. Москва

e-mail: digpartners@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассмотрена проблема становления и функционирования региональных политических элит в современной России. Проанализированы особенности и общие черты формирования региональных политических элит в постсоветский период, выделены субъекты региональной элиты. Автором статьи был проведен ретроспективный анализ особенностей внутреннего взаимодействия, а также характера взаимоотношений региональных политических элит с федеральным центром.

Ключевые слова: региональная политическая элита, формирование региональной политической элиты, функционирование региональной политической элиты, федеративные отношения, взаимоотношения «центр-регионы».

Возникновение региональных политических элит в постсоветский период связано с процессами регионализации, вызванными развалом СССР. Данный факт обусловлен тем, что региональная элита является специфическим постсоветским феноменом, так как в условиях советского централизованного и де-факто унитарного государства руководство регионов хотя и формально являлось хозяином той или иной административно-территориальной единицы, персонально, однако, во многом зависело от центральной власти.

Региональная политическая элита формировалась в различных регионах РСФСР в разное время. Это вызвано тем, что руководители субъектов стали избираться, иными слова-

ми произошел переход к избирательной системе формирования региональной политической элиты. Президент Татарской АССР, а также руководители исполнительной власти в Москве и Ленинграде были избраны в июне 1991 года. После августовского путча согласно постановлению Верховного Совета РСФСР в краях, областях и округах вводилась должность главы региональной исполнительной власти. Таким образом, к концу 1992 г. региональная элита тем или иным образом сформировалась во всех территориальных образованиях РСФСР.

По своему составу элита не являлась чем-то новым, так как состояла преимущественно из бывших членов советской партийной номенклатуры. Так, согласно исследованию О. Крыш-

тановской [1–2] в 1992 году 78,2% глав субъектов федерации в прошлом состояли в советской номенклатуре.

Среди членов региональной элиты с номенклатурным прошлым Р.Ф. Туровский [5] выделяет три основные группы:

- непосредственно партийная номенклатура, то есть партийные работники различного уровня;
- номенклатурные функционеры, занимавшие высокие должности в исполкомах советов народных депутатов;
- бывший советский корпус «хозяйственников», бывших директоров советских предприятий.

Данные группы выделяются условно, так как для номенклатуры в СССР характерно было единство, и часть номенклатурщиков часто переходили из одной ее группы в другую.

В качестве субъектов региональной элиты исследователи Н. Лапина и А. Чирикова [3–4] выделяют:

- 1) главу исполнительной власти и его клиенту;
- 2) региональную бюрократическую элиту органов исполнительной власти субъектов;
- 3) членов регионального законодательного органа;
- 4) представителей региональных отделений федеральных структур;
- 5) ключевых региональных предпринимателей, владеющих крупной собственностью на территории региона;
- 6) руководители партий, СМИ, неправительственных организаций;
- 7) организованную преступность.

Следует отметить, что в России главными представителями региональной политической элиты принято называть высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Зачастую в работах политологов именно губернатор ассоциируется с региональной властью и рассматривается в качестве регионального лидера. В российских условиях данный нюанс видится во многом оправданным, как в силу традиционно высокой персонификации власти, так и в силу реальной концентрации власти в руках губернаторов.

Постсоветские политические реалии привели к «раздвоению» функций региональных

политических элит. Вместе с явными функциями, находящимися в рамках структуры государственного управления, у региональных элит возникли и латентные.

Явные функции закреплены в конституциях и уставах субъектов федерации. В первую очередь они формируют социальную базу власти в регионе, что становится возможным при организации экономической, социальной, правовой и культурной политики, которая отвечает потребностям населения, а также направлена на проведение политики федерального центра в регионе. Среди явных функций постсоветских региональных политических элит можно выделить следующие: поддержание общероссийского законодательного и правового единства, укрепление социальной стабильности общества, создание в обществе равных условий в экономической, культурной, образовательной, религиозной и иных сферах.

В свою очередь, латентные функции представляют собой недекларируемые функции, без помощи которых невозможно осуществление властных полномочий в регионе. Латентные функции обусловлены деятельностью региональных элит по согласованию интересов политических субъектов на локальном уровне, а также лоббированием собственных интересов на федеральном уровне.

Важным компонентом специфики политического участия российских региональных элит является ее взаимоотношение с федеральной властью.

Получив, благодаря приватизации 90-х годов, самостоятельные ресурсы влияния, региональные элиты приступили к формированию собственных «команд» автономных от федерального центра. Формирование элит происходило на основе традиционных для России патрон-клиентарных отношений. Местные элиты строили свои групповые интересы, используя региональную идентичность для легитимации собственной власти в регионе. К тому же постсоветская децентрализованная модель федерализма дала возможность региональным элитам заметно повысить свой статус. Влияние элит и их политические акты приобрели институциональные и узаконенные формы.

К концу 1995 г. был осуществлен переход к выборной системе глав администраций субъек-

ектов федерации. Заметим, что речь идет именно о главах краев, областей, автономных округов и городов федерального значения, так как в республиках выборная система действовала и ранее. Парадоксально, но данная внешне демократическая система избрания глав регионов во многом усилила авторитарные режимы во многих субъектах федерации. Выборность глав субъектов позволила региональным лидерам укрепить собственную власть и стать независимыми от федерального центра.

К тому же одной из важнейших причин усиления региональных элит стала частая и радикальная смена Кремлем моделей взаимоотношения «центр-регионы», а также отсутствие порой решительной политики федерального центра в сфере федеративных отношений.

В рекрутировании элит доминировали традиционалистские принципы: землячество, кровное родство, религиозная и конфессиональная принадлежность, владение официальным языком, материальный статус, личная преданность группе и ее лидеру, преобладали неофициальные каналы рекрутирования. Появился также феномен «кузницы кадров», когда члены местной элиты рекрутировались преимущественно с определенной территории того или иного региона.

Позиция региональных элит в системе отношений «центр-регионы» приобрела двойственный характер. С одной стороны, региональная элита стала проводником общероссийской политики на своих территориях, являясь частью всей системы российских элит, с другой — региональные элиты отстаивали собственные интересы и сферы влияния. Отношения между Москвой и региональной элитой характеризовались высоким уровнем конфликтности, что во многом было обусловлено неустойчивостью и слабостью федеральных институтов власти и отсутствием определенности целей политического развития. В данных условиях мотивы сохранения власти и личного обогащения становятся приоритетными в действиях региональных элит.

С федеральной властью у регионов сложились отношения взаимного торга: региональным лидерам доставалась политическая власть и экономические преференции в своих субъектах взамен на лояльность по отноше-

нию к Кремлю. Установление зачастую авторитарной и независимой от центра власти, вместе с закреплением прав владения и распоряжения приватизированными предприятиями, во многом способствовало обособлению региональных элит.

В результате к концу 1990-х гг. в российских регионах сложились устойчивые политические элиты, идентифицирующие себя в качестве независимых и равноправных с федеральным центром субъектов общероссийского политического процесса. Их основными ресурсами являлись: договорной тип отношений с федеральным центром, осуществление контроля над назначением и деятельностью федеральных чиновников в регионе, а также присвоенные региональные экономические блага.

Таким образом, можно резюмировать, что в 1990-е годы в условиях экономического кризиса и слабой центральной власти каждая российская территория выработала собственную стратегию выживания, а региональные элиты формировали модели власти, обеспечивавшие им наилучшие условия управляемости социально-политической и экономической ситуацией. Эффективность региональных элит компенсировала безынициативность федеральных властей, но с политической точки зрения высокая автономия субъектов Российской Федерации обернулась «региональной вольницей», когда каждый регион, опираясь на собственные ресурсы, проводил несогласованную и порой противоречащую линии Центра политику. В результате к концу 1990-х годов Россия представляла собой слабоуправляемую федерацию, где на региональном уровне действовало множество политических режимов и сформировались разные типы региональной экономики.

Однако ситуация начала меняться с избранием президентом В.В. Путина и сменой модели взаимоотношений «центр-регионы» в сторону усиления позиций федеральной власти. Руководство страны приступило к реформе, цель которой состояла в укреплении единого административного, правового, экономического пространства и усиления контроля над субъектами Федерации. В новых условиях региональные руководители лишились статуса политиков общероссийского масштаба, а их деятель-

ность в основном сосредоточилась на управлении собственными регионами. К тому же выход из экономического кризиса сопровождался развитием целого ряда отраслей и формированием новых экономических структур. Крупные финансово-промышленные группы включились в новый передел собственности. В итоге, изменения в масштабах страны задали иной формат региональным процессам, внесли существенные коррективы в функционирование региональных элит.

Региональная элита начала функционировать в системе жестких внешних ограничений. Губернаторы лишились членства в Совете Федерации и утратили высокий политический статус. С укреплением властной вертикали региональные элиты, а именно их ядро — губернаторский корпус, утратили контроль над федеральными структурами. Появился правовой механизм отрешения от должности всенародно избранных президентов и губернаторов. Резко сократились и финансовые возможно-

сти исполнительной власти в регионе в связи с поправками к Налоговому кодексу, предусматривающие снижение доли налоговых отчислений, которые остаются в регионе.

В результате происходит снижение потенциала исполнительной власти и рассредоточение между различными ветвями и центрами власти. Президенты и губернаторы, ранее концентрировавшие в своих руках огромные властные полномочия, были вынуждены их лишиться. Более независимой стала законодательная власть субъектов Федерации. Федеральные округа, представляющие собой надрегиональный властный уровень, также становятся ограничителями «вольности» региональных элит. Региональная элита теряет свою былую консолидированность за счет проникновения в управленческую среду представителей из других сфер и профессиональных культур. Происходит активизация продвижения во власть представителей деловой элиты и выходцев из силовых структур.

Литература

- [1] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2005.
- [2] Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. — М.: ОНС, 1995.
- [3] Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в Российской Федерации: модели поведения и политические ориентации. — М.: ИНИОН РАН, 1999.
- [4] Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. — М.: ИНИОН РАН, 2000.
- [5] Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. — М.: ГУ ВШЭ, 2006.

УДК 94+ 32.019.51

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

кандидат философских наук, доцент кафедры
общеобразовательных и профессиональных дисциплин
ФГБОУ ВПО «Уфимский институт путей сообщения» (филиал)
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет путей сообщения»
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель секции
«Физическая культура и безопасность жизнедеятельности»
ФГБОУ ВПО «Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмагилова»
e-mail: ural.kashapov.2014@mail.ru

АБДРАФИКОВА Лариса Вячеславовна,

учитель истории и обществознания высшей категории
МБОУ СОШ № 27 Городского округа г. Уфа
e-mail: abdralarissa@gmail.com

АНАРХИЗМ И КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ (Часть I)

В данной статье рассматриваются основные идеи и взгляды теоретиков анархизма как политической доктрины, в том числе и новые формы организации общества на основе договора, согласия, т. е. конвенционального права.

Ключевые слова: анархизм, анархия, насилие, государство, право, собственность, власть, этатизм, конвенционализм, справедливость, свобода.

«Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты были безгосударственниками, своеобразными анархистами».

Н. Бердяев

Названная нами тема достаточно сложна и многогранна, и авторы хорошо это осознают, и, конечно же, не претендуют на то, чтобы в рамках данной работы она будет достаточно полно и всесторонне раскрыта. Мы акцентируем наше внимание на тех аспектах данной темы, которые не получили должного освещения в научной литературе [1, 7–9, 13–18] и в первую очередь на воззрениях русских анархистов.

Актуальность данного исследования детерминирована тем, что в настоящее время стали

востребованными основополагающие положения, касающиеся в первую очередь, чести и достоинства личности, ее свободы, отказа от насилия, отстаивания принципа федерализма, свободного договора и взаимопомощи, а также создания и деятельности институтов гражданского общества, в рамках которых будут реализовываться основополагающие права человека и личности. Анархизм, как и любая другая политическая доктрина, рассматривал данные проблемы в русле своей политической философии, и в ней они были главными и опре-

деляющими. Именно в учениях анархистов ставится достаточно остро проблема соотношения законности и справедливости, т. е. права и морали, в какой мере нормы права отвечают нормам нравственности.

Внимание к анархизму как политическому учению вызвано и тем, что в «настоящее время относительно анархизма не только среди большой публики, но даже среди ученых и государственных людей существует полнейшая неясность» [19, с. 7]. Выше приведенное высказывание принадлежит одному из авторитетнейших исследователей анархизма П. Эльцбахеру, которому принадлежит фундаментальная работа «Анархизм. Суть анархизма», которая была опубликована в начале XX века. Эти слова не потеряли своей значимости и сегодня.

Мы стали свидетелями возрождения анархистского движения в условиях этатизации всех форм общественной жизни. И примером этого является создание в 1968 году на Международной конференции анархистов в Карраре Интернационала Федераций Анархистов (IAF-IFA). В целом ряде стран продолжают действовать традиционные анархо-синдикалистские профсоюзы, среди которых можно назвать, например, САК в Швеции, НКТ и ВКТ в Испании, УСИ в Италии, ФАУ в Германии. Анархистское движение стало возрождаться и в России, о чем свидетельствует создание Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС).

Так же несомненный интерес представляет видение анархистами основополагающих проблем человеческого бытия и их решение. Великий русский философ Н. Бердяев в своей работе «Новое религиозное сознание и общественность» писал: «Появление и обострение анархических учений и настроений имеет огромное значение, так как чувствуется в них последние проблемы человеческого существования...»

Только анархизм решительно формулировал заветную мечту человеческого сердца — соединение людей не насильственное, а свободное, не внешней необходимостью, а внутренним влечением человеческой природы. Кто не анархист в сердце своем, тот любит насилие и власть как начало самостоятельное и цель. Кто свободу любит больше насилия, любовь ставит выше власти, внутренне-орга-

низованное общество предпочитает внешне-организованному государству, тот должен признать себя анархистом, хотя бы в мечте. Ведь анархизм как радикальное отрицание власти, государственного союза и насилия в нем над личностью, не есть непременно анархия и хаос» [4, с. 129].

Главным и притягательным в доктрине анархизма, на наш взгляд, стала идея не полного демонтажа государственной власти как таковой, а устранения монополии на власть, ее ограничения, а также предложение новых принципов устройства общества и в частности использования конвенционального права. Теоретики анархизма достаточно остро ставили вопросы эффективности всей государственной машины и в первую очередь в какой мере она выполняет свои функции по защите прав и свобод личности, в какой мере и для чего используется насилие — в интересах государства или общества, о границах вмешательства государства в жизнь отдельно взятого человека и общества в целом.

Мы хотим рассмотреть основные положения этого учения, «которое подвергает сомнению все, до сих пор не подлежавшее сомнению, осмеливается отрицать все старое...» [19, с. 7]. Это также требуется и для того, чтобы знать «необходимо ли противодействовать такому движению насильственно, чтобы защитить существующий строй или по крайней мере его спокойное развитие, и серьезно предотвратить, таким образом, большее зло» [19, с. 7]. Обращаясь к данной теме необходимо определиться с понятиями которыми мы будем использовать, ибо это отправная точка любого научного исследования, и тут будет уместным привести слова известного русского философа Э.В. Ильенкова из его работы «Философия и культура»: «Важны не слова, а понятия» [10, с. 171]. В современной научной справочной литературе названные понятия трактуются следующим образом: «Анархизм (*anarchia* — безвластие). Анархия — политическое течение, провозглашающее своей целью уничтожение государства и замену любых форм принудительной власти свободной и добровольной ассоциацией граждан» [15, с. 20]. Наряду с понятием «анархизм» используется «анархия», которые для многих являют-

ся тождественными, что не соответствует их сути. И на это указывал великий русский философ Н. Бердяев. В своей работе «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» в главе VII, где он исследует тему власти, подробно анализируя природу и суть русского анархизма, писал: «Очень ошибочно отождествлять анархизм с анархией. Анархизм противоположен не порядку, ладу, гармонии, а власти, насилию, царству кесаря. Анархия есть хаос и дисгармония, т. е. уродство. Анархизм есть идеал свободной, изнутри определяемой гармонии и лада, т. е. победа Царства Божьего над царством кесаря. За насильническим, деспотическим государством обычно скрыта внутренняя анархия и дисгармония» [5, с. 657].

А понятие «конвенционализм» «означает (от лат. *conventio* — соглашение) — согласно Оксфордского словаря: «1) приверженность или расположенность по отношению к тому, что является конвенциональным (взаимоприемлемым), тенденция соблюдать конвенциональные обычаи и правила поведения; 2) все, характеризующее приверженность к просто конвенции; конвенциональный принцип, идея, обычай или практика; 3) философский принцип, по которому принципы логики — лишь предмет соглашения» [15, с. 135]. В силу того, что мы будем оперировать понятиями «государство», «право», «собственность» следует определить их, исходя из юридического значения, а не отвлеченного толкования.

В части касающейся этой первоначальной задачи П. Эльцбахер, автор одной из работ по анархизму «Анархизм. Суть анархизма» писал: «Эти понятия о праве, государстве и собственности содержат все те признаки, которые даны им содержанием определенного правового порядка. Они выражают содержание только этого правового порядка. Поэтому их можно назвать научными понятиями этого правового порядка, ибо наукой определенного правового порядка можно назвать ту часть науки о праве, которая занимается исключительно нормами определенного правового порядка [19, с. 23].

В соответствии с толкованием в Большом юридическом словаре под правом следует понимать: «1) Система общеобязательных соци-

альных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества... 2) Императив, стоящий над государством и законом, защищающий справедливый порядок, государства как формы самоорганизации общества. 3) Совокупность социальных регуляторов, которая может быть облечена в соответствующую законодательную форму, а может и не быть облечена в нее» [6, с. 516].

Государство же трактуется так:

«1) В теории права — определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти; распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения; как управляющая обществом система обладает внутренней структурой, имеет специальные органы для реализации своих полномочий — механизм государства, его аппарат.

2) Понятие, под которым в конституционном праве подразумевается совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и др.) действующих в масштабе страны или субъекта федерации либо, территориального сообщества, пользующегося законодательной автономией территориального сообщества.

3) Как субъект международного права — основной участник международных отношений» [6, с. 131–132]. И, наконец, понятие «собственность» имеет следующее значение — «принадлежность средств и продуктов производства определенным лицам — индивидам или коллективам — в определенных исторических условиях, отражающих конкретный тип отношений собственности. Право собственности как право конкретных субъектов на определенные объекты (имущество) сводится, как правило, к трем правомочиям: праву владения, праву пользования и праву распоряжения имуществом» [6, с. 634]. Для нас вполне очевидно, что русский анархизм вобрал в себя то, что было наработано мыслителями западно-европейской общественно-политической мысли, и прежде всего это такими теоретиками анархизма как У. Годвин, Ж. Прудон, М. Штирнер, поэтому

будет вполне закономерным, если мы достаточно кратко рассмотрим их основные взгляды, при этом несомненно главное внимание будет уделено русскому анархизму.

Рассматривая анархизм как общественно-политическое учение, мы должны отметить то, что его истоки появляются еще в античные времена, а достаточно полное теоретическое обоснование связывается с именем английского писателя У. Годвина. Он родился в 1756 году в Висбиче, в Кембридже. Начиная с 1773 года он изучал теологию в Гокстоне. В 1778 году он был проповедником в Уайре, в Гертфорде, в 1780 году в Стовмаркете, в Суффолке. В 1782 году он оставил эту должность, после чего занимался литературным трудом в Лондоне, где и умер в 1836 году. Свои взгляды на будущее устройство общества он изложил в своем двухтомном труде «Исследование о политической справедливости». В этой работе он повествует о природе и сущности права, государства и собственности. И тут надо отметить, что У. Годвин не дает своим теоретическим воззрениям, которые он системно приводит в упомянутой работе «имени анархизма, но он не боится этого слова» [19, с. 45].

Он противопоставлял анархию и деспотию, как две крайние формы общественного устройства и приходит к тому, что анархия по отношению к деспотии лишь меньшее зло. По его мысли «Анархия — это страшное зло, но деспотизм еще ужаснее. Там, где анархия убила сотни людей, деспотизм поглотил много миллионов жертв и этим самым лишь поддерживает невежество, порок и нищету; анархизм кратковременное зло, деспотизм почти бессмертен. Без сомнения, если народ отдает себя на волю всех бушующих страстей до той поры, когда зрелище их последствий не дает разуму новых сил для борьбы с ними, это будет для него ужасным лекарством; но как бы ни было ужасно это средство, оно все же оказывает действительную помощь» [19, с. 45].

В части, касающейся права, он предпочитает противопоставлять ему мораль, закону справедливость. Государство же он рассматривает «как правовое учреждение, которое противоречит всеобщему благу совершенно особенным образом» [19, с. 49]. Государство, по его мнению, это в первую очередь наси-

лие, и оно имеет место независимо от государственного устройства. «Каждое правительство соответствует в известной мере тому, что греки называли тиранией. Единственная разница состоит в том, что в странах с демократическим правительством насилие производит однообразное давление на наш дух, в то время как в республиках наш дух подвижнее, и насилие скорее следует за течением общественного мнения» [19, с. 50].

Связывая государство и право он приходит к тому, что они противоречат естеству человека, а следовательно, человеческое сообщество должно руководствоваться исключительно нормами нравственности. В части касающейся собственности, и в первую очередь ее неравномерного распределения между членами общества, то он также считает это одним из социальных бед, несомненно, противоречащая общему благу и духовному прогрессу. И здесь он приводит следующие доводы: «Накопление собственности попирает ногами силу мысли, гасит искры гениальности и погружает громадную массу людей в грязные заботы. Богатого оно лишает благотворных и сильных побуждений к деятельности» [19, с. 57].

И далее пишет: «Неравномерное распределение богатства служит также препятствием к нравственному усовершенствованию. У богатого оно порождает честолюбие, тщеславие и хвастливость, у бедного же насилие, раболепие, хитрость и следом за ними зависть, озлобленность и мстительность» [19, с. 57]. Исходя из своих взглядов на государство, право и собственность У. Годвин предлагает уничтожить законодательство, собственность и человеческое сообщество в своих отношениях должно руководствоваться нормами морали и взаимодействие между различными социальными группами должно строиться на принципах соглашения.

В последствие его учение в значительной мере было дополнено П.Ж. Прудоном. Пьер Жозеф Прудон родился в 1809 году, в Безансоне. Сначала он был там и в других городах типографщиком. В 1838 году он отправился в Париж, где на стипендию, выданную ему безансонской академией, занимался научной работой. В 1843 году он взял торговое место в Лионе. В 1847 году оставил его и пере-

ехал в Париж, где издавал различные газеты. В 1848 году он был членом Национального собрания. В 1849 году основал народный банк. С 1850 по 1852 год находился в заключении за нарушение законов печати. За это же преступление в 1858 году он был опять осужден на три года, но бежал и нашел убежище в Брюсселе. В 1860 году был помилован, после чего вернулся во Францию. С этого времени жил в Пасси, где и умер в 1865 году.

Он одним из первых назвал свое учение анархизмом. И это было выражено в следующей форме — «Какой форме правления мы должны отдать преимущество? — Разве об этом может быть вопрос? — ответят мне один из моих молодых читателей. — Вы республиканец? — Республиканец, конечно, это слово слишком неопределенно. *Respublica* означает общее дело; потому и то, кто, независимо о формы правления, защищает общее дело, может назвать себя республиканцем. Ведь и короли также республиканцы. — Так вы, конечно, демократ? — Нет. — Либерал? — Боже сохрани. — Ну, так аристократ? — Ни в коем случае. — Вы хотите смешанного правления? — Еще менее. — Но в таком случае, что же вы, собственно, такое? — Я анархист» [19, с. 68–69]. Свои политические и экономические взгляды он изложил в своей работе «Что такое собственность?» (1840 г.).

П. Прудон объявлял частную собственность источником социальных проблем, и прежде всего социального неравенства и эксплуатации человека человеком. По его мнению «Собственность убивает жизнь, это доказано всем пятидесятилетним существованием собственности; владение соответствует праву, собственность враждебно ему. Уничтожь собственность и сохрани владение — посредством одного этого принципиального изменения вы коренным образом измените законы, правительство, хозяйство и все учреждения: вы уничтожите зло на земле» [2, с. 746]. И далее пишет: «Размеры владения измеряются сообразно числу владельцев, и собственность не может возникнуть» [2, с. 746]. Он полагал, что эксплуатация и соответственно социальное неравенство — это результат неэквивалентного обмена и чтобы это условие устранить требуется безденежный обмен, и в частности:

«VII. Продукты могут быть куплены только за продукты, но так как условием всякого обмена является равноценность обмениваемых продуктов, то всякая прибыль невозможна и несправедлива. Попытайтесь осуществить этот элементарнейший принцип хозяйства, и вы убедитесь, что пауперизм, роскошь, угнетение, порок, преступление и голод исчезнут» [2, с. 747]. Из этого следует, что он за сохранение частной собственности, но при этом необходимо изменить принцип обмена товаров.

Относительно государства, которое является источником социального зла, и создает необходимые условия для паразитизма, Прудон считал, что его необходимо уничтожить и новая политико-территориальная общность должна представлять договор между индивидуальными производителями, их общинами и группами. И новая форма общественного устройства неизбежно возникает в силу того, что: «VIII. Люди объединяются в общества под давлением физического и математического закона производства помимо их ведома и воли. Таким образом, равенство условий соответствует справедливости, т.е. праву общественному и гражданскому. Уважение, дружба, признательность, восхищение являются единственными элементами права справедливого, или пропорционального.

Свободная ассоциация, свобода. довольствующая охраной равенства средств производства и равноценности обмениваемых продуктов, есть единственная справедливая, истинная и возможная форма общности» [2, с. 747]. И заканчивает свою мысль так: «X. Политика есть наука о свободе: власть человека над человеком, какую бы форму она не принимала, есть угнетение. Высшая степень совершенства обществ заключается в соединении порядка с анархией, т.е. с безвластием» [2, с. 747]. Согласно мысли Прудона анархия это такой общественный порядок, который возникает в результате того, что люди делают то, что желают делать и такая система самоуравновешивается, приходя к естественному порядку, что обусловлено совместной взаимовыгодной экономической деятельностью. Особо он выделял то, что этот естественный порядок будет обеспечиваться достаточно малыми социально-экономическими единицами — ком-

мунами, которые представляли бы местное самоуправление. Прудонизм получил значительное распространение во Франции и за ее пределами, и в том числе в России (он оказал довольно сильное влияние на мировоззрение М.А. Бакунина, о чем чуть ниже будет подробно сказано). Несомненный интерес для нас представляют идеи и взгляды М. Штирнера, одного из теоретиков анархизма.

Иоганн Каспар Шмидт родился в 1806 году в городе Байрейте, в Баварии. С 1826 по 1828 гг. он учился в Берлине, с 1828 по 1829 гг. он изучал филологию и теологию в Эрлангене. В 1829 году он прервал свое учение, совершил сначала длинную поездку по Германии и жил после этого попеременно до 1832 года в Кенигсберге и в Кульме. С 1832 по 1834 год он учился опять в Берлине, а в 1835 году он там же сдал экзамен на гимназического учителя; но государственной должности не получил, а сделался в 1839 году учителем частной женской школы в Берлине. В 1844 году он оставил эту должность, но остался жить в Берлине, где и умер в 1856 году. Частью под именем Макса Штирнера, частью без подписи Шмидт выпустил небольшое число сочинений, по большей части философского содержания.

Свои взгляды он изложил в работе «Едиственный и его собственность» (1844 г.). М. Штирнер проповедовал эгоизм, обосновывая его философски и психологически.

Он создает своеобразную теорию индивидуализма, согласно которой все существующие социальные институты — семья, право, государство — лишь подавляют свободу индивида. Цель и задача личности заключается в освобождении от государства, а следовательно, и обязательного внешнего принуждения, которое несет с собой всякое государственное установление, т.е. законы. Свобода от государства она всегда мнимая, как например политическая свобода. В части касающейся последней он пишет: «Политическая свобода означает, что полис, государство, свободно, религиозная свобода — что религия свободна, как свобода совести — то, что свободна совесть, следовательно, не то, что я свободен от государства, религии, совести, т.е. что я от них избавился. Она не означает моей свободы, а свободу управляющей мною и покоряю-

щей меня власти, она означает, что один из моих тиранов — каковы государство, религия, совесть — свободен. Государство, религия, совесть — эти тираны делают меня рабом, а их свобода — мое рабство» [2, с. 724]. А индивидуальная свобода «Означает вовсе не совершенно свободное самоопределение, благодаря которому действия сделались бы вполне моими, а только независимость от личностей.

Индивидуально свободен тот, кто не ответственен ни перед каким человеком. В этом смысле — а иначе нельзя понимать свободу — не только властелин индивидуально свободен, т.е. не ответственен перед людьми («перед Богом» он признает себя ответственным), но свободны все «ответственные перед законом» [2, с. 724]. М. Штирнер считает, что декларируемая свобода она не истинна, а лишь пустой звук, не имеющий своего реального содержания, воплощения в действительной жизни.

Он пишет: «Моя свобода становится только тогда совершенной, когда она обращается во власть, и тогда я перестаю быть только свободным и становлюсь собственным. Почему свобода народов «пустой звук»? Потому, что народы не имеют власти... Почему палаты депутатов тщетно рвутся к свободе и вынуждены выслушивать за это «внушения министров»? Потому что «власть» не в их руках! Власть хорошая вещь и полезная для многого, так как «с горсточкой власти больше преуспеешь, чем с коробом прав» [2, с. 728]. И далее указывает на то, что свобода это в первую очередь обладание властью. «Если бы вы захватили в свои руки власть, свобода пришла бы сама собой. Взгляните, кто имеет власть, тот «стоит над законом» [2, с. 728–729] (как это положение актуально для настоящего время — авт.).

Свобода не даруется государством, каждый должен ее отстаивать, добиться ее. Он еще и еще раз поясняет, что свобода это не то, что установлено для человека государством. Это не те рамки, которые установлены властью, исходя из ее политических соображений, как то властвующей политической элиты, клана, группировки и т.д., потому, что свобода мнимая. «Громко раздаются отовсюду крики о «свободе». Но разве чувствуют и знают, что означает дарованная, предоставленная из милости свобода? Не понимают люди всего смысла того,

что всякая свобода, в сущности, — самоосвобождение, т. е. что я могу иметь лишь столько свободы, сколько добуду себе благодаря моему своеобразию. Что пользы овцам в том, что никто не ограничивает их свободу слова? Все равно они будут только блеять» [2, с. 729].

М. Штирнер считает, что государство создает условия, при которых существует экономическое неравенство, и соответственно и имущественная дифференциация, и это закономерно возникает в силу того, что: «Защищая личность и собственность одного от другого, государство в то же время и отделяет их друг от друга: каждый сам по себе, и то, что он имеет, он имеет для себя. Кто довольствуется тем, что есть и что он имеет, тот, конечно, будет удовлетворен таким положением вещей. Но кто хотел бы быть и иметь больше, тот ищет это «*больше*» и находит его во власти других личностей» [2, с. 727–728]. Он противопоставляет отдельно взятую личность и государство, и это выражает так: «... мы оба, государство и я, — враги. Меня, эгоиста, благо этого «человеческого общества» ничуть не интересует: я ничего ему не жертвую, а только пользуюсь им, обращая его в мою собственность и мое творение, т. е. я уважаю его и создаю вместо него союз эгоистов» [2, с. 731]. Итак, по мысли М. Штирнера, государство с его обязательными законами, насилием, должна заменить (или прийти ему на смену) новая форма организации людей — союз, а основой его «должна быть та польза, которую всякий извлекает в каждый момент этого союза» [23, с. 105]. И приступая к рассмотрению теоретиков российского анархизма мы должны отметить, что они испытали на себе влияние западно-европейских мыслителей, т. е. уже была заложена определенная теоретическая база.

Русский анархизм — это в первую очередь такие имена как М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин и А.А. Боровой. Итак, обратимся к философии анархизма, которую проповедовал М.А. Бакунин. Именно он как никто другой выразил «основной мотив анархизма — пафос бунта, святой и бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества» [12, с. 18]. Михаил Александрович Бакунин родился в 1814 году. В 1834 году он поступил в петербургскую артиллерийскую школу; в 1835 году вышел из нее

офицером. В 1840 году М.А. Бакунин покинул Россию и довольно длительное время находился в Европе. В Париже он встречался с Прудоном. В 1849 году он был в Саксонии присужден к смерти, но помилован: в 1850 году его выслали в Австрию, где он был опять присужден к смертной казни; в 1851 году он был выдан России, заключен в Шлиссельбургскую крепость, а в 1857 году сослан в Сибирь, откуда бежал в Лондон, где опять взялся за революционную деятельность. В 1868 году он сделался членом Интернациональной Ассоциации рабочих, а вскоре затем основал Интернациональный Союз Социалистической Демократии. В 1872 году за свои сепаратистские стремления он был исключен из Интернациональной Ассоциации Рабочих. Умер М.А. Бакунин в 1876 году в Берне.

Свои политические идеи и взгляды он изложил в таких работах как «Федерализм, социализм и антитеологизм» и «Государственность и анархия».

В своей работе «Федерализм, социализм и антитеологизм. Мотивированное предложение центральному комитету «Лиги мира и Свободы» он предлагает новую организацию человеческого общества на принципах справедливости, которые в свою очередь создадут условия, при которых не будет какого-либо ограничения свободы, имеющее место при существовании государства. При этом он под справедливостью понимает следующее: «Когда мы говорим о справедливости, мы подразумеваем не ту, которая заключена в кодексах и в римском праве, основанном в громадной степени на насильственных фактах, совершенных силой, освященных временем и благословениями какой-либо, христианской или языческой церкви, и как таковые, признанных за абсолютные принципы, из которых дедуктивно выведено все право, — мы говорим о справедливости, основывающейся единственно на совести людей, на справедливости, которую вы найдете в сознании каждого человека и даже в сознании детей и суть которой передается одним словом — *уравнение*» [3, с. 22].

«Эта всемирная справедливость, которая, однако, благодаря насильственным захватам и религиозным влияниям никогда еще не имела перевеса ни в политическом, ни в юриди-

ческом мире, должна послужить основанием нового мира» [3, с. 22]. И, конечно же, новая организация общества, по мысли М.А. Бакунина, не должна каким-либо образом ограничивать свободу человека. Так он в этом отношении писал следующее: «Мы спешим прибавить, что мы энергично отклонением всякую попытку социальной организации, которая была бы чужда самой полной свободы, как индивидов, так и ассоциаций, и требовала бы установления регламентирующей власти какого бы то ни было характера» [3, с. 23].

Он считал, что государство «должно растопиться в общество, организованное на началах справедливости» [3, с. 23]. М.А. Бакунин полагал, что всякое государство — это прежде всего ограничение свободы отдельно взятого человека во имя общего блага. И «это отрицание свободы каждого во имя свободы целого и общего права — это и есть Государство. А там, где кончается индивидуальная свобода, и наоборот, мне ответят, что Государство, представитель общественного блага и или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы лишь для того, чтобы обеспечить ему остальное. Но это остальное, это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя урезать часть ее, не убивая целого. Та часть, которую вы урезываете, составляет самую сущность свободы, она все...» [3, с. 25].

По мере общественного развития, и прежде всего нравственного совершенствования человека, на основе справедливости возникнет новый общественный порядок, который сделает ненужным государство с его институтами. Он писал: «Справедливость и общественный порядок возникнут сами по себе и естественно из жизни, и Государство, перестав быть провидением, опекуном, воспитателем общества, отказавшись от всякой карательной власти и ниспав до подчиненной роли, указываемой ему Прудоном, делается не чем иным, как простым деловым бюро, своего рода центральной счетной кассой, предназначенной для услуг обществу» [3, с. 26]. Всякое государство, прежде всего господство и насилие, и поэтому М.А. Бакунин выступает против него.

Это обстоятельство он подчеркивает особо. «Если есть государство, то непременно

есть господство, следовательно и рабство; государство без рабства, открытого или скрытого, немислимо, — вот почему мы враги государства...» [3, с. 31]. И это положение (относительно государства) политической доктрины М.А. Бакунина абсолютно, безотносительно того, какой бы формы оно не имело, при этом он приводит следующий аргумент: «Значит, никакое государство, как бы демократичны были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, под именем народного представительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» [3, с. 29].

По его мнению, государство — это, прежде всего, аппарат насилия, управленческий аппарат, который предоставлен привилегированным меньшинством, которое всегда и всюду отстаивает свои интересы, но не управляемых. И это изменяет, точнее, портит, и самих правящих. «Свойства привилегированного положения таковы, что они отравляют дух и сердце человека. Кто находится в привилегированном положении в политическом и экономическом отношении, дух и сердце того отравлены. Это — закон социальной жизни, который не допускает никаких исключений и применим как к целым народам, так и к классам и отдельным лицам» [19, с. 123]. Исходя из всего этого, М.А. Бакунин считал «всем истинно свободным людям государственная власть не нужна, так как эти люди и без того заинтересованы в том, чтобы помогать друг другу» [12, с. 85]. На смену государству придет «свободный союз свободных общин» [12, с. 85]. Но это может быть осуществлено, по его мнению, лишь путем социальной революции, т. е. насильственного ниспро-

вержения и это положение он выразил достаточно лаконично, а именно так: «Для того чтобы избежать своей нищенской участи, народ имеет три средства: два воображаемых, одно реальное. Первые два средства — это кабак и церковь, третье — социальная революция» [19, с. 132]. Н. Бердяев, характеризуя Бакунина и его философские идеи, дал достаточно точную оценку: «Он характерное русское явление, русский барин, объявивший бунт..»

Анархизм Бакунина есть также славяно-русский мессианиззм. В нем сильный славянофильский элемент. Свет для него придет с Востока. Из России пойдет мировой пожар, который охватит мир» [5, с. 653]. И далее продол-

жает: «Анархизм Бакунина есть крайняя форма народничества. Подобно славянофилам, он верит в правду, скрытую в народной стихии. Но он хочет взбунтовать самые низшие слои трудового народа и готов присоединить к ним элементы разбойничьи, преступные. Он, прежде всего, верит в стихию, а не сознание» [5, с. 654]. «Главная слабость его мировоззрения — в отсутствии сколь-нибудь продуманной идеи личности. Он объявляет бунт против государства и всякой власти, но это бунт не во имя человеческой личности...

Анархизм Бакунина противоречив в том отношении, что он не отрицает последовательно насилия и власти над человеком» [5, с. 655].

Литература

- [1] *Аладышкин И.В.* Мировоззренческий кризис интеллигенции в условиях первой русской революции: «мистический анархизм» и «соборный индивидуализм» // Интеллигенция и мир. — 2006. — № 1.
- [2] *Антология мировой политической мысли: В 5 т. — Т. I.* Политическая мысль России: Вторая половина XIX–XX вв. — М.: Мысль, 1997.
- [3] *Антология мировой политической мысли: В 5 т. — Т. IV.* Политическая мысль России: Вторая половина XIX–XX вв. — М.: Мысль, 1997.
- [4] *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. — СПб., Изд-е М.В. Пирожкова, 1907.
- [5] *Бердяев Н.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. — М.: ЭКСМО; СПб.: Мидгард, 2005.
- [6] *Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских.* — М.: ИНФРА-М, 1997.
- [7] *Боровой А.А.* Анархизм / вступ. ст. П.В. Рябова. — 3-е изд. — М.: Либроком, 2009.
- [8] *Бученков Д.* Анархисты в России в конце XX века. — М.: Либроком, 2011.
- [9] *Задорожнюк И.Е.* Классики анархизма: чем они интересны сегодня? // Свободная мысль. — 2007. — № 12.
- [10] *Ильенков Э.В.* Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991.
- [11] *Командоров И.С.* Русский анархизм и совершенствование гражданских структур общества: социально-философская интерпретация: дис. ... канд. филос. наук. — Набережные Челны, 2011.
- [12] *Лосский Н.О.* История русской философии. — М.: Высш. шк., 1991.
- [13] *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. — М.: Политиздат, 1989.
- [14] *Матюхин А.В.* Русский анархизм. Радикальная модель модернизации общества. — М.: МАРКЕТ ДС, 2006.
- [15] *Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов.* — М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1983.
- [16] *Реклю Э.* Богатство и нищета / пер. с фр. М. Блюменфельд. — М.: Либроком, 2011.
- [17] *Смирнов И.П.* Мирская ересь (психоантропологические заметки о философии анархизма). — СПб.: Алетей, 1999.
- [18] *Штаммлер Р.* Теоретические основания анархизма // *Эльцбахер П.* Анархизм. Суть анархизма / пер. с нем. Б. Яковенко. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2009.
- [19] *Эльцбахер П.* Анархизм. Суть анархизма / пер. с нем. Б. Яковенко. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2009.

CONTENTS

REGIONAL SPACE AND POLITICAL GLOBAL ORGANIZATION

MANOYLO Andrey Viktorovich,

*Doctor of Political Science, Professor of Politology
Department of Lomonosov Moscow State University*

THE RESULTS OF SCO AND BRICS SUMMITS IN UFA: IF THE WEST FAILS TO RE-EXAMINE ITS POLICY, IT RISKS BECOMING THE "BACK YARD" OF BRICS

The results of BRICS and SCO summits are under analysis in the article. The summits took place in Ufa on the 8–9 of July, 2015. It is noted that the summits aided the finalization of BRICS as an international organization and the expansion of SCO influence in Western and South Asia. Ufa Declaration, Ufa Action Plan and the Strategy for BRICS Economic Partnership till 2025 were adopted at BRICS summit. These key documents allow us to say that BRICS indeed became a new instrument of shaping new global political realities and multipolar world concept. The expansion of SCO by admitting new members, India and Pakistan, essentially changes its regional status to international and makes this organization a global actor in world politics. The President of the Russian Federation, Vladimir Putin, suggested commencing the process of BRICS and EEU integration which allows to say that soon BRICS supported by EEU resources will become leading world power and the West with its policy of confrontation may find itself on the fringes of emerging economies of the BRICS countries and their allies and become the "back yard" of BRICS.

Key words: *summit, international stage, integration, ally, confrontation, head of state, international security, economic partnership.*

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences,
Professor, Head of the Political Science Chair,
Bashkir State University, Ufa*

THE FORMER SOVIET UNION IN THE PRESENT-DAY CONCEPT OF NATIONAL SECURITY: CHALLENGES AND PERSPECTIVES

The topics of the post-soviet space security, the reliable protection of independent countries, their territories and constitutional systems, the pre-emptive neutralization of external and internal threats are the immediate problems of the present and the objects of the recent research increased political interest. The author of the article examines the prevention of ethnopolitical threats in former soviet countries which serve as some kind of laboratories for political experimenting on the nation-building "living matter".

Key words: *the former Soviet Union, political regionalistics, ethnopolitics, political conflicts, ethnic relations, federal relations, national security, colour revolutions, ethnopolitical threats.*

HALANSKY Igor Viktorovich,
*Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor,
Head of the Political Science Chair,
Kyrgyz Russian Slavic University, Bishkek*

CHINA'S POLICY IN THE FORMER SOVIET COUNTRIES OF CENTRAL ASIA: ADJUSTMENTS OF FRONTIERS

The article is about the Chinese policy focused on the delimitation of borders with ex-Soviet Central Asian countries.

Key words: *Central Asia, China, SCO, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, border, delimitation.*

REGION AS A MEDIUM FOR YOUTH SOCIALIZATION

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Doctor of Political Science, Assistant Professor, Director
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

YOUTH POLICY IN FOREIGN COUNTRIES: EMPLOYMENT AND EDUCATION

The article is about youth policy implementation in the field of employment and education in European and Asian countries. The present period of the Russian youth policy development can be characterized as a stage of accumulation of the socio-political experience for its effective performance; and from the perspective of possibility to use the similar foreign positive experience it attracts certain interest.

Key words: *governmental youth policy, socio-political relations, youth employment, foreign experience, globalization, unemployment.*

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

*Doctor of Historical Science,
Professor of the Sociology and Management Chair,
The Moscow State Automobile and Road Technical University*

GLOBAL EMERGENCE OF THE INTERNATIONAL YOUTH MOVEMENT AND ITS REGIONAL PECULARITIES

The article is about the history of youth movement development in the world, and the impact of demographical factors and types of political culture on this process. Various conditions of youth organization actions in some regions are mentioned. The author also states their opinion on a new form of international cooperation as part of regional and trans-regional format.

Key words: *political activity, youth movement, demographical factor, political culture, globalization, regional integration.*

GOLOVKO Yulia Markovna,

*Candidate of Historical Sciences, Doctoral Candidate
of the National and Federal Relations Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

THE ROLE OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION IN YOUTH LEADERS RECRUITMENT. EUROPEAN COUNTRIES EXPERIENCE

The youth elite recruitment takes place under the principle of competitive procedure. Higher professional education becomes an important factor in this process as only professional qualifications make holding senior positions at central and local authorities, political institution and business sector possible.

The article describes the main principles of developing the higher professional education system in three European countries: France, Germany and the UK. The author has chosen these countries because they represent the most exclusive and prestigious educational structures that provide their services in Europe.

Key words: *youth leaders, national policy, youth policy, higher education, Bologna process.*

NATIONALITIES POLICY AND ETHNOPOLITICAL CONSENSUS

SULEIMANOVA Shukran Saidovna,
*Doctor of Political Science, Professor
of the Public Relations and Media Policy Chair
of Institute of Public Administration and Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

REGULATION OF INTER-ETHNIC RELATIONS

The author mentions that Russian legal framework allowed to lay basis of productive democratic political and legal environment for development of ethnic communities in Russia. Several points of the international legal documents ratified by Russia directly apply to mass media activities.

Key words: *journalism, information, democracy, publicity, freedom of speech, authority, democratic society, government regulation, mass media, communications.*

VYSOTSKY Andrei Viktorovich,
*Candidate of Political Sciences, Member
of the Europeanise Politological Expert Club, Ufa*

THE ROLE OF ETHNIC CONFLICTS IN FORMER SOVIET SPACE

The end of the XX century was marked by expansion in the number of ethnic conflicts all over the world. The political map of the world changed drastically in the last century as a result of the world wars, dissolution of the colonial empires that led to the growth of ethnic oppositions in the modern society. The article examines ethnic conflicts in former Soviet countries.

Key words: *ethnic conflict, the former Soviet Union, political regionalistics, ethnopoltics, Georgia, Kosovo, Ossetia, Abkhazia, escalation, political map.*

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Assistant Professor
of Philosophy and Politology Chair Bashkir State University, Ufa,
Doctoral Candidate of the National and Federal Relations Chair
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

MANAGEMENT POTENTIAL WITHIN THE SYSTEM OF NATIONAL POLICY IMPLEMENTATION IN RUSSIA: LEGAL ANALYSIS AND MONITORING

The management of the national policy and the mechanisms of its implementation are significantly different from the ones that are applied by the government in other fields. On the one hand, it is explained by a specific nature of this social relations sphere manifested in the necessity to appeal to highly subjective and unique parameters. On the other hand, according to established opinion the sphere of international and inter-ethnic relations requires exceptional finesse as there is a potential danger of socio-political outbursts with most serious consequences leading to the dissipation of state and the loss of sovereignty. In addition to that, the traditional forms of government institution are not able to effectively work in this field of interest because of the blurred outlines of the responsibility areas, inability to set particular goals and ambiguity of the national policy budgeting issues. The experience of the nationalities department which existed in Russia during the first post-Soviet decade showed that the above mentioned factors lead to the constant search for organizational forms and frequent senior management replacement. That interfered with the effective work and led to the dissolution of the department. The role of the government in the national policy implementation is examined in the article. The interdepartmental communications in this matter are illustrated.

Key words: national policy, scientific-and-expert society, management, subject, legal mechanics.

AMINOV Ildar Rinatovich

*Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor
of the National Law Chair, Institute of Law,
Bashkir State University, Ufa*

THE ROLE OF THE LOCAL GOVERNMENT IN REGULATING OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: POLITICAL AND LEGAL REVIEW

Downstream of the political activities and the influence of this process on various spheres of people and society lives remain one of the currently important questions in analysing the results of the local government reforms. As the Republic of Bashkortostan being a multinational region in addition to high rate of the migration in the Republic the number of the ethno-political conflicts has grown in recent years. In this regard it is important to analyse the changes in the ethno-political situation in the Republic of Bashkortostan taking into consideration the reforms of the local government particularly as the Republic was among the pilot ones in implementing of the reform. The author of the article tries to analyse the experience in management of the ethno-political processes on the grassroots level of the government as well as to determine the potential of the local government in stabilising of the ethno-political situation in the Republic.

Key words: law, local government, ethno-political conflict, analysis, potential, the Republic of Bashkortostan, region.

ANGELI Sofia Sergeevna,
*the Director of the College,
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa,
Postgraduate of the 3rd year, Bashkir State University, Ufa*

**ENDONYMS
AND NATIONAL IDENTITY PROBLEMS**

The author searches for the correlation between the most important ethnos characteristics — endonym and national identity.

Key words: *ethnos , endonym, national identity, culture, archetype.*

MIGRATION AS THE FACTOR OF THE REGIONS AND TERRITORIES DEVELOPMENT

USMANOVA Diana Rafaelevna,

*Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer
of the Management and Law Disciplines Chair,
Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia*

THE CURRENT STATE OF THE MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The author examines the current migration situation in the Russian Federation; the causes and consequences of the migration processes. Specifically, the author is interested in migration characteristic aspects in various countries, the possibility of increasing the effectiveness of the action against the illegal migration.

Key words: *migration, migration policy, migration processes, migration situation, migrant, labour migration, immigration.*

BOGATYREVA Marina Ruslanovna,

*Candidate of Social Sciences, Assistant Professor
leading research worker
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

MALYKH Daria Dmitrievna,

*Master's Degree Student
of St. Petersburg State University*

MIGRATION POLICY REGULATION

The article indicates the goals of the migration policy and the mechanisms used in its implementation by the government. The author enumerates the most important issues of the migration that Russian government faces and that require government regulation. The laws regulating the migration policy of the Russian Federation is also reviewed in the article.

Key words: *migration, migration policy, the Russian Federation, labour mobility, spatial flows.*

TERRITORIAL IDENTITY OF RUSSIA IN THE GLOBALIZED WORLD

BRESLER Mikhail Grigorievich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
of the Commerce and Entrepreneurship Chair,
Bashkir State University, Ufa*

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALISYS OF THE CRIMEA'S REUNIFICATION PROCESS

In respect of social and philosophical aspects, Crimea's reunification with Russia took place largely on the level of symbols interchange which is characteristic to information-oriented society. The article deals with the transformation of complex images in the minds of the inhabitants of the peninsula, and questions as the new positioning of the Crimea region of Russia.

Key words: *Crimea, information-oriented society, simulacrum, post-modern.*

BUTCHANIN Anton Mikhailovich,

*Degree Seeking Applicant of the Constitutional Law Chair
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

THE PROCEDURE OF CRIMEA'S REUNIFICATION WITH RUSSIA: ETHNOPOLITICAL PECULIARITIES

The Crimean Peninsula's affiliation: the Republic of Crimea and Sevastopol, the city with federal status, with Russian constitutional and legal framework caused the burst of conflicting opinions and accusations on the part of foreign political and community leaders, new Ukrainian authorities and other actors of international relations. The precedent of the "Crimean spring" itself is unique in its structure and consequences for global relations paradigm. The special point here is the Western sanction policy in regard to Russian economy and politics the aim of which is to weaken the Russian political and economic leadership on a number of counts. In turn that is the after-effect, so called feedback from the UN and USA, of the Crimea and Sevastopol's affiliation to the Russian Federation.

The present article deals with the main constitutional and legal characteristics of the Crimean Peninsula's affiliation to Russia, its legal and constitutional framework and main regulatory, theoretical constructions legitimizing the process. The main stand on the presented issue of the international law and community is also regarded here.

Key words: *federalism, subjects of the Russian Federation, the Republic of Crimea, the city with federal status, Sevastopol, federal state, federal relations, nationalities policy, national security, national interests, inter-ethnic relations, legitimacy, referendum, political regionalistics, ethnopolitics.*

REGIONAL ELITES AND IDEOLOGY

NUGUMANOV Damir Salavatovitch,

*Instructor of the of History of State and Law and Constitutional Right Chair,
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa;
Postgraduate Student of the National and Federal Relations Chair,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

PICULIARITIES REGIONAL POLITICAL ELITES FORMATION AND POLITICAL PARTICIPATION IN PRESENT-DAY RUSSIA

This article deals with the issue of the regional political elites establishing and functioning in present-day Russia. The particular aspects and general characteristics of regional political elites establishment during the post-Soviet period are under analysis; the subjects of the regional elite are pointed out. The author of the article gives a post evaluation of the internal actions peculiarities as well as the character of mutual relations between the regional political elites and federal centre.

Key words: *regional political elite, regional political elite formation, regional political elite functioning, federal relations, centre-regions kind of inter-relations.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair,
Ufa Transport Institution (branch)
of the Samara State Water Transport University*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,

*Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher
of the Physical Education, Health and Safety Faculty,
Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagiliv*

ABDRAFIKOVA Larisa Viacheslavovna,

*Higher Category Teacher of History and Social Studies,
Secondary General School № 27, Ufa*

ANARCHISM AND CONVENTIONALISM (Part I)

The article deals with the main ideas and views of theorists of anarchism as political doctrine, including new forms of the social organization based on the social contract and consent, i.e. conventional right.

Key words: *anarchism, anarchy, violence, state, right, property, power, etatism, conventionalism, justice, freedom.*

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках:**

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5x6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА». 2015. № 3 (28)

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 15.09.2015. Подписано в печать 29.09.2015.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 14,02.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 133

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.ufabist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru

ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

**реализует программы повышения квалификации и переподготовки
для специалистов различного профиля**

Мы обеспечиваем высокое качество образовательных услуг, гибкость, динамичность, вариативность программ дополнительного профессионального образования благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям обучения.

Курсы проводят преподаватели вузов и ведущие специалисты-практики Республики Башкортостан. Учебные занятия организуются в форме кейс-технологий, лекций и практических занятий.

Приглашаем Вас пройти обучение в ноябре по следующим программам:

Курсы повышения квалификации по программе «Правовое регулирование деятельности комиссии по делам несовершеннолетних в Российской Федерации» (продолжительность 24 академических часа) с 11 по 13 ноября 2015 г .

Курсы повышения квалификации по программе «Специалист по управлению персоналом» (продолжительность 16 академических часов) с 17 по 18 ноября 2015 г .

Курсы повышения квалификации по программе «Управление государственными и муниципальными закупками: закупки в контрактной системе» (продолжительность 60 академических часов) с 23 по 28 ноября 2015 г .

Курсы по программе подготовки лиц, желающих принять в семью ребенка оставшегося без попечения родителей (продолжительность 80 академических часов) с 16 ноября 2015 г .

По окончании курсов выдается удостоверение о повышении квалификации установленного образца.

Заявки на обучение принимаются по электронной почте: bistufa@mail.ru или по телефону: (347) 248-43-01.
